

ISSN 2542-2197

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

2017 7 (779)

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY
EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
"MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY"

The year of foundation – 1940

**VESTNIK
OF MOSCOW STATE
LINGUISTIC UNIVERSITY
HUMANITARIAN SCIENCES**

Issue 7 (779)

Moscow
FSBEI HE MSLU
2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Год основания издания – 1940

**ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Выпуск 7 (779)

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2017

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета
Главный редактор
доктор филологических наук, профессор **Г. Г. Бондарчук**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н. М. Алиева, д-р филол. наук, проф. (Азербайджан)
Г. Б. Воронина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Р. Гаспарян, д-р филол. наук, проф. (Армения)
К. В. Голубина, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. К. Гомес, проф. лингвистики (Кадис, Испания)
И. А. Гусейнова, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. А. Дудик, канд. филол. наук (МГЛУ)
М. С. Имомзода, д-р филол. наук, проф. (Таджикистан)
К. М. Ирисханова, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. К. Ирисханова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Я. Касюк, д-р истор. наук, проф. (МГЛУ)
И. А. Краева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Г. Ф. Красноженова, д-р социол. наук, проф. (МГЛУ)
С. С. Куланбаева, д-р филол. наук, проф. (Казахстан)
Т. В. Медведева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. В. Моисеенко, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. И. Мусаев, д-р филол. наук, проф. (Кыргызстан)
Л. А. Ноздрина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Т. В. Писанова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Р. К. Потапова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
О. А. Радченко, д-р филол. наук, проф. (Россия)
М. Н. Русецкая, д-р пед. наук, проф. (Россия)
И. А. Семина, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Т. С. Сорокина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
И. И. Убин, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Языкознание

И. Василюк, канд. филол. наук (Польша)
Е. Е. Голубкова, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
Л. М. Жданова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Е. Б. Карневская, канд. филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Ф. Косиченко, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Н. Б. Кудрявцева, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. В. Порохницкая, д-р филол. наук (МГЛУ)
Л. Ш. Рахимбекова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Л. А. Уралова, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Г. М. Фадеева, канд. филол. наук, доц. (МГЛУ)
Э. А. Харитончик, д-р филол. наук, проф. (Беларусь)
Е. Н. Цветаева, канд. филол. наук, проф. (МГЛУ)
А. Дж. Ченки, д-р наук по славянским языкам (Нидерланды)
В. Янулевичене, д-р гуманитарных наук, проф. (Литва)

Литературоведение

А. П. Бондарев, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
В. Н. Ганин, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
О. В. Евтушенко, д-р филол. наук, доц. (МГЛУ)
Захари Захариев, д-р филол. наук, проф. (Болгария)
Е. В. Сомова, д-р филол. наук, проф. (МПГУ)
С. П. Толкачев, д-р филол. наук, проф. (литературный ин-т им. М. Горького)
С. Н. Травников, д-р филол. наук, проф. (ин-т рус. яз. им. Пушкина)

Культурология

А. Ю. Евдокимов, академик РАЕН, д-р техн. наук, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Е. А. Осьминина, д-р филол. наук, проф. (МГЛУ)
М. А. Полетаева, канд. культурологии, доц. (МГЛУ)
Р. А. Силантьев, д-р истор. наук, доц. (МГЛУ)
В. А. Тёмкин, канд. истор. наук, доц. (МГЛУ)

Философские науки

В. А. Васильев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
А. Н. Лоцилин, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)
Ю. А. Сухарев, д-р филос. наук, проф. (МГЛУ)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Краева И. А.</i> Градуальность английских прилагательных: компонентный vs концептуальный анализ (на материале прилагательных, выражающих температуру)	10
<i>Захарова А. Г.</i> Опыт когнитивного моделирования семантики производных единиц	18
<i>Зыкова И. В.</i> Разновидности перцепции в процессе фразеогенезиса (опыт лингвокультурологического изучения)	27
<i>Киосе М. И.</i> Предикативный потенциал непрямого наименования в тексте	41
<i>Крюкова О. П.</i> Деловой дискурс в управлении поведением (проблемы прикладного прагмалингвистического анализа массовой коммуникации)	51
<i>Лаерова Н. А.</i> К вопросу об определении антонимии и о типологической классификации антонимов	62
<i>Левицкий А. Э.</i> Реальное, квазиреальное и нереальное: проблемы вербализации средствами современного английского языка	72
<i>Панарина Н. С.</i> Механизм знакового опосредования мышления как фактор развития коммуникативного потенциала прецедентных имен	85
<i>Феоктистова А. В.</i> Роль аналогии в процессе формирования слов-стяжений в современном английском языке	96
<i>Цибуля Н. Б.</i> Невербальные корреляты мелодических моделей в британском варианте английского языка	104
<i>Черемисина Т. И.</i> Особенности динамики современного англо-китайского языкового контактирования	114

Шевченко С. Н.
Проблема выделения культурных ассоциаций в структуре
ассоциативного поля (на примере стимулов-лексем
полезных ископаемых) 133

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Войтехович Р. С.
Пределы «безмерности» Марины Цветаевой 143

Жук А. Д.
Одический гимн в английской литературе
последней четверти XVIII и XIX веков 154

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Осьминина Е. А.
Ассиро-вавилонская культура
в изображении Д. С. Мережковского 170

Перова Е. Ю.
Идеи милосердия в профессиональной деятельности
в России XIX–XX веков 179

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Смирнова И. Б.
Социально-философский анализ мотива «ПАРИ»
как отражение французской культуры XIII столетия 193

Соловьев В. М.
Науковедческие новации В.О.Ключевского 202

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Kraeva I. A.</i>	
Graduality of English Adjectives: Componential vs Conceptual Analysis (on adjectives expressing temperature)	10
<i>Zakharova A. G.</i>	
Cognitive Modelling of Semantics of Derivatives	18
<i>Zykova I. V.</i>	
Types of Perception in the Process of Phraseogenesis (the linguocultural study)	27
<i>Kiose M. I.</i>	
Predication in Indirect Textual Names	41
<i>Kryukova O. P.</i>	
Business Discourse in Linguistic Behavior Management (problems of applied pragmalinguistic analysis of mass communication)	51
<i>Lavrova N. A.</i>	
Towards Antonymy and Typological Classification of Antonyms	62
<i>Levitsky A. E.</i>	
Real, Quasi-Real and Non-Real: Verbalization in Present-Day English	72
<i>Panarina N. S.</i>	
The Mechanism of Symbolic Mediation of Thinking as a Factor of the Development of the Communicative Potential of the Precedential Naming	85
<i>Feoktistova A. V.</i>	
Role of Analogy in the Formation of Blends in the Modern English Language	96
<i>Tsibulya N. B.</i>	
Non-Verbal Correlates of Melodic Patterns in the British Variant of the English Language	104
<i>Cheremisina T. I.</i>	
Dynamic Character of Anglo-Chinese Language Integration	114

Shevchenko S. N. The Problem of Distinguishing Cultural Associations in the Structure of Associative Field (on the examples of stimuli-lexemes of natural resources)	133
---	-----

LITERARY STUDIES

<i>Voitekhovich R. S.</i> The Limits of Marina Tsvetaeva's "Bezmernost"	143
<i>Zhuk A. D.</i> Odic Hymn in English Literature in 1775–1900	154

CULTUROLOGY

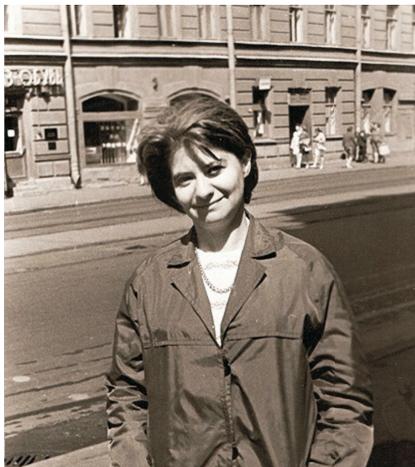

<i>Osmalina E. A.</i> Assyro-Babylonian Culture in the Image of D. S. Merezhkovsky	170
<i>Perova E. Yu.</i> Ideas of Mercy in Professional Activity in Russia of the XIX–XX Centuries	179

PHILOSOPHY

<i>Smirnova I. B.</i> Socio-Philosophical Analysis of the "Betting" on the Material of the French "Courtly-Realistic" Works of the 13 th Century	193
<i>Soloviov V. M.</i> Scientific Innovations of V. O. Kluhevsky	202

В этом году исполнилось бы 90 лет выдающемуся лингвисту, главному научному сотруднику Института языкознания РАН РФ, доктору филологических наук, профессору Елене Самойловне Кубряковой. В честь этого юбилея кафедра лексикологии провела традиционные ежегодные лексикологические чтения «В поисках сущности языка».

Именно этой задаче Елена Самойловна посвятила свою долгую плодотворную творческую научную деятельность. В этом же направлении продолжают работать и ее многочисленные ученики, развивая в своих исследованиях положения и методику когнитивно-дискурсивной научной парадигмы, разработанную Е. С. Кубряковой.

Участие в чтениях известных современных российских лингвистов, чьи статьи собраны в разделе «Языкознание» в Вестниках 7(779) и 9(781), отражают традиционные связи нашего университета с академической наукой, которые закладывались уникальными лекциями, читаемыми ежегодно в стенах нашего университета Е. С. Кубряковой. Благодаря ее руководству аспирантами и докторантами кафедры тематика ежегодных лексикологических чтений всегда отвечала современным международным научным разработкам.

Именно такое название «В поисках сущности языка» объединило в двух упомянутых вестниках разных авторов, практикующих различные подходы к загадке языка и работающих с материалом различных языков.

Надеемся, что выдающемуся ученому, а для многих из нас руководителю, было бы интересно полемизировать с новым поколением лингвистов, которых по-прежнему интересует загадка сущности человеческого языка и пути способов его описания.

УДК 811.111

И. А. Краева

кандидат филологических наук, профессор, и. о. ректора МГЛУ;
тел. : 8 (499) 245 30 02

**ГРАДУАЛЬНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ:
КОМПОНЕНТНЫЙ VS КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
(на материале прилагательных, выражающих температуру)**

В статье рассматриваются некоторые вопросы языковой репрезентации градуальности в английском языке, в частности, с помощью прилагательных. Материалом для исследования послужили прилагательные, выражающие температуру. В центре внимания находится имплицитное выражение градуальности, пока недостаточно изученное в лингвистике. Автор кратко останавливается на основных отличиях и корреляциях в изучении данного вопроса в рамках структурной лингвистики и в рамках современной когнитивной парадигмы лингвистического знания, т. е. с применением компонентного и концептуального анализа. Приводятся некоторые результаты исследования автором английских прилагательных температуры в русле структурной лингвистики. На основе мнения ведущих российских когнитологов (Е. С. Кубряковой, Е. Г. Беляевской), сравниваются процедуры проведения компонентного и концептуального анализа. Кратко рассматривается вопрос о том, какие базовые концепты, в том числе выражающие градуальность, могут составлять концептуальные структуры, лежащие в основе семантики прилагательных *arctic* и *lukewarm*.

Ключевые слова: градуальность; понятийная категории; языковая универсалия; имплицитный; эксплицитный; градация качества; компонентный анализ; концептуальный анализ.

Kraeva I. A.

PhD (Philology), Professor, Acting Rector of MSLU; tel 8 499 245 30 02

**GRADUALITY OF ENGLISH ADJECTIVES:
COMPONENTIAL VS CONCEPTUAL ANALYSIS
(on adjectives expressing temperature)**

The article looks into some issues of linguistic representation of graduality in English, in particular with the help of adjectives. The material for the investigation includes adjectives expressing temperature. The focus is on the implicit representation of graduality which is not yet fully investigated in linguistics. The author dwells in short on the main differences and correlations in considering this issue within the framework of structural linguistics and modern cognitive linguistic paradigm, that is using componential and conceptual analyses. The author presents some results of her investigation of English adjectives denoting temperature within the framework of structural linguistics. The procedures of carrying out componential and conceptual analyses are compared on the basis of

opinions of leading Russian cognitologists (E. S. Kubryakova, E. G. Belyaevskaya). The article touches upon the issue of basic concepts that may constitute the conceptual structures that underlie the semantics of the adjectives *arctic* and *lukewarm*.

Key words: graduality; conceptual category; linguistic universal; implicit; explicit; gradation of quality; componential analysis; conceptual analysis.

Существуют проблемы, которые находятся в центре внимания лингвистов на протяжении долгого времени. Одна из них – изучение основных понятийных категорий, к которым относится, в частности, градуальность, понимаемая в современном языкознании как смысловой компонент общего характера, свойственный не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов и выражаемый в естественном языке разнообразными средствами [ЯБЭС, с. 385]. При этом градуальность представляет собой универсальную понятийную категорию, поскольку она, как и другие языковые универсалии, свойственна всем или большинству языков мира, и благодаря именно этому свойству градуальность выступает как основа сводимости описаний разнообразных и разнотипных языков [там же].

При этом важно подчеркнуть, что градация признака, качества объекта или явления происходит только тогда, когда она выражена языковыми средствами. Поэтому вопрос о том, какими средствами может быть представлена данная основополагающая понятийная категория в разных языках, в том числе и в английском, остается одним из актуальных вопросов и в настоящее время.

По справедливому утверждению Н. Н. Болдырева, «активная роль человека в познавательных процессах, осуществляемых на основе и с помощью языка, проявляется не только в способности по-разному воспринимать объекты, но и в формировании разных языковых значений и смыслов и в выборе различных языковых форм, что подразумевает существенное влияние языковых единиц и категорий на процессы концептуализации и категоризации, а также на способы их представления в языковой деятельности» [Болдырев 2017, с. 42].

Нет сомнения в том, что базовой языковой категорией, «обслуживающей» универсальную понятийную категорию градуальности, является категория качественных прилагательных, поскольку, как известно, только качественные прилагательные обозначают

признак, который может проявляться в большей или меньшей степени, и поэтому имеют градуируемые значения.

Большинство лингвистов полагают, что в английском языке градуальность выражается в первую очередь *эксплицитно* – при помощи степеней сравнения качественных прилагательных и их словосочетаний с наречиями степени (интенсификаторами, наречиями-градуаторами).

Вместе с тем большой интерес представляет и *имплицитное* выражение градуальности, которое является наименее изученным сегментом категории градуальности как на материале английского языка, так и применительно к другим языкам. Имеется в виду обозначение одного и того же качественного признака с различной степенью его проявления самостоятельными лексемами.

Вопрос об имплицитном выражении градуальности рассматривался в структурной лингвистике и остается актуальным для современной парадигмы лингвистического знания – когнитивной лингвистики.

Цель данной статьи – сопоставить возможные пути и методы исследования градуальности признака в двух указанных парадигмах. Материалом послужили английские прилагательные, выражающие температуру объекта (далее – прилагательные температуры).

В своих более ранних работах мы рассматривали английские прилагательные температуры как средства имплицитного выражения градуальности в рамках структурной лингвистики и поэтому использовали компонентный анализ, предложенный Ю. Найда [Nida 1975]. Как известно, для данной парадигмы лингвистического знания компонентный анализ являлся основным методом семантического анализа.

Традиционно компонентный анализ определяется как «метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие» [ЯБЭС, с. 233], т. е. на семы. Под семой понимается «минимальная, предельная единица плана содержания» [там же с. 437], и она является операциональной единицей компонентного анализа.

Проведя компонентный анализ прилагательных температуры ранее в рамках структурной лингвистики, мы определили

основные виды сем и составили их иерархию. При этом, говоря об иерархической организации семного состава, мы имели в виду возможность полной или частичной его модификации прежде всего при переходе от одного значения лексемы к другому. Перераспределение сем в структуре значения наблюдается и при его функционировании в речи, где в определенных контекстуальных условиях происходит актуализация или, наоборот, опущение потенциальной семы, сохраняется или нейтрализуется дифференциальная сема.

В значениях прилагательных температуры нами были выделены семантические компоненты следующих уровней: 1) компонент, выражающий категориальный признак «качество» (общекатегориальная сема качества); 2) семантический компонент, указывающий на признак температурного восприятия (температурное качество); 3) классифицирующие семантические компоненты «низкой» и «высокой» температуры; 4) дифференцирующие семантические компоненты, уточняющие признаки по количественным (градуальные семы) и другим параметрам.

Естественно, что в рамках компонентного анализа определение градуальности «температурных» значений исследуемых прилагательных (т. е. установление в структуре рассматриваемых значений семантического компонента «количества признака») также проходило с опорой на лексикографические источники. Анализ толковых словарей английского языка показал, что для указания на степень интенсивности признака используются наречия степени (*very, extremely, intensely, moderately* и др.), группы сравнения, а также антонимы, как показатели того, что прилагательные обозначают полярные степени одного и того же признака.

В итоге мы пришли к выводу о том, что семантический ряд английских прилагательных температуры по структуре является градуационным. Его члены противопоставлены друг другу как члены градуальной оппозиции. Основную оппозицию образуют COLD – WARM. Эти прилагательные являются доминантами в указанном семантическом ряду и обладают самой высокой частотностью употребления.

Пришедшая на смену структурной лингвистике когнитивная парадигма лингвистического знания, имея всё тот же объект исследования – язык, предлагает свой подход к рассмотрению языковых явлений, по-новому ставит исследовательские задачи, что

требует разработки новых методов исследования. Одним из основных методов когнитивной лингвистики, как известно, является *концептуальный анализ*.

При этом, как справедливо полагает Е. Г. Беляевская, если метод компонентного анализа в структурной лингвистике был детально разработан и описан, то «концептуальный анализ, упоминание о котором встречается практически в любой работе последних лет, не имеет четко разработанной методики или процедуры проведения анализа языкового материала. Создается впечатление, что во многих случаях концептуальный анализ осуществляется *на интуитивном уровне, что делает получаемые результаты невопроизводимыми*» [Беляевская 2009, с. 62].

Хочется особо отметить, что когнитивная лингвистика не только не умаляет достижений предшествовавшей ей структурной лингвистики, но всячески их подчеркивает и даже пытается найти определенную взаимосвязь между двумя основными методами анализа – компонентным и концептуальным. Ведущие российские ученые полагают, что компонентный анализ не потерял своей важности и в настоящее время как первая ступень анализа языкового материала, предшествующая концептуальному анализу. Так, Е. С. Кубрякова в этой связи отмечает: «Соответственно нашему пониманию концептуального анализа, КА следует за традиционным семантическим анализом языковой формы (в терминах лексикографических дефиниций), переходя к когнитивному анализу (раскрытие более конкретных значений экстенционалов анализируемых форм) и, наконец, завершая эту цепочку концептуальным анализом, осуществляемым в терминах концептов более высокого порядка» [Кубрякова, с. 17]. Данное мнение разделяет Е. Г. Беляевская: «Фактически, семный анализ может выступать в качестве отправной точки для концептуального анализа. При этом за выделением сем должен следовать следующий этап – своеобразное “укрупнение” сем, т. е. сведение их в более общие по своей природе базовые концепты» [Беляевская, с. 66].

Е. С. Кубрякова, говоря о современном «семасиологическом» подходе к изучению семантики языковых единиц в рамках когнитивной лингвистики, подчеркивает сложную форму такого семантического анализа, которая зависит от того, в каких терминах исследователь считает целесообразным (и по каким причинам)

фиксировать результаты анализа. Ею была разработана четкая иерархия существующих подходов на основе целей анализа. Во избежание любых искажений позволим себе привести данное чрезвычайно важное мнение практически полностью: «В принципе, соответственно целям анализа, можно говорить о следующей иерархии подходов: на самом “низком” уровне в ней находится **компонентный** анализ, заключающийся в обнаружении **минимальных** единиц, из которых складывается изучаемая форма (его результаты фиксируются в терминах дифференциальных сем). Ступенью выше располагается дефиниционный анализ, осуществляемый по традиции на основе лексикографических изданий; обычно он направлен на обнаружение неких сходных единиц в дефинициях изучаемых языковых форм. <...> С возникновением когнитивной семантики естественным продолжением проводимого анализа становится поиск **структур знания**, стоящих за изучаемой языковой формой; особый акцент становится при этом на определении круга расширяющихся экстенционалов формы и тех обыденных знаний, которые входят в семантику формы и/или которые по ассоциации связаны с телом соответствующего знака и могут быть установлены благодаря механизмам инференции. Чтобы выявить такие вполне конкретные структуры знания надо базироваться на более обширном языковом материале, а нередко и выйти за пределы существующих лексикографических изданий. Наконец, самую высокую ступень образует здесь **концептуальный** анализ, осуществляемый путем обобщения результатов анализа когнитивного и потому представляющий собой некоторую операцию “извлечения общего знаменателя” из всех предыдущих наблюдений. Он фиксирует итоги подобной операции в терминах концептов более высокого порядка, чем содержатся в словарных дефинициях единицы или в описании стоящей за ней структуры знания. Иначе говоря, концептуальный анализ завершает задачи описания семантики языковой формы на самых абстрактных уровнях ее бытия» [Кубрякова 2009, с. 18–19].

Не претендуя на проведение в рамках одной статьи исчерпывающего когнитивного и концептуального анализа английских прилагательных температуры, отметим лишь, что исследование их с точки зрения когнитивной лингвистики явно приводит нас к результатам, отличным от результатов семного анализа. Становится

очевидным, что смысловое содержание прилагательных температуры представляет собой двухуровневую структуру, где на внешнем, поверхностном, уровне подобной структуры находится то, что обычно и относится к семантике языковой или речевой единицы (и здесь мы опираемся на данные семного анализа, а также на данные из разных привлекаемых лексикографических источников). А на глубинном уровне располагается концептуальная структура – то, что Е. Г. Беляевская называет «скелетом» семантики языковой сущности, который ранжирует признаки обозначаемого по степени важности и, соответственно, определяет национально-культурное видение обозначаемого в данной языковой системе» [Беляевская 2009, с. 64].

Данная «внутренняя», глубинная, концептуальная структура прилагательных температуры, являясь основанием семантики этих языковых единиц, будет, очевидно, состоять из некоторого числа более мелких концептов (базовых, элементарных концептов/мини-концептов), принадлежащих к другому уровню абстракции и носящих более обобщающий характер, чем семы. В случае английских прилагательных температуры речь будет идти и об элементарном концепте количественного выражения/степени проявления признака как одного из базовых концептов, лежащих в основе всех значений прилагательного данной категории (как «телесных», так и «духовных»). Например, прилагательное *arctic* во всех своих значениях выражает высокую степень проявления признака: что-то очень холодное в физическом смысле (*sth very cold*) или очень холодная, отстраненная манера поведения, взгляд и т. д. (*extremely cold in manner*), а прилагательное *lukewarm* всегда выражает малую степень проявления признака, будь то невысокая температура объекта или почти полное отсутствие интереса к чему-либо (*showing hardly any interest*). Примеры можно было бы продолжить.

На основе вышесказанного можно сделать общий вывод о том, что проблема вербализации градуальности, вопрос об имплицитных средствах ее репрезентации можно рассматривать с использованием разных видов лингвистического анализа, в том числе компонентного и концептуального, что будет приводить лингвистов к разным результатам. Несомненно также, что изучение данных вопросов в русле современной парадигмы лингвистического знания на материале разных языков, в том числе английского, требует дальнейшего детального исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляевская Е. Г.* Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова ; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 60–68.
- Болдырев Н. Н.* Интерпретирующий фактор языка в познании и коммуникации // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIX. Когниция и коммуникация в лингвистических исследованиях: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. С. 40–48.
- Кубрякова Е. С.* Основные направления концептуального анализа: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова ; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 11–21.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь (ЯБЭС) / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М. : Большая Российская Энциклопедия, 1998. 685 с.
- Nida E. A.* Componential Analysis of Meaning. The Hague : Mouton, 1975. 195 p.

УДК 811.111'37

А. Г. Захарова

преподаватель кафедры английского языка №1 МГИМО МИД России
факультета международных отношений; e-mail: un_bello_gesto@mail.ru

ОПЫТ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ПРОИЗВОДНЫХ ЕДИНИЦ

В статье описываются когнитивные механизмы, приводящие к развитию новых значений, а именно аналогия и метонимия, лежащие в основе значений производных, образованных от прецедентных имен. В ходе моделирования семантики этих лексических инноваций учитываются процессы фокусирования и дефокусирования отдельных концептуальных характеристик слотов фрейма прецедентного имени. Подчеркивается, что производные несут большую когнитивную нагрузку, соответственно выделение моделей семантики должно облегчить процесс декодирования значений.

Ключевые слова: когнитивное моделирование; аналогия; прецедентное имя; метонимия; словообразование; фрейм.

Zakharova A. G.

Lecturer, Faculty of International Relations, Department of English №1, MGIMO University; e-mail: un_bello_gesto@mail.ru

COGNITIVE MODELLING OF SEMANTICS OF DERIVATIVES

The article looks at the cognitive mechanisms underlying the semantics of derivatives from precedent names, namely analogy as a means of language transformation and metonymy as a radial category. Derivatives in question carry a strong cognitive charge and the construction of their meanings has a systemic character, therefore, some conceptual models are singled out.

Key words: cognitive modelling; analogy; precedent name; metonymy; word building; frame.

В последние годы наметился повышенный интерес лингвистов к проблемам познания окружающего мира и человеческого опыта, в частности к процессам концептуализации и категоризации. Показательным материалом в данном случае служит семантика языковых единиц, которую удобно описывать, или «моделировать», используя множество когнитивных методов. Модель в общем виде представляет собой некий схематизированный конструкт, призванный имитировать или «замещать» более сложный и трудно наблюдаемый оригинал. Характеризуясь упрощенностью и схематичным характером, она позволяет выявить и изучить наиболее важные

для исследования свойства исходного объекта, и поэтому является продуктивным способом его познания [Беляевская 2008]. Именно отобранные общие концептуальные характеристики и свойства ложатся в основу номинаций, согласно Е. Г. Беляевской: «Когнитивная модель задает концептуальную схему структуризации признаков обозначаемого, выделяя «номинативный фокус» обозначения» [Беляевская 1991, с. 7].

Основоположник отечественного концептуального словообразования и когнитивного моделирования Е. С. Кубрякова отмечала, что производная лексика обладает схемами соединения определенных структур знания со словообразовательными конструкциями, механизмами моделирования и процедурами обработки новых данных [Кубрякова 2004]. Под словообразовательной моделью ученый понимает «принятые обществом способы трансформации суждений об обозначаемых в их названиях» [Кубрякова 1981, с. 54]. Вслед за Е. С. Кубряковой, Л. В. Бабина полагает, что производные слова представляют собой пропозиции особого типа, а пропозиционные структуры, возникающие в процессе концептуальной деривации рассматриваются ею как когнитивные модели [Бабина 2009]. Опираясь на определение Н. Н. Болдырева, автор утверждает, что на концептуальном уровне имя собственное, например антропоним, можно представить в виде матрицы как формата организации знаний. Матрица представляет собой набор когнитивных контекстов, сквозь призму которых можно анализировать языковое значение.

Производные от прецедентных имен как новые единицы номинации, появившиеся на лексической карте английского языка совсем недавно, до сего дня не подвергались подробному анализу в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы. Настоящая статья представляет собой попытку концептуального моделирования семантики этих особых производных номинаций. Прежде всего их особенность заключается в том, что это слова-символы, а символ – это всегда «то, что «больше» знака, он отличается неисчерпаемой многозначностью своего содержания» [Пиаже 1984, с. 328]. Говоря о структуре прецедентного имени, оно состоит из ядра, которое содержит дифференциальные признаки (внешность, характер, прецедентная ситуация) и периферии – атрибутов [Гудков 1994]. Это позволяет утверждать, что производные от прецедентных

имен несут много социокультурной информации не только о персонаже, но и об определенной эпохе, времени, следовательно, эти символичные единицы несут большую когнитивную нагрузку. В связи с этим возникает необходимость моделировать глубинную семантику производных единиц, с тем чтобы упростить процесс ее декодирования.

Для описания семантики когнитологами используются такие методы, как: фреймовый и пропозициональный анализ, метод концептуальной интеграции и идеализированных когнитивных моделей. В настоящем исследовании мы выделяем модели структурно-семантической аналогии, которая широко представлена на фразеологическом уровне. Аналогия «предполагает не только наличие формального и семантического сходства исходной ФЕ и новообразования, но и, главное, наличие у них общей номинативной схемы» [Рахматуллаева 2015, с. 83]. Моделированность в сфере фразеологии, по мнению А.В.Кунина, является частью моделированности языка как системного образования [Кунин 1986]. Н.Г.Рахматуллаева отмечает, что знание, которое содержится в имплицитном компоненте семантики каждой ФЕ, организовано благодаря наличию фиксированной концептуальной схемы. Эта схема лежит в основании соответствующей номинации и составляет ее мотивирующую базу [Рахматуллаева 2015]. Новообразования могут формировать фразеологические серии: *Nicholas Cage syndrome, Cinderella syndrome, Tinderella syndrome, Terminator syndrome, Lebron James syndrome, Peter Pan syndrome, Munchausen syndrome; Cinderella effect, Salman Khan effect, Dorian Gray effect, Pikachu effect, Voldemort effect, Clintonian moment, Nixonian moment, Pinocchio moment, Zorro moment.*

Общность концептуальных оснований семантики, стоящая за производными от прецедентных имен, в частности композитов, образованных по аналогическому типу, позволяет говорить о моделируемости этих единиц. Как и контаминанты с опорным словом-прецедентным именем (*cinderfella, frankenstorm, romnesia, shrekology*), словообразовательные фразеологические серии на глубинном уровне представлены моделями концептуальной интеграции [Захарова 2016]. Данные лексические инновации, встречающиеся сегодня всё чаще на лексической карте английского языка, представляют собой особые сложные ментальные конструкторы,

семантику которых можно описать с помощью интеракции двух фреймов: событийного, стоящего за прецедентным именем, и фрейма, представленного концептами «*syndrome*», «*complex*» и «*effect*». Комбинирование фреймов осложняется процессами фокусирования и дефокусирования отдельных концептуальных характеристик из обоих доменов, прежде всего фокусированием отдельных слотов прецедентного имени по метонимическому типу, т. е. для конструирования значения деривата выбирается одно или несколько идиосинкратичных свойств эталонного героя, которые приписываются новому объекту [Golubkova, Zakharova 2016]

В вышеупомянутых примерах опорное слово *syndrome*, обладающее негативной коннотацией (согласно FrameNet, *syndrome* входит во фрейм «*medical condition*») как бы «вытягивает» из фрейма прецедентного имени те слоты, которые содержат отрицательные характеристики, в результате чего композиционная семантика резко негативная (*Tinderella syndrome* – способность знакомства с девушкой только на сайте знакомств Tinder; *Peter Pan syndrome* подчеркивает инфантильность представителей мужского пола; *Munchausen syndrome* номинирует человека, который изображает симптомы болезни). Следует отметить, что последний пример – это медицинское заболевание, *medical case*, которое не следует путать с большинством других не признанных медициной синдромов.

Фразеомодели с опорным словом *moment* также очень частотны в дискурсе массмедиа, отличаются широкой контекстуальной вариативностью и указывают на определенную характеристику, похожую на ту, которой обладал прототип номинации (*Nixonian moment* – поведение, манера речи, скандал Р. Никсона; *Clintonian moment* – интриги, способ управления, личностные характеристики, присущие Б. Клинтону). В словообразовательном плане новая морфологическая структура создается на базе исходной мотивирующей единицы (*Clinton, Nixon*), к которой присоединяются аффикс и постоянный компонент (*syndrome, effect* или *moment*). Переменным компонентом данных производных номинаций, как правило, служит очень известное прецедентное имя, которое вызывает целый спектр противоречивых коннотаций и ассоциаций, тем самым позволяя широкозначной лексеме *moment* извлекать из набора слотов фрейма прецедентного имени нужные для данного контекста признаки.

Как показывает анализ, «метонимия выполняет функцию моделирования компонентов смысла» [Паршина 2013, с. 126]. И действительно, концептуальная метонимия часто лежит в основе семантики новых слов. Согласно проведенным лингвистическим исследованиям, человек мыслит не только метафорически, но и метонимически. Р. Лэнекер даже утверждает, что метонимия лежит в основе почти всех языковых значений, поскольку почти всегда одни оттенки значения выборочно выходят на передний план, а другие дефокусируются [Littlemore 2015]. В настоящем исследовании мы придерживаемся концепции метонимии Пейрсмана и Гирэртса, согласно которым метонимию можно представить как радиальную категорию, в которой есть прототипические и периферийные (маргинальные) члены. В нашем случае это будет относиться к концептуальным характеристикам прецедентных имен. У каждого прецедентного имени (героя, персонажа) есть как прототипические (эталонные), так и латентные признаки.

Производные от прецедентных имен выступают как метонимы, за которыми стоят определенные характеристики денотата или событийные слоты фрейма этого имени. Такие номинации часто представляют собой когнитивную задачу, которую должен решить реципиент. Например, расшифровка значения в данных контекстах кажется на первый взгляд затруднительной, так как требует опорных фоновых знаний:

Liberty: We did, and it was absolutely pathetic, so we left. How was the dance?

Parker: Was worse than pathetic?

Liberty: Can you tell me what you're being all *James Bondy* about?

Parker: I'm not. *Liberty:* Come on, *Parker* [Corpus of American Soap Operas]

Speaking at a fans' and press screening of the episode, set to air on Sunday night, Moffat joked: For all those complaints being a bit too *James Bondy* and actiony ... not till tonight [Carl Greenwood 2017].

Предполагаем, что в данных примерах высвечиваются прототипические дифференциальные признаки референта производной единицы – авантюризм, решительность, страсть к женщинам и алкоголю. Атрибутами этого персонажа можно считать оружие, часы, успех у представительниц женского пола. В связи с тем, что

Джеймс Бонд не только литературный герой, но и главный персонаж фильма, список дифференциальных признаков и атрибутов не является конечным. В зависимости от фоновых знаний человека список может быть разным, но в любом случае прототипические характеристики этой радиальной категории постоянны. Полагаем, что говорящий намеренно прибегает к данным единицам, чтобы придать высказыванию большую красочность и выразительность, тем самым тестируя собеседника на знание содержания фильма. Как правило, такие «диффузные» прецедентные имена как *Джеймс Бонд*, *Супермен*, *Бэтмен*, *Золушка*, *Белоснежка* обрастают еще и дополнительными смыслами, в зависимости от контекста. Определенные концептуальные характеристики персонажа выходят на первый план, «магнифицируются» и домысливаются говорящим.

По метонимической модели формируется семантика не только адъективных производных, но и глаголов, образованных путем конверсии:

- 1) *Gullivered* – someone who uses their travel experiences to win an argument or shoot down ridiculous claims about a geographic place, culture, group of people, etc. Might be used in a derogatory fashion but typically the person who has been to the place in question trumps the opinion/claims of the person who hasn't [Urban dictionary]
- 2) *to be harry pottered* – when one of the siblings in a family gets treated in a less beneficial way than the other(s), much like Harry Potter in the Dursley family. Also known as Cinderelling [Urban dictionary]; to be under an immense influence of exorcism because of Harry Potter series [Bob Larson 2012 //www.boblaron.org/blog/2012/09/26/harry-pottered-again/];
- 3) *to be Mickey Moused* – to be completely and utterly beyond the realms of drunkenness [Urban dictionary];
- 4) *Cinderella'd* – to change a girl from nothing to something, when a female has been misfortuned and then becomes fortunated [Urban dictionary];
- 5) *to MacGyver* – make or repair (an object) in an improvised or inventive way, making use of whatever items are at hand [Urban dictionary] also *to be macgyvered*;
- 6) *to be Justin Biebered* – to be exposed to torture by listening to J. Bieber songs.

Как показал анализ, большинство глаголов с компонентом-прецедентным именем используются в пассивном залоге, причем многие из них занесены в такой форме в словари. Они встроены в пассивную конструкцию. В фокус данных метонимических образов выводится идея *подвергнуться сильному воздействию*, вследствие чего объект действия *сильно изменяется*. Сеем предположить, что данный концептуальный фокус лежит в основе номинации всех глаголов в пассивном залоге с компонентом-прецедентным именем, что подчеркивает системность неологизмов данного типа и встроенность их концептуальных схем в человеческое сознание. Следовательно, всё новые и новые неологизмы порождаются именно по данной концептуальной модели и именно в данной грамматической конструкции.

Кроме того, «апеллятивы, образованные от имен собственных, способны выступать как средства репрезентации оценочных знаний» [Бочкарева 2012, с. 78]. Резко негативная коннотация прослеживается на примерах: *shrekked out* (нелестное высказывание о внешности женщины); *shrekage* (принять на себя сокрушительный удар, терпеть разрушение); *bieberish hair* (волосы как у Джастина Бибера (*уничиж.*)); *harry potter syndrome* (расстройство психики, при котором человек ведет себя как будто бы он был Гарри Поттером). Существуют и примеры энантиосемии: *orwellian* может быть как комплиментом (молодец), так и оскорблением (объект номинации плохой по качеству, слабый по характеристикам, отвратительный); *mickey mouse* в американском варианте английского языка обозначает всё примитивное, неинтересное, сделанное наспех, тогда как в австралийском английском данная номинация приобретает прямо противоположное значение.

Таким образом, в статье была предпринята попытка смоделировать семантику производных от прецедентных имен, используя механизм структурно-семантической аналогии и метонимического проецирования. Важно отметить, что в ходе моделирования семантики на концептуальном уровне учитывается процесс фокусирования релевантных черт прецедентного имени и дефокусирования остальных периферийных концептуальных признаков. Чем известнее эталонное имя, тем более высока вероятность, что реципиент расшифрует значение деривата. Модели, описанные в статье, обладают большим номинативным потенциалом, по ним

может генерироваться практически неограниченное число производных. Знание типичных упрощенных схем помогает при «дешифровке» нового производного и, соответственно, способствует успеху в коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабина Л. В.* Концептуальные основы словообразования // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. Москва–Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Державина, 2009. С. 128–149.
- Беляевская Е. Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (Когнитивные основания формирования и функционирования семантической структуры слова): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1991. 41 с.
- Беляевская Е. Г.* Модель и моделирование в лингвистических исследованиях // Принципы и методы когнитивных исследований языка. Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Державина, 2008. С. 98–110.
- Бочкарева И. В.* Когнитивные аспекты семантики производных от имен собственных в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2012. 209 с.
- Гудков Д. Б.* Структура и функционирование двусторонних имен (к вопросу о взаимодействии языка и культуры) // Вестник МГУ. Сер. 9. № 6. Филология. 1994. С. 45–75.
- Захарова А. Г.* Семантика контаминантов сквозь призму концептуальной интеграции (на материале производных от прецедентных имен). [Электронный ресурс] // Междисциплинарность в лексикологических исследованиях: наследие прошлого и перспективы. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 62–73 (Вестн. Моск. гос. лингвист. у-та; вып. 13 (752). Сер. Языкознание). URL: www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/13_752.pdf.
- Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.
- Паршина Е. О.* Когнитивные основы имен собственных в функции нарицательных в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2013. 183 с.
- Пиасже Ж.* Генетический аспект языка и мышления // Психолингвистика. М.: Питер, 1984. С. 325–335.

- Рахматуллаева Н. Г.* Когнитивные основания структурно-семантической аналогии во фразеологии английского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 214 с.
- Corpus of American Soap Operas. URL: corpus.byu.edu/soap/
- Golubkova E., Zakharova A.* Meaning-making processes in derivatives from precedent names // *Lege artis. Language yesterday, today, tomorrow. The Journal of University of SS Cyril and Methodius in Trnava. Warsaw : De Gruyter Open, 2016. Vol. I (2). December 2016. P. 37–79.* URL: www.degruyter.com/downloadpdf/j/lart.2016.1.issue-2/lart-2016-0010/lart-2016-0010.pdf
- Greenwood C.* Sherlock hits back at critics as showrunner reveals finale will be more James Bond than ever. URL: www.thesun.co.uk/tvandshowbiz/2605747/sherlock-hits-back-at-critics-as-showrunner-reveals-finale-will-be-more-james-bond-than-ever/
- Larson B.* Harry pottered again! URL: www.bobl Larson.org/blog/2012/09/26/harry-pottered-again/
- Littlemore J.* Metonymy: hidden shortcuts in language, thought and communication. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. 227 p.
- Urban dictionary. URL: www.urbandictionary.com/ (дата обращения 30.04.2017).

УДК 81.37

И. В. Зыкова

доктор филологических наук; ведущий научный сотрудник сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН; e-mail: zykova_iv@mail.ru

**РАЗНОВИДНОСТИ ПЕРЦЕПЦИИ
В ПРОЦЕССЕ ФРАЗЕОГЕНЕЗИСА
(опыт лингвокультурологического изучения)¹**

Статья посвящена одной из актуальных проблем современной теории фразеологии, которая связана с изучением роли перцептивного опыта в процессе фразеогенезиса. На материале английских и русских фразеологизмов предметной области вербальной коммуникации предпринимается попытка показать, что в формировании их значений наиболее релевантной может быть одна из трех основных разновидностей перцепции, которыми являются экстероцепция, проприоцепция и интероцепция. Особое внимание уделяется наблюдениям, полученным в ходе сопоставительного анализа группы фразеологических знаков, ведущую роль в продуцировании которых в английской и русской языковых системах играет интероцепция. Полученные результаты позволяют сделать важный с лингвокультурологической точки зрения вывод об отражении во фразеологизмах определенных сходств и различий в перцептивных стилях, свойственных представителям двух разных лингвокультур.

Ключевые слова: фразеологический знак; фразеогенезис; перцепция; интероцепция; перцептивный стиль; лингвокультурологическое изучение.

Zykova I. V.

Doctor of Philology (Dr.habil.), Leading Researcher of the Department of Theoretical Linguistics in the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; e-mail: zykova_iv@mail.ru

**TYPES OF PERCEPTION IN THE PROCESS
OF PHRASEOGENESIS
(the linguocultural Study)**

The paper is devoted to one of the most relevant issues in the present-day phraseology that concerns the role, which the perceptual experience plays in the process of phraseogenesis. The research of English and Russian phraseological units of the word-field of verbal communication is aimed at showing that meanings of these language items are based on one of the three main types of perception, i.e. on exteroception, or proprioception, or interoception. Special attention is paid to the description of the research data obtained as a result of comparative analysis of the phraseological units whose meanings are produced in

---

¹Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00130) в Институте языкознания.

the English and Russian language systems under the influence of interoception. The research findings let us draw an important, from the linguocultural point of view, conclusion about certain similarities and differences in the perceptual styles peculiar to two different linguocultural societies that find their way in the meanings of the phraseological units under study.

Key words: phraseological unit; phraseogenesis; perception; interoception; perceptual style; linguocultural study.

Одной из наименее разработанных на сегодняшний день и вместе с тем одной из многообещающих с точки зрения получения новых сведений о процессах порождения и функционирования фразеологизмов как особых культурно-языковых знаков следует признать область так называемого «перцептивного измерения» фразеологии, или, иначе говоря, область изучения фразеологии с позиции работы сенсорно-перцептивной системы человека, ее роли и влияния на процессы возникновения и формирования фразеологических единиц, их дискурсивного употребления, одним из значимых аспектов которого является, в частности, их применение как средств достижения различного перлокутивного эффекта, их способность оказывать разного рода воздействие на адресата в ходе общения, определяя во многом внутреннее эмоциональное состояние последнего. Соответственно, вполне очевидной оказывается необходимость выделения в качестве важного и самостоятельного такого ракурса изучения столь сложного в своей многомерности процесса фразеогенезиса, как перцептивный ракурс. На новейшем этапе развития фразеологической теории всё ощутимее становится потребность в обращении к психофизиологическим или психоневрологическим процессам (к каковым относится перцептивный процесс), рассматриваемым сквозь призму их неразрывной и взаимообусловленной связи с языком и культурой, без которого, по всей вероятности, вряд ли возможно всестороннее или всецелостное постижение тех глубинных механизмов, которые не только выступают источником генезиса фразеологических знаков, но и управляют их функционированием, определяя возможности, границы и эффективность их использования носителями языка в ходе межличностного общения в пространстве столь культурно разнообразного мира. Принимая это во внимание, основная цель проводимого нами исследования состоит в изучении прежде всего характера и специфики влияния перцептивного опыта на создание культурно обусловленного фразеологического знака.

Как известно, перцепция является одним из центральных объектов исследования главным образом в психологии, физиологии, психофизиологии, биологии и философии. В настоящее время, однако, можно наблюдать существенное усиление интереса к изучению перцепции со стороны других дисциплинарных и междисциплинарных наук, например: социологии, семиотики, истории, культурологии, антропологии, этнопсихологии, нейробиологии, культурной антропологии, социальной нейронауки и др. Вполне очевидно, что в указанных, а также и многих других науках перцепция анализируется в определенном ракурсе и трактуется соответственно. Значительный интерес для лингвокультурологического исследования представляет, в частности, опыт изучения перцепции специалистов в области перцептивной антропологии.

Достоинными особого внимания представляются, к примеру, результаты исследования, проведенного Д. Хаузом и К. Классен. Рассматривая перцепцию как культурно обусловленное явление, авторы утверждают, что сенсориум (*sensorium*) разных культур не обязательно совпадает. В разных национальных сообществах те или иные перцептивные системы могут иметь различную культурную ценность; в каждой культуре создается собственная иерархия перцептивных систем и перцептивного опыта посредством их разграничения на более и менее значимые. Кроме того, по замечанию исследователей, в культуре того или иного сообщества иерархическая организация сенсорных систем не является статичной, она может меняться по мере эволюционного развития самой культуры; при выдвигании в культуре в качестве главной какой-либо одной сенсорной системы, другая сенсорная система начинает ей противопоставляться и становится объектом «подавления» (например, культурно обусловленное выдвигание слуховой системы в исламском обществе и репрессия (подавление) зрительной) [Howes, Classen 1991] (см. также [Aikhenvald, Storch 2013; Howes 2003]). Следует отметить, что идея того, что перцепция, будучи универсальной способностью человека, может тем не менее обладать культурно (или национально) обусловленными чертами (или признаками, свойствами, манифестациями), получает новый виток развития в современной научной литературе, особой областью верификации которой является пространство языка, точнее, разные языковые системы (см., например, [Caballero, Díaz-Vera 2013; Classen 1993; Mix et al. 2010]).

Разрабатывая лингвокультурологический подход к изучению перцептивных механизмов построения значения фразеологизмов, в своем исследовании мы придерживаемся следующей трактовки перцепции. Принимая во внимание накопленный опыт изучения перцепции в разных науках, в своем исследовании мы опираемся на то ее понимание, согласно которому она представляет собой не столько сугубо психофизиологическое явление, сколько *социокультурное явление, связанное с активным процессом смыслопорождения (включая порождение особых, культурно-специфических смыслов), в свою очередь обеспечивающего создание разных по своей природе семиотических систем, в частности, такой подсистемы языка, как фразеологическая подсистема* (см. подробнее в [Зыкова 2017]). В силу сложной и многогранной природы перцепции общее (холистическое) представление о ней складывается, согласно одной из наиболее распространенных и, пожалуй, общепринятых ее типологий (см. подробнее в [БПС; ПСН; ЧАФП; ЕпР]), из совокупности представлений о трех ее основных разновидностях. Этими разновидностями являются экстероцепция, проприоцепция и интероцепция.

Экстероцепцией является разновидность перцепции, которая формируется из совокупности разнообразных зрительных (визуальных), слуховых (аудиальных), осязательных (тактильных), вкусовых и обонятельных (ольфакторных) ощущений. В отличие от экстероцепции проприоцепция объединяет собой комплексы таких ощущений, как ощущения положения частей тела по отношению друг к другу или ощущения положения тела и его частей в пространстве, ощущения темпа, скорости, динамики, направления и траектории движений тела или его частей, ощущения силы гравитации (или гравитационные ощущения), ощущения мышечной напряженности или расслабленности (ощущение мышечного усилия). В свою очередь интероцепция представляет собой разновидность перцепции, которая образуется из разного рода (внутренних) органических ощущений, таких как, например, ощущения различных органов пищеварения, дыхания, сердечно-сосудистой системы, а также ощущения голода, жажды, насыщения и некоторые другие (см. подробнее [БПС; ПЭ; ЭСПП; ЕРs]).

Изучение роли перцепции в процессе фразеогенезиса проводилось нами на материале фразеологизмов английского и русского

языков предметной области вербальной коммуникации (свыше 3 тыс. единиц), например: *a white lie* (букв. 'белая ложь') – *a lie that you tell in order not to upset someone* [CID]; *за словом в карман не лезет* – «находчив, знает, что сказать, как ответить» [БФСРЯ]. Исследование специфики построения и принципов организации значений английских и русских фразеологизмов анализируемой группы позволило обнаружить «следовые явления» (в терминологии Б. Г. Ананьева) всех трех разновидностей перцепции в их содержании. Как показало исследование, в качестве ведущей в процессе фразеогенезиса может выступать либо экстероцепция, либо проприоцепция, либо интероцепция.

Примером особой значимости *экстероцепции* в создании значения фразеологизмов предметной области вербальной коммуникации может служить русский фразеологизм *черным по белому*, имеющий значение «совершенно ясно, определенно (написать, сказать)» [ФСРЯ]. Проведенный анализ данного фразеологизма русского языка показал, что процесс формирования его значения (точнее сказать, глубинного и поверхностного уровней его содержания) во многом определяется таким видом экстероцептивных ощущений, как зрительные ощущения, в частности, цветовое ощущение (или цветоощущение). Оптический эффект, создаваемый посредством соединения двух противоположных (контрастных) цветов – черного и белого, ложится в основу передаваемого фразеологизмом представления о четко излагаемой и легкодоступной для понимания речи. В качестве других примеров фразеологизмов, создание которых базируется на экстероцептивном опыте (или экстероцепции), можно привести следующие единицы английского и русского языков: *to be in touch with someone* (букв. 'соприкасаться руками с кем-либо') – *in or into communication* [OxDE] (рус. общаться с кем-либо); *bitter words* (букв. 'горькие слова') – *cutting or sarcastic words* [CED] (рус. резкие или язвительные слова); *колкое слово* – обидное, острое замечание [РМР]; *курить филмиам* (кому-либо) – восторженно восхвалять [БФСРЯ] и др.

Для демонстрации главенствующей роли *проприоцепции* во фразеогенезисе можно обратиться к рассмотрению русской идиомы *держать слово* – выполнять обещанное [БФСРЯ]. Из анализа данной языковой единицы следует, что в основе формирования ее значения лежит такой тип проприоцептивных ощущений, как

ощущение мускульной силы или мышечного напряжения, в данном случае напряжения мышц руки (или рук)¹. На базе, главным образом, этого ощущения формируется образное представление об обещании как трудно удерживаемом объекте и, по инференции, как весьма трудном деле, требующем от коммуниканта серьезных (физических) усилий для его выполнения (или реализации). Особой значимостью разного рода проприоцептивные ощущения обладают также в формировании значений таких английских и русских идиом, как, например, (*with tongue in cheek* (букв. 'язык в щеке') – *speaking or writing in an ironic or insincere way* [OxDE] (рус. неискренняя речь; шутка); *a knock-down argument* (букв. 'аргумент, сбивающий с ног, вызывающий падение') – *an argument that affects someone very strongly* (www.thefreedictionary.com) (рус. убедительный довод); *стоять / топтаться на одном месте* – не двигаться вперед, не развиваться, не изменяться (о разговоре, обсуждении) [УФС]; *открывать рот* – пытаться выразить свое мнение; начинать говорить что-либо [ФСРЛЯ] и др.

Ведущую роль **интероцепции** можно обнаружить, например, в результате анализа такого фразеологизма русского языка, как *вытягивать жилы (из кого)* – изнурять неприятными разговорами, просьбами; мучить [БФСРЯ]. Наличие в составе данного фразеологизма компонента *жилы* несет указание на тот факт, что особо релевантную роль в формировании его целостного содержания играет интероцептивное ощущение, а именно, ощущение такого внутреннего органа тела человека, как жила – «кровеносный сосуд (вена, артерия)» или «сухожилие» [ТСМ]. На этом интероцептивном ощущении, сопровождающемся еще и ощущением боли, базируется формирование образного представления о крайне неприятной для адресата и глубоко его затрагивающей теме разговора, о вербальных действиях, приносящих душевные и физические страдания. На базе различных интероцептивных ощущений формируются значения и многих других английских и русских фразеологических знаков предметной области вербальной коммуникации, например: *to stick in one's throat* (букв. 'застревать в чьем-либо горле') – (*of words*) *be difficult or impossible to say* [OxDE]

---

¹ См. значение стержневого глагольного компонента держать – 'взять или ухватив не выпускать, сжимать в руках; <...> удерживать <...> не выпускать' [ТСД].

(*рус. (о словах)* трудно или невозможно произнести что-либо); *from the bottom of one's heart* (букв. 'со дна своего сердца; ~ из глубины своего сердца') – (*speak, thank, etc.*) *sincerely* [МНДАIPhV]; вкладывать душу – откровенно делиться мыслями, переживать с кем-либо; чистосердечно рассказывать о себе всё [Байрамова 2016]; открывать сердце – откровенно рассказывать о своих заветных мыслях, переживаниях, чувствах [Байрамова 2016].

При изучении роли перцептивного опыта в процессе фразеогенеза особый интерес представляет сопоставление трех выделенных групп английских и русских фразеологизмов, позволяющее выявить специфику участия каждой из разновидностей перцепции (т. е. экстероцепции, проприоцепции и интероцепции) в порождении и организации значений фразеологизмов предметной области вербальной коммуникации, образующихся в двух разных языковых системах (в частности, английской и русской), и прояснить вопрос о существовании определенных перцептивных стилей в освоении мира представителями разных лингвокультурных сообществ, изучить и раскрыть которые возможно с опорой на данные соответствующих языков.

В качестве примера рассмотрим в сопоставительном (или контрастивном) ключе группу английских и русских фразеологизмов, ведущую роль в продуцировании значения которых играет такая разновидность перцепции, как интероцепция.

Согласно проведенному анализу, в английском и русском языках группы фразеологизмов, значения которых основываются на восприятии вербальной коммуникации посредством интероцептивных ощущений, являются относительно немногочисленными. При этом особого внимания заслуживает тот факт, что в русском языке идиом, в формировании значений которых ведущую роль играет интероцепция приблизительно в два раза больше, чем фразеологизмов, образующих аналогичную группу в английском языке. Помимо этого, еще одним весьма существенным результатом проведенного сопоставления так называемых интероцептивных групп фразеологических знаков в двух рассматриваемых языках является установление сходств и различий в отношении тех интероцептивных ощущений, которые становятся источниками порождения значений рассматриваемых языковых единиц в английской и русской языковых системах.

Следует прежде всего отметить, что в качестве источников продуцирования и ведущих факторов организации значений рассматриваемых фразеологических знаков в двух языках выступают интероцептивные ощущения, связанные с состоянием и / или с функционированием разных внутренних органов таких взаимосвязанных систем человека, как сердечно-сосудистая система, кровеносная система, нервная система, зрительная система, пищеварительная система, слуховая система, костная система (скелет). Однако в основе формирования целостного содержания фразеологизмов предметной области вербальной коммуникации в английском языке лежат внутрителесные (или органические) ощущения, вызываемые такими органами или в таких органах, как сердце (*heart*), вены (*jugular vein*), кость (*bone*), нервы (*nerves*), кишка или кишечник, горло (*throat*), легкие, слезные органы, кровь (*blood*), язык (*tongue*) и др., например:

- *to take something to heart* (букв. 'брать что-либо к сердцу' [~ ощущать сердечную боль от сказанного]) – *if you take criticism or advice to heart, you think about it seriously, often because it upsets you* [CIDI] (рус. сильно расстраиваться, огорчаться из-за сказанного);

- *to cut to the heart* (букв. 'резать до самого сердца, ранить в самое сердце') – глубоко уязвить [УАРС];

- *to open one's heart to someone* (букв. 'открывать / обнажать / показывать свое сердце кому-либо') – *confide in, reveal one's thought and feelings to* [АНДИ] (рус. делиться с кем-либо очень личной информацией);

- *to go for the jugular* (букв. 'добираться до яремной вены; повреждать яремную вену') – (*informal*) *to criticize someone very cruelly by talking about what you know will hurt them most* [CIDI] (рус. очень жестко критиковать кого-либо, говоря то, что больше всего может ранить, задеть кого-либо);

- *be close to the bone* (букв. 'быть близко к кости или у самой кости' [~ ощущать внутреннее поражение или угрозу поражения костной ткани]) – *telling the truth about a subject that people prefer not to think about, in a way that may offend or upset people* [MED] (рус. резкое замечание, вызывающее чувство глубокой обиды);

- *to touch / hit the raw nerve* (букв. 'задевать / трогать или ударять по оголенному (незащищенному) нерву') – *to upset someone by*

talking about a particular subject [CIDI] (рус. расстраивать, огорчать кого-либо разговором на определенную тему),

- *(to have) verbal diarrhea* (букв. 'иметь') словесную диарею') – *if someone has verbal diarrhoea, they talk too much* [CIDI] (рус. слишком много говорить);

- *to have a lump in one's throat* (букв. 'иметь ком в своем горле') – *(of words) be difficult or impossible to say* [OxDE] (рус. (о словах) трудно или невозможно выразить / произнести / сказать);

- *to breathe a word (syllable)* (букв. 'выдыхать слово или слог') – осмелиться хоть слово сказать [БАРФС];

- *a sob story* (~ 'рассказ (информация) для рыдания') – *(informal) a story that someone tells in order to get sympathy* [MED] (рус. то, что говорится с целью вызвать сострадание, сочувствие у кого-либо);

- *to spit blood* (букв. 'плевать кровью') – *to speak in a way that shows they are very angry* [CIDI] (рус. разговаривать злобно, свирепо, с яростью, крайне раздраженно);

- *to bite one's tongue* (букв. 'кусать / прикусывать свой язык') – *to stop oneself from saying something which you would really like to say* [CALD] (рус. перестать говорить то, о чем действительно хотелось бы высказаться или сказать).

В русском же языке ведущую роль в продуцировании значений фразеологизмов рассматриваемой группы выполняют те interoцептивные ощущения, которые связаны с ощущениями таких внутренних органов тела человека, как *мозг (мозги)*, *кишка (кишечник)*, *мочевой пузырь*, *жилы*, *печень*, *душа*, *горло*, *язык*, *сердце*, *мышцы* и др., например:

- *получать по мозгам* – быть подвергнутым жесткой критике [БРАФС];

- *пудрить мозги* – обманывать кого-либо [ФСРЛЯ];

- *выносить мозг* – надоедать бессмысленными разговорами; критиковать [ФСРЛЯ];

- *полоскать мозги* – обманывать, запутывать, сбивать с толку [БСРП];

- *выматывать все кишки* – крайне надоесть, замучить кого-либо настойчивыми просьбами, занудными речами, уговорами и т. д. [РФИЭС];

- *словесное недержание* – болтливость, многословие [ФСРЛЯ];

- *тянуть жилы* – изнурять неприятными разговорами, просьбами; мучить [БФСРЯ];
- *сидеть (быть) в печенках* (о разговорах) – сильно надоедать; крайне раздражать [СС];
- *изливать душу* – рассказывать о сокровенных мыслях, чувствах [БФСРЯ];
- *слова застряли (застревают) в гортле* – кто-либо из-за сильного волнения не может говорить [ФСРЛЯ];
- *язык прилип к гортани* – неожиданно для себя замолчать, не суметь произнести ни слова [БФСРЯ];
- *словно (как) ножом (резать) по сердцу* (о сказанном, произнесенном) – внезапно вызвать острое чувство жалости, тревоги, боли и т. п. [ФСРЛЯ];
- *задевать за живое* – случайно или нарочно своими словами или насмешками причинять душевную боль другому лицу [БФСРЯ];
- *с пеной у рта* – в крайнем возбуждении, предельно взволнованно, горячо и страстно (доказывать, спорить, утверждать) [ФСРЛЯ].

Таким образом, различия между английскими и русскими фразеологизмами рассматриваемой группы, которые могут служить указаниями на различные перцептивные стили постижения сущности такого явления, как вербальная коммуникация в двух разных лингвокультурах и, соответственно, представлять особый лингвокультурологический интерес, обусловлены, согласно полученным данным, во-первых, количественным фактором, во-вторых, самой спецификой селекции наиболее релевантных для процесса фразеогенезиса интероцептивных ощущений. Данная специфика проявляется главным образом в культурно детерминированном «выборе» или культурно детерминированной значимости ощущения определенного внутреннего органа в качестве источника создания конкретного фразеологизма (его значения, в частности) в английском и русском языках. Кроме того, отдельно следует отметить тот факт, что, как показало проведенное исследование, в большинстве случаев лежащие в основе построения значений английских и русских фразеологизмов интероцептивные ощущения тесно связаны (эксплицитно или по инференции) и с ноцицептивными ощущениями (или ощущениями боли), ср., к примеру,

следующие фразеологические единицы: *to cut to the heart* (букв. 'резать до самого сердца, ранить в самое сердце') – глубоко уязвить [УАРС]; *словно (как) ножом (резануть) по сердцу* (о сказанном, произнесенном) – внезапно вызвать острое чувство жалости, тревоги, боли и т. п. [ФСРЛЯ].

Заключая всё вышесказанное, следует особо отметить, что изучение в языке «действия» (или последствий воздействия) любого так называемого внеязыкового явления (к каковым относится и перцепция) неизбежно сопряжено с определенными трудностями в первую очередь методологического характера, требующими поиска решений на целый ряд важных взаимосвязанных вопросов. В нашем случае это, прежде всего, вопросы о том, как в принципе возможно изучить «следовые явления» перцептивного опыта во фразеологическом значении и насколько релевантны, достоверны или объективны, верифицируемы получаемые результаты. По всей вероятности, наилучшим путем решения данной проблемы или ее разработки является совмещение двух методологических возможностей – (сугубо) аналитической и экспериментальной, иначе говоря, совмещение определенных (сугубо) аналитических способов с экспериментальными методами ее изучения. С учетом этого необходимо подчеркнуть, что наше исследование на данном этапе представляет собой попытку изучения перцептивных «механизмов» построения значения фразеологизмов посредством всестороннего анализа глубинного и поверхностного уровней содержания фразеологических знаков определенной группы, а именно, английских и русских фразеологизмов предметной области вербальной коммуникации. Полученные в результате этого анализа сведения позволяют констатировать наличие «следовых явлений» (в терминологии Б. Г. Ананьева) трех основных разновидностей перцепции (экстероцепции, проприоцепции и интероцепции) в значениях всех исследуемых фразеологических знаков английского и русского языков и убедиться в ключевой, или основополагающей, роли перцептивного опыта в процессе фразеогенезиса. Кроме того, итоги сопоставления данных, полученных на материале фразеологизмов двух разных (английской и русской) языковых систем, свидетельствуют об определенных расхождениях в восприятии явлений или объектов мира, в частности, вербальной коммуникации, находящихся непосредственное отражение в значениях английских

и русских фразеологических знаков. Данный факт позволяет сделать заключение о различиях в перцептивных стилях, свойственных культурам англоязычного и русскоязычного сообществ.

Предпринятое исследование не претендует на исчерпанность и полноту раскрытия исследуемой в нем проблемы. Его дальнейшее развитие нам видится в обращении к экспериментальным методам (или их разработке) и учете экспериментальных данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Байрамова Л. К.* Правда и ложь как ценность и антиценность во фразеологической парадигме русского, английского, немецкого, французского, татарского языков. Казань : ФЭН, 2016. 436 с.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь (РФИЭС) / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 926 с.
- Большой психологический словарь (БПС) / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. 3-е изд., доп. и перераб. СПб. : Прайм-Еврознак, 2006. 672 с.
- Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий (БФСРЯ) / И. С. Брилева [и др.]; отв. ред. В. Н. Телия. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
- Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М.* Учебный фразеологический словарь (УФС). М. : АСТ, 1997. 304 с. URL: phraseologiya.academic.ru/
- Даль В. И.* Толковый словарь (ТСД), 1863–1866. URL: dic.academic.ru/
- Зыкова И. В.* Перцепция и фразеологический знак в свете (психо)лингвокультурологического подхода // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: Новые науки о человеке говорящем: коллективная монография / под ред. В. В. Красных. М. : Гнозис, 2017. С. 262–342.
- Кунин А. В.* Большой англо-русский фразеологический словарь (БАРФС). 5-е изд., испр. М. : Живой язык, 1998. 944 с.
- Лубенская С. И.* Большой русско-английский фразеологический словарь (БРАФС). М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. URL: phraseology_ru_en.academic.ru
- Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии (РМР): 2 т. Т. 1. М. : ТЕРРА, 1997. (1-е изд. 1902). 800 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русских поговорок (БСРП). М. : Олма Медиа Групп, 2007. URL: dic.academic.ru/
- Немов Р. С.* Психологический словарь (ПСН). М. : Гуманитарный издат. центр ВЛАДОС, 2007. 560 с.

- Психологическая энциклопедия (ПЭ). URL: enc-dic.com/enc_psy/
- Словарь синонимов (СС). URL: dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/
- Толковый словарь по медицине (TCM), 2013. URL: medicine_dictionary.academic.ru/
- Универсальный англо-русский словарь (УАРС). Академик.ру, 2011. URL: universal_en_ru.academic.ru/
- Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка (ФСРЛЯ). URL: dic.academic.ru/
- Фразеологический словарь русского языка (ФСРЯ) / под ред. А. И. Молоткова. 6-е изд., испр. и доп. М. : АСТ : Астрель, 2001. 512 с.
- Человек: анатомия, физиология, психология. Энциклопедический иллюстрированный словарь (ЧАФП) / под ред. А. С. Батуева, Е. П. Ильина, Л. В. Соколовой. СПб. : Питер, 2011. 672 с.
- Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (ЭСПП). 2013. URL: psychology_pedagogy.academic.ru/
- Aikhenvald A.Y., Storch A.* (eds.) Perception and cognition in language and culture. Leideb–Boston : Brill, 2013. 279 p.
- Ammer C.* The American Heritage Dictionary of Idioms (AHDII). US : The Houghton Mifflin Hartcourt, 2003. 474 p.
- Caballero R., Díaz-Vera J. E.* (eds.) Sensuous cognition: Explorations into human sentience: Imagination, (e)motion and perception. Berlin–Boston : Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2013. 303 p.
- The Cambridge Advanced Learner’s Dictionary (CALD). UK : Cambridge University Press, 2003. 1550 p.
- The Cambridge Idioms Dictionary (CID). 2nd ed. UK : Cambridge University Press, 2006 [reproduced with permission]. URL: idioms.thefreedictionary.com
- The Cambridge International Dictionary of Idioms (CIDI). UK : Cambridge University Press, 1999.
- Classen C.* Worlds of sense: Exploring the senses in history and across cultures. London–New York : Longman, 1993. 172 p.
- The Collins English Dictionary (CED). URL: dictionary.reference.com
- Encyclopedia of Perception (EnP) / E. Bruce Goldstein (ed.). California : SAGE Publications, Inc., 2010. 1228 p.
- Howes D.* Sensual Relations: Engaging the senses in culture and social theory. US : University of Michigan Press, 2003. 288 p.
- Howes D., Classen C.* Epiloque: Sounding sensory profiles // The Varieties of Sensory Experience / D. Howes (ed.). Toronto : University of Toronto Press, 1991. P. 257–288.
- Kazdin A.E.* Encyclopedia of Psychology (EPs). Vol. O–R. USA : Oxford University Press; American Psychological Association, 2000. 878 p.
- The Macmillan English Dictionary (MED). URL: www.macmillandictionaries.com/

The McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs (MHDAlPhV). US : The McGraw-Hill Companies, 2006. 1098 p.

Mix K. S., Smith L. B., Gasser M. (eds.). The spatial foundations of language and cognition. Oxford : Oxford University Press, 2010. 328 p.

The Oxford Dictionary of English (OxDE). Revised edition. Oxford : Oxford University Press, 2005. (CD-ROM).

УДК 81; 811.161.1; 811.111

М. И. Киосе

доктор филологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса МГЛУ; e-mail: maria_kiose@mail.ru

ПРЕДИКАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕПРЯМОГО НАИМЕНОВАНИЯ В ТЕКСТЕ¹

Исследуются предикативные возможности текстовой непрямой номинации, которые получают выражение как на уровне номинативного слова, так и на уровне предложения. Обосновывается предположение о том, что предикативный потенциал предложения способствует раскрытию «скрытой» предикации непрямой номинации. Для подтверждения и верификации гипотезы используется корпусный и окулографический анализ, целью которого является параметрическая оценка интерпретационных возможностей непрямой номинации в определенном синтаксическом окружении.

Ключевые слова: предикативность; непрякая номинация; интерпретация текста; синтаксические параметры; корпусный и окулографический анализ.

Kiose M. I.

Doctor of Philology (Dr.habil.), Assistant Professor, Scientific Researcher, MSLU; e-mail: maria_kiose@mail.ru

PREDICATION IN INDIRECT TEXTUAL NAMES

The article investigates textual indirect names as demonstrating considerable predicative potential which is realized at both lexical and syntactic levels. It appears that syntactic predication contributes to revealing the “concealed” predicative force of indirect names. In order to test and verify this hypothesis we apply corpus and oculographic research techniques aimed at parametric evaluation of interpretation schemes true of various syntactic positions of indirect names.

Keywords: predication; indirect name; text interpretation; syntactic parameters; corpus and oculographic analysis.

При наименовании некоторого фрагмента мира человек действует как номинативные, так и предикативные возможности мышления и языка. Их комплексное изучение является центральной проблемой когнитивно-функциональной концепции речевой деятельности, в которой вопрос о построении речи «номинативным путем» рассматривается на разных уровнях семантики и когнитивного содержания [Кубрякова 1986, с. 134]. Кратко представим

---

¹ Исследование было проведено в Институте языкознания РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

основное содержание концепции. На семантическом уровне предикативные возможности обнаруживаются на уровне слова в производных номинациях (типа *черника, игрок, игрец, игрун*) и в предложениях, где номинации в роли коммента демонстрируют новые предикативные смыслы и приращения; в роли топика же, наоборот, психологические предикаты оказываются свернуты говорящим. На уровне когнитивного содержания эти возможности проявляются в интеграции категорий: на уровне слова – категорий со значениями «предметное»/«непредметное», «процессуальное» и «признаковое» (теория уровней членения категории) [Кубрякова 1977, 1978, 1981]; на уровне предложения – известного и характеризующего [Кубрякова 1986, 2004]. В слове данные отношения описываются как синтактикоподобные, в предложении – как синтаксические, предикативные. Таким образом, предикативность производных номинаций рассматривается, во-первых, на семантическом и когнитивном уровне (для таких сложных процессов и их результатов впоследствии предлагается термин «гибридизация» и «гибриды») [Ирисханова 2004]; во-вторых, на уровне слова и предложения, т. е. предикативность представляется универсальной особенностью речепорождения наряду с наименованием.

Представляется, однако, что предикативные смыслы проявляются не только в гибридных номинациях, где «внутреннее противоречие проявляет себя на семантическом уровне, заставляя лексические знаки балансировать между событийностью, признаковостью и предметностью, что приводит к определенному концептуальному усложнению их значения» [Ирисханова, Ивашко 2011, с. 56]. Борьба реификации, или «переосмысливания абстрактных сущностей как предметных» [Ирисханова 2015, с. 216], и предцирования усиливается еще больше в ситуации непрямого наименования в тексте, так как предикация на уровне слова здесь скрытая и требует больших когнитивных усилий на распознавание. Так, в предложении *I nodded again, my face a pool of sweat* [Spillane 1995, с. 27] скрытая предикация непрямого наименования может быть развернута путем введения дополнительной пропозиции *which was completely covered with*. Во фрагменте – *Граф на своем гигантском цепелине № 2 совершил полет в Берлин. – Чтоб он лопнул, этот несчастный пузырь* [Пикуль 2008, с. 101] скрытая предикация раскрывается пропозицией «который меня раздражает (своей формой,

например)». Можно предположить, что в распознавании скрытой предикации на уровне слова важную роль будет играть синтаксическая предикация.

Анализ отобранных вручную русскоязычных и англоязычных примеров (из современных художественных текстов) показал, что не прямые номинации частотны в позиции сказуемого, и точнее, в позиции именного компонента сказуемого. Но в то же время статистика использования различных синтаксических параметров оформления непрямого наименования свидетельствует о том, что предложения с не прямой номинацией в позиции ядра сказуемого, сопровождающейся антецедентом в подлежащем, совсем не так распространены, как представлялось изначально. Непрямые номинации очень часто встречаются в позиции подлежащего или в позиции зависимых компонентов именной и глагольной групп.

Непрямая номинация довольно часто используется как в самом подлежащем, так и в зависимых членах группы подлежащего, но в этом случае это либо 1) повторное наименование референта с нулевым расстоянием с кореферентной прямой номинацией в препозиции; 2) положение номинации в постпозиции к глаголу; 3) положение номинации в последнем слове в клаузе или предложении, перед встроенной конструкцией, причастным или деепричастным оборотом, любым знаком препинания, скобкой; 4) наличие идентифицирующего компонента в препозиции (указательного местоимения, артикля); 5) наличие гиперонимической кореферентной номинации в препозиции; 6) повторное использование номинации в отнесении к одному и тому же референту; 7) наличие описательного определения в препозиции, подготавливающего к встрече с номинацией; 8) использование графических маркеров не прямой номинации, кавычек, капитализации, другого алфавитного или языкового кода; 9) гибридный характер номинации, притягивающий к себе внимание читателя.

Непрямая номинация часто используется в группе сказуемого (не являясь его ядром), но в этом случае это либо 1) последнее слово в клаузе, предложении, перед встроенной конструкцией, причастным или деепричастным оборотом, любым знаком препинания, скобкой; 2) первое слово в предложении в ситуации препозиции сказуемого; 3) сочетание с акциональным глаголом в препозиции; 4) гибридный характер номинации; 5) использование в составе

модифицированного фразеологизма; 6) первое использование номинации; 7) положение во вложенной конструкции.

Перечисленные показатели, как мы предполагаем, служат сигналами для читателя при распознавании рематичности непрямой номинации. В этом случае оказывается небезынтересным определить силу этих показателей или параметров в формировании и восприятии предикативного потенциала непрямой номинации. Чем сильнее или более значимым окажется параметр, тем легче будут распознаны предикативные смыслы, а значит, установлена референциальная отнесенность номинации.

Для оценки силы параметров разрабатывается метод параметрической интерпретации статуса непрямой номинации.

Для этого на первом этапе анализа после предварительного определения жестких параметров статуса номинации (которыми оказались когнитивные параметры) проводится предварительное ранжирование силы параметра по результатам собственной выборки (см., например, нашу работу «Техники и параметры непрямого наименования в тексте» [Киосе 2015]).

На втором этапе проводится корпусный анализ (с использованием ресурсов Национального корпуса русского языка) силы параметра¹, которая связывается с частотностью встречаемости непрямой номинации в определенной синтаксической позиции, а значит, с более высокой узнаваемостью предикативного потенциала. Отбираются по 300–500 примеров с использованием номинаций в данной позиции, из них с применением статистического метода случайных чисел формируются по 50 массивов 200 случайных чисел, соотнесенных с номерами отобранных примеров; и определяется среднее значение силы параметра. Это достаточно трудоемкая процедура, но значение параметров определяется последовательно, что предоставляет возможность отметить множество лингвистических закономерностей и зависимостей. Мы склонны связывать более высокий показатель частотности (встречаемости) непрямых номинаций с более выгодной синтаксической позицией для распознавания предикативного потенциала непрямой номинации, однако это предположение нуждается в экспериментальной

---

¹ О возможностях корпусного анализа см. например: [Голубкова 2014; Дивьяк 2015].

верификации с привлечением текстов, содержащих непрямы номинации в различных синтаксических позициях.

Верификационная процедура (третий этап анализа) проводится с помощью окулографической проверки силы параметра, направленной на установление уровня когнитивных усилий при распознавании предикативной силы параметра. Анализ проводится с использованием прибора для измерения направления взгляда и времени окулографической фиксации EYETRIBE и специально разработанного программного обеспечения для обработки результатов эксперимента в разных группах испытуемых.

Далее опишем процедуру и результаты анализа одного параметра, а именно, параметра «непрямая номинация – первое слово в односоставном номинативном предложении». Продемонстрируем, как варьируется предикативный потенциал такой номинации и как он распознается.

Для анализа корпусной силы данного параметра был выбран основной корпус, задан подкорпус художественных текстов, написанных после 1950 г. (дата создания). Признаки: точная форма слова не задана; слово не задано; дополнительный признак – слово в начале предложения; грамматический признак – существительное. Всего найдено 3 549 документов, 1 553 759 вхождений; из них в результате выборки (сначала постраничной, потом сплошной) анализу подверглось около 60% всех вхождений. Было решено использовать материалы одного автора на странице только один раз. Также не подвергались анализу встречающиеся стихотворения в прозе. Для последующего анализа отобрано 313 односоставных предложений. Путем применения репрезентационного критерия, а именно, жестких когнитивных параметров непрямого наименования (их всего три, тип интеграции образов референта – рассогласование/согласование, тип сближаемых областей знания – непересекающиеся/пересекающиеся, положение фокуса – периферийное/центральное) были разграничены непрямы и прямы номинации. Из 313 номинаций 85 оказались непрямы. Номинациям 1–313 присвоены значения 0 (прямая) и 1 (непрямая) в составе одного массива. С помощью методики статистического анализа значений случайных чисел (50 случайных наборов по 200 чисел от 1 до 313) определена сила параметра: 0,27 со среднеквадратичным отклонением СКО = 0,03 и относительным среднеквадратичным отклонением ОСКО = 0,1. Сила параметра определена

как достаточно высокая (для сравнения сила параметра-ориентира «первое слово в предложении»: 0,08 с СКО = 0,02 и ОСКО = 0,21). Мы предполагаем, что такая высокая частотность использования непрямых номинаций в односоставных предложениях (в 3,5 раза выше) связана с тем, что в отличие от двусоставных предложений с распределенным номинативно-предикативным потенциалом односоставные предложения совмещают в себе номинативные и предикативные характеристики, а не прямые номинации в силу внутрисловного предикативного потенциала, формируемого с помощью фокусирования ими характеризующих и классифицирующих элементов образа референта (ономасиологический базис) и обладания идентифицирующим ядром (ономасиологический признак) хорошо отвечают данной задаче.

Однако интересно узнать, что же происходит при реальном восприятии текста читателем? Действительно ли внутрисловная предикативность распознается внешней синтаксической предикативностью? Если это так, то неужели читатель возвращается назад при чтении, чтобы удостовериться в референциальной отнесенности номинации? Занимает ли больше времени чтение текста с такими номинациями? Как связана распознаваемость референциальной отнесенности номинации с «применением» автором данного синтаксического параметра?

Для ответа на поставленные вопросы проведена окулографическая верификация. При анализе учитывались когнитивные и психологические особенности восприятия текста и достижения окулографии, которые получили описание во многих работах (см., например [Величковский 1982; Rayner 1998; Kliegl et al 2006; Rayner et al 2010; Cavanagh 2011; Clifton, Staub 2011; Staub 2015, The handbook of attention 2015])¹. Также были изучены результаты экспериментального анализа метафоро-метонимических проявлений, которые, как оказалось, ограничиваются либо изучением конвенциональных проявлений не прямых номинаций, либо изучением окказиональных проявлений, но применительно к номинациям, привязанным к одной синтаксической позиции (ядру предиката) [Glucksberg et al 1982; Coulson, van Petten 2002; Wolff, Gentner

---

¹ Например, учитывались данные: по объему восприятия; интегративности восприятия; удлинению фиксаций в начале и конце строки, в конце предложения; корпусная частотность анализируемых лексических единиц.

2002; Kazmerski et al 2003; Pynte, Kennedy 2006; Gibbs, Matlock 2008; Фаликман 2015], что однозначно не позволяет охватить явление непрямого наименования, связанное с вариативностью формирования репрезентаций, конструирования образов референта и их языкового оформления в тексте.

Кратко опишем ход эксперимента и представим полученные результаты. В эксперименте участвовали 24 испытуемых (средний возраст 21 год). Испытуемым предлагалось прочитать два текста, один из которых содержал не прямые номинации с учетом вариативности их синтаксических параметров, так как проверялись сразу несколько параметров. Первая группа (10 испытуемых) читали сначала текст с прямыми номинациями, затем текст с непрямыми. Вторая группа (14 человек) читали текст с непрямыми номинациями, затем с прямыми. Фиксировалось: 1) общее время чтений текстов; 2) число фиксаций; 3) средняя продолжительность фиксаций; 4) средняя продолжительность фиксаций начала и конца строки (всего текст содержал девять строк); 5) продолжительность и число фиксаций с включенной номинативной группой. Постэкспериментальная часть исследования предполагала вопросы испытуемым в формате: что такое (слово-номинация₁, номинация₂, и т. д.) в тексте?

Представим результаты по рассматриваемому параметру «непрямая номинация – первое слово в односоставном номинативном предложении» в сравнении с показателями параметра «первое слово в предложении»¹.

Среднее время восприятия номинации – первого слова в односоставном номинативном предложении составляет 0,678 с, а номинации – первого слова предложения (подлежащее) – 0,873 с, т. е. время распознавания во втором случае увеличивается в 1,47 раза. Индекс распознавания номинации – первого слова в односоставном номинативном предложении составляет 0,83, индекс распознавания номинации – первого слова предложения составляет 0,66. Это свидетельствует о том, что в данной синтаксической позиции (односоставное предложение) не прямые номинации воспринимаются быстрее

---

¹ Обе распознаваемые в тексте номинации имеют примерно одинаковый уровень корпусной встречаемости, а также кореферентные прямые номинации в репозиции.

и легче всеми испытуемыми, а в положении непрямой номинации в первом слове предложения – подлежащем – читателю требуются большие когнитивные усилия для распознавания более слабой предикативной позиции непрямой номинации. При отсутствии распознавания референциальной отнесенности лексем время восприятия по сравнению со средним временем восприятия во всех случаях уменьшается. Это свидетельствует о достаточности ролевой реконструкции текстового события без установления референциальной отнесенности не прямых номинаций, что требует меньших когнитивных усилий на восприятие и меньше времени (экономия усилий).

Можно сделать вывод о том, что распознавание внутрисловного потенциала не прямых номинаций облегчается синтаксическим предикативным потенциалом. Распознавание референциального статуса не прямых номинаций в сильной предикативной позиции (номинация в односоставном номинативном предложении) происходит более успешно, а время фиксаций фрагментов с не прямыми номинациями уменьшается по сравнению с более слабыми предикативными позициями (позиция номинации в начале предложения в его главном члене).

Таким образом, полученные при анализе корпусной частотности высокие показатели встречаемости не прямых номинаций в односоставных предложениях, т. е. показатели силы параметра, подтвердили себя в уменьшении времени распознавания таких номинаций и увеличении числа распознанных номинаций. Это значит, что разрабатываемый двусторонний подход (автор – читатель) к анализу репрезентационных (когнитивных) проявлений образности в тексте возможен за счет соотнесения параметров техник наименования автора и техник распознавания читателя и нуждается в более тщательной методологической проработке. А идеи Елены Самойловны Кубряковой относительно внутрисловной и внешней синтаксической предикативности номинаций оказываются максимально продуктивными при исследовании морфолого-лексикосинтаксических языковых образований, где номинативность и предикативность оказываются универсальными категориями всех уровней языка и позволяют рассматривать языковые уровни в континуальном плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Величковский Б. М.* Современная когнитивная психология. М. : МГУ, 1982. 337 с.
- Голубкова Е. Е.* Использование лингвистических корпусов при решении семантических проблем // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход. М. : ЯСК, 2014. С. 34–75.
- Дивьяк Д.* Исследование грамматики восприятия (на материале русского языка) // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / под ред. А. А. Кибрика и др. М. : Языки славянской культуры, 2015. С. 448–477.
- Ирсаханова О. К.* О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М. : ВТИИ, 2004. 350 с.
- Ирсаханова О. К., Ивашко Е. А.* Процессы гибридизации в языке. Лексические гибриды // Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий. М. : ИПК МГЛУ, 2011. С. 57–74.
- Ирсаханова О. К.* Реификация как свойство познания и коммуникации // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIII. Лингвистические технологии в гуманитарных исследованиях. 2015. С. 216–226.
- Куосе М. И.* Техники и параметры непрямого наименования в тексте: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2015. 434 с.
- Кубрякова Е. С.* Семантика синтаксиса и некоторые проблемы теории словообразования // Предмет и методы синтаксической семантики: сб. науч. тр. М. : МГПИИЯ им. М. Тореза, 1977. С. 123–134.
- Кубрякова Е. С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. М. : Наука, 1978. 114 с.
- Кубрякова Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. М. : Наука, 1981. 200 с.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности / отв. ред Б. А. Серебrenников. 2-е изд. М. : ЛКИ, 2008 (1986). 160 с.
- Пикуль В. С.* Честь имею. М. : АСТ : Вече, 2008. 365 с.
- Фаликман М. В.* Структура и динамика зрительного внимания при решении перцептивных задач: конструктивно-деятельностный подход: дис. ... д-ра психол. наук. М. : МГУ, 2015. 370 с.
- Cavanagh P.* Visual cognition // Vision research. Vol. 13, 2011. P. 1538–1551.
- Clifton C. Jr., Staub A.* Syntactic influences on eye movements in reading // The Oxford handbook on eye movements / eds. S. P. Liversedge, I. D. Gilchrist, S. Everling. Oxford : Oxford University Press, 2011. P. 895–909.

- Coulson S., Van Petten C.* Conceptual integration and metaphor: an event-related potential study // *Memory and cognition*. 2002. Vol. 30 (6). P. 958–968.
- Duchowski A. T.* Eye-tracking methodology. Theory and practice. London : Springer-Verlag, 2007. 360 p.
- Gibbs R. W., Matlock T.* Metaphor, imagination, and simulation // *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. Cambridge : Cambridge University Press, 2008. P. 161–176.
- Glucksberg S., Gildea P., Bookin H.* On understanding non-literal speech: Can people ignore metaphors? *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, 1982. Vol. 1. P. 85–96.
- Kazmerski V. A., Blasko D. G., Dessalegn B. G.* ERP and behavioral evidence of individual differences in metaphor comprehension // *Memory and cognition*. 2003. Vol. 31. P. 673–689.
- Kliegl R., Nuthmann A., Engbert R.* Tracking the mind during reading. The influence of past, present, and future words on fixation duration // *Journal of experimental psychology: General*. 2006. Vol. 135. P. 12–35.
- Pynte J., Kennedy A.* An influence over eye movements in reading exerted from beyond the level of the word: Evidence from reading English and French. *Vision Research*. 2006. 46. P. 3786–3801.
- Rayner K., Slattery T.J., Bélanger NN.* Eye movements, the perceptual span, and reading speed // *Psychonomic bulletin and review*. 2010. Vol 17 (6). P. 834–839.
- Spillane M.* The tough guys. М.: Внешсигма, 1995. 190 с.
- Staub A.* Reading sentences: Syntactic parsing and semantic interpretation // *The Oxford handbook of reading* / eds. A. Pollatsek, R. Treiman. Oxford : Oxford University Press, 2015. P. 202–216.
- The handbook of attention* / eds. J.M.Faucett, E.F.Risco, A.Kingstone. Cambridge: The MIT Press, 2015. 677 p.
- Wolff Ph., Gentner D.* Evidence for role-neutral initial processing of metaphors // *Journal of experimental psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 2000. Vol. 26 (2). P. 529–541.

УДК 81'42

О. П. Крюкова

доктор филологических наук; ст. научный сотрудник; член диссертационных советов; e-mail: krukova-op@yandex.ru

**ДЕЛОВОЙ ДИСКУРС В УПРАВЛЕНИИ ПОВЕДЕНИЕМ
(проблемы прикладного прагмалингвистического анализа
массовой коммуникации)**

В статье рассматривается тема лингвопрагматической организации делового дискурса в аспекте воздействия производителя на потребителя с целью приобрести продукт через дискурс массовой интернет-коммуникации. Материал исследования – англоязычная маркетинговая рекламная деятельность компаний – производителей парфюма Великобритании и РФ. Цель исследования – лингвистическое определение категории воздействия. Новизна – выявлена лингвопрагматическая модель воздействия производителя на потребителя с целью влияния на его систему ценностей через корреляцию лексико-семантических полей.

Ключевые слова: деловой дискурс; прототип рекламного текста; категория воздействия; лексико-семантическое поле; идеографическая модель словаря; мультимодальность.

Kryukova O. P.

Doctor of Philology (Dr.habil.), Senior Researcher, Member of the Councils, Awarding Degrees of Candidate and Doctor of Philological Sciences; e-mail : krukova-op@yandex.ru

**BUSINESS DISCOURSE
IN LINGUISTIC BEHAVIOR MANAGEMENT (problems of applied
pragmalinguistic analysis of mass communication)**

The article describes a research of lingua-pragmatic organization of business discourse to reveal means of impact of the producer on the consumer in mass communication. The aim of the research is to describe linguistic means of impact. A new model of impact is described functioning as a correlation of lexical semantic fields in the matrix of prototypical text of advertisement.

Key words: linguistic behavior management; business discourse; prototypical text organization; lexical semantic field; ideographic vocabulary model; ultimodality.

1. Постановка проблемы

Сегодня одной из актуальных проблем исследования для лингвистики становится изучение лингвистического феномена, получившего название «дискурс». Исследования этой проблемы

многочисленны: Н. Д. Арутюнова, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова и др., но проблема лингвопрагматических методов воздействия на материале делового дискурса (ДД) пока не исследована.

В рабочем порядке мы определяем понятие «дискурс» как совокупность текстов, содержащую знания, установки, оценки по актуальной для социума проблеме, которая создается для побуждения общества к действию и формирования новых форм сознания и существует в форме надперсональной интернет-коммуникации.

Цель данного исследования состоит в изучении лингвопрагматических форм и способов воздействия производителя парфюма на потребителя в побуждении к действию, реализуемых с помощью делового дискурса.

Достижение этой цели сталкивается с проблемой большой сложности. В ДД мы сегодня имеем новый гибкий подход к интерпретации продукта и потребителя. Новизна идеи продукта – это идея продукта трансформера, т.е. продукта, потенциально обладающего большими возможностями, которые могут быть реализованы по заказу индивидуального потребителя. Также изменилось и представление о потребителе: это стереотип, обладающий сложным аксиологическим профилем, с учетом которого и проектируется продукт. Исследование таких объектов предполагает их моделирование вероятностными методами.

Исходя из сказанного, необходимо признать, что для исследования ДД как единого в стиле, компактного по объемам и вероятностного по содержанию коммуникативного и мыслительного пространства необходим дополнительный и специальный инструментальный аппарат исследования для структурной и формализационной обработки, которая обеспечила бы подход к моделированию и представлению информации ДД как единой онтологической сути, прототипической текстуальности, способной сочетать инвариантность и вариативность решений.

Понятие «прототипической текстуальности» определяется здесь как свойство текста, отражающее системность объектов и отношений в нейтрально-стилевом, сжатом, формализованном и абстрактном виде.

Что мы ожидаем при таком подходе увидеть?

Лингвистическая гипотеза решения задачи состоит в следующем: решение проблемы воздействия видится нами как соотнесенность структурированного древовидного представления о продукте с аналогично структурированным представлением об аксиологической модели потребителя, которая и демонстрирует, насколько хорошо учтены производителем качества продукта, которые потребитель ценит. Это и должно отражаться в дискурсе. Иными словами, чем больше возможных точек соотнесенности содержит модель продукта и модель потребителя, тем вероятнее и эффективнее будет воздействие на потребителя, который воспримет продукт в своей или новой системе смыслов. При этом модель должна содержать как вертикальное, так и линейное формализованное представление.

В качестве методов структурной и семантической обработки мы используем следующие: идеографический подход и метод¹, метод полей².

Объектом исследования является деловой дискурс по проблематике «Парфюм», так как данный дискурс понятен и доступен широкому читателю и отражает современные тенденции использования лингвопрагматических средств воздействия, актуальных для данного исследования.

2. Построение модели делового дискурса

С помощью идеографического подхода и метода построения словарей-тезаурусов можно увидеть целиком картину мира избранного дискурса и постепенно детализировать ее. Как это достигает исследователь? Ответим словами Ю.Н. Караулова, который, анализируя подход Й. Трира, пишет, что «главная проблема для исследователя на этом пути – построить иерархическую систему последовательного членения лексического состава языка сверху донизу, вплоть до отдельного слова (принцип «целостности»), таким образом, чтобы полученная картина без пробелов (принцип

---

¹ Характеристика данного метода и подхода дана в работе Ю.Н. Караулова [Караулов 2010].

² Б. Ю. Городецкий характеризует типы соотнесенности лексики в лексико-семантических полях (ЛСП) в работе «К проблеме семантической типологии» [Городецкий 1969, с. 173].

«сплошности») покрывала сферу человеческого опыта, запечатленную в родном языке» [Караулов 2010, с. 6].

Модель строится синоптическая: это модель представления содержания, где можно видеть как всю картину мира целиком, так и видеть ее детально, каждый пункт (микроединицу или сему) в отдельности¹, если раскрывать внутреннюю форму ее концептов и описывать как лексико-семантическое поле. Детальная картина по единицам необходима, чтобы сопоставить модели продукта и потребителя и определить эффективность воздействия.

Рассмотрим вышеуказанный подход на примерах в рисунках 1–3.

На рисунке 1 мы видим парадигму ДД «Парфюм». Это верхний уровень модели. Не раскрывая ее всю, в деталях остановимся только на двух категориях: «Продукт» и «Потребитель» как определяющих возможность воздействия. Далее на рисунках 2 и 3 мы видим раскрытие 1-го уровня понятий «продукт» и «потребитель».

На первый взгляд сопоставлять нечего. Мы точек соответствия пока не видим. Рассмотрим более глубокие уровни раскрытия концептов этих моделей.

Рис. 1. Парадигма ДД «Парфюм»

---

¹ Возможна трактовка морфов слова синоптический как *sine* – порознь, отдельный, а *opt* – связанный со зрением. Происхождение второго компонента слова связано с различными языками: немецким, греческим, праиндийским.

Синоптическая модель «Продукт»

Рис. 2. Продукт в ДД «Парфюм»

Синоптическая модель «Потребитель»

Рис. 3. Потребитель в ДД «Потребитель»

2.1. Модель продукта

Что показывает раскрытие понятия «продукт второго уровня»? Концепт имя в модели продукта раскрывает поле типов возможных имен продуктов парфюма. Это могут быть названия городов, цветов, природных ландшафтов, мифологических героев, жанров искусства и ряда других, иными словами, любые объекты могут становиться материалом для именованья и моделирования с помощью ароматов. Это обусловлено двумя факторами: технологическим и лингвистическим.

Произошедший в парфюмерии сдвиг парадигмы обусловил расширение модели и появление новых концептов: «структуры» и «легенды». Понятие «структура» появилось в связи с тем, что изменилась технология изготовления духов и вместо одного цветочного аромата стали использовать палитру ароматов, существенно расширив производство. Это не только ароматы цветов, но и экстракты других растений, некоторые пищевые продукты, пряности и др. В производстве духов стала развиваться идея и технология разработки «букета» ароматов, который в дискурсе описывается как «структура» с ароматами верхнего диапазона, среднего, или сердечного, низкого. Степень их высотности обусловлена летучестью, или скоростью распространения в воздухе, –

чем выше диапазон, тем быстрее. Подчеркнем, что сегодня именно структура содержит основную характеристику продукта, так как в ней описан тот состав букета ароматов, который определяет парфюмерное качество данного продукта. По этой причине далее именно понятие «структура» будем называть «Продукт 1».

Поясним причину возникновения легенды. Легенда создается как вербальное художественное описание продукта 1, его виртуальный аналог. Она строится на основе описания букета в контексте актуальной для потребителя ситуации (это может быть важное для данной страны историческое событие, значимый архитектурный памятник, красивый природный ландшафт и др.). Продукт 1, описываемый в контексте привлекательной для потребителя ситуации, обретает свою смысловую эстетическую и философскую интерпретацию, он становится, по сути, эмоционально и интеллектуально заряженным виртуальным продуктом 2, с помощью которого и производится воздействие, так как именно эта интерпретация и будет соответствовать ценностям потребителя, что описано в разделе «Модель воздействия».

2.2. Модель потребителя

Что становится очевидным в модели «потребитель» при ее раскрытии? Остановимся на этом вопросе пока в общих чертах¹. Модель «потребитель» содержит аксиологический профиль британца среднего класса, на которого и рассчитана продукция парфюмеров этой страны. Как выглядит этот профиль в свете набора ценностей современного жителя Великобритании среднего класса, который может себе позволить купить продукт? Это человек с хорошим образованием, отсюда позиция интеллект, он любит родину и патриотичен, хотя вместе с тем он и мультикультуралист, толерантен к другим нациям и народам, он любит искусство и красоту, значит эстетичен, он имеет и осознает свой имидж и стиль в одежде и внешнем облике, он в силу своих религиозных взглядов и воспитания уважает труд, он в целом аскетичен в еде и своих привычках, хотя и есть любовь к отдельным блюдам и продуктам. Широкий спектр ценностей потребителя создает возможности для корреляции свойств продукта со свойствами самого потребителя.

---

¹ Наблюдаемая специфика продиктована социокультурной спецификой Великобритании, так как нами были использованы материалы британских фирм-производителей на примере 'Penhaligon'.

Мы не сможем увидеть этих точек корреляции потребителя с продуктом, если будем искать их через структуру букета: она не содержит его жизненных прагматических ценностей. Они появляются в модели только через легенду, создаваемую лингвистическими методами. Именно раскрытие понятия «легенда» дает возможность увидеть те возможности стыковки, которые открывают пути воздействия. Это мы рассмотрим в следующем разделе.

2.3. Модель воздействия

Текст рекламы и содержит то свойство прототипической текстuality, в котором с помощью легенды кодируется эффект воздействия. Он заключается в способах организации лексики и интерпретации значений используемого словаря.

Исследование показало, что лексемы, означающие ароматы и некоторые другие классы лексики, получают тройную семиотическую трактовку значения:

- 1) слово трактуется как заместитель денотата;
- 2) слово трактуется как признак, ассоциированный с другим артефактом, феноменом или др., с которым оно ассоциативно связано;
- 3) слово трактуется как символ любого другого феномена, артефакта или др.

В качестве примера приведем слово «гвоздика». Во-первых, гвоздика как заместитель предмета в первом из упомянутых значений это цветок, источник сладкого тяжелого аромата (icon). Во-вторых, это предмет, ассоциируемый с любым другим феноменом, с которым она часто встречается, например торжественным событием (index). И, в-третьих, это символ (symbol). Например, гвоздика как символ города. В анализируемом нами материале встречается лексика всех трех типов значений¹.

Исследование также показало, что используются следующие подсистемы лексики, формирующие соответствующие поля:

- мультисенсорные лексемы, используемые в описании ситуаций и сгруппированные по принципу принадлежности к конкретной ситуации, воспринятой всеми органами чувств – зрением, обонянием, слухом, осязанием;

---

¹О семиотических трактовках значений слова пишет С.В.Гринев [Гринев 2003].

– эмоционально-оценочные лексемы, используемые для оценки ситуации, подчеркивания значимости ее компонентов для потребителя;

– лексемы-именования ценностей потребителя, которые формируют индивидуально значимые ЛСП. Это поля: «Что я люблю / ценю / уважаю / к чему стремлюсь», используемые для соединения ЛСП описания продукта и встраивания в аксиологический профиль потребителя.

Топография лексики может быть либо последовательная (ассоциативно связанные слова подаются группой), либо дистанционная (слова в разных местах текста). Группы демонстрируют свой принцип сочетаемости – тематико-ситуативный. В тексте представлены (графически либо вербально) предметы, характерные для избранной в модели ситуации.

Рассмотрим примеры. Текст рекламы «От портного» (Sartorial) [penhaliton's.com], где с помощью букета духов моделируется обстановка в портновской мастерской. Лексическими средствами создается лексико-семантическое ситуативное поле «Портновская мастерская», которое представлено в двух видах: вербальном и графическом (здесь графика дана в описании).

Пример 1. Вербальное представление ЛСП «Портновская мастерская»:

[Стиль «от портного», высокочеловеческое портновское искусство, портновская мастерская, джентльмен]¹.

Пример 2. Графическое представление текста «Стиль от портного»:

[Флакон духов продукта коньячного цвета, мотки черных и серовато-оливковых ниток, портновские линейки, фон различных светлых оттенков серовато-коричневого мужского стиля].

Цвет, форма, стилистика объектов, фактура материалов, из которых они сделаны (игра бликов стекла, шелка драпировки, жидкости духов или металла) могут быть видны только в графическом изображении. Но они все, особенно в комбинации, эмоционально и семантически значимы в том же смысловом ключе – высокий вкус и респектабельность джентльмена, который одевается «от

---

¹ В квадратных скобках даются слова из анализируемого текста в переводе автора.

портного» и, конечно, должен носить на себе аромат предлагаемых здесь духов. Они и закомпанованы в сопровождающем текст рисунке.

Легенда продукта – духов под названием «От портного» демонстрирует набор ценностей продукта 2, а это эстетичность костюма джентльмена, патриотизм, уважение к национальной традиции портновского искусства, к труду (см. модель потребителя). Стыковка двух моделей продукта и потребителя очевидна, и она демонстрируется в лексике, ее ЛСП, ситуативной комбинаторике и топографии.

Текст рекламы строится на структурном прототипе сценария и материализующими его высказываниями.

Пример 3. Сценарий текста рекламы

Часть 1.

1. Происхождение имени продукта – *X was named after...*
2. Время создания продукта – *X was created in...*
3. Указание на партнеров – *In collaboration with...*
4. Источник идеи – *X was inspired by...*

Часть 2.

5. Композиция букета – *X is a classic balanced fougere: Y, Z...*
6. Сращивание слов-ароматов букета продукт 1 с ароматами ситуации (продукт 2) – *B, C, D, ...are brought together with E. F. G.*
7. Оценка ароматов букета реального продукта с помощью слов-признаков продукта виртуального (вариативно, зависит от ситуации)

Часть 3.

8. Предложение новых ценностей виртуального продукта (вариативно, зависит от ситуации).
9. Создание нового образа потребителя, использующего новый продукт – *X is a fragrance for a new generation of...*

На данном примере мы можем видеть интерпретацию свойств продукта, строящегося на легенде, и возможности связывания с аксиологическим профилем потребителя, его моделью через новые лексико-семантические поля. Это, в свою очередь, создает новые возможности воздействия на потребителя и мотивацию купить продукт. Уже только само название может вызвать в памяти потребителя легенду-контекст, в котором существует данный аромат, позитивную память об этой ассоциации, связь с другими

лексико- семантическими полями через эмоционально-оценочные лексические поля и формирование пресуппозиции о том, что употребление данного аромата улучшит имидж, эффект респектабельности или другие факторы ответственности на окружающих самого человека, использующего данный аромат.

Пример 3. «Серебристый ландыш». Корреляция ЛСП (по материалам опроса и форумов фабрики «Новая заря»).

Типы ЛСП Продукт				Типы ЛСП «потребитель» / Потребитель		
Растение	Свойство	Ассоциация	Символика	Имидж / Стиль	Эстетика	Философия
ландыш	аромат ландыша	свежесть бодрость	чистота молодость начало лиризм	аккуратный ухоженный	аскетичность скромность	трудолюбие результативность

Психологическая корреляция ЛСП осуществляется на этапе интерпретации ароматов букета и приписывания им оценочных значений. При этом происходит переход от ассоциативного использования слов к их символическому, смешение классов лексики в плане способов восприятия и общепринятой смысловой валентности (запах становится сладким, а движение – меланхоличным) и т. д.

Приведем пример из текста «Iris Prima» («Прима в ауре ириса»):

[прима, цитрусовый аромат, свежесть, полетная грация балерины; жасмин – «припудренные» нотки, басы – приглушенные кожаные нотки – репетиционные и корридоры Английской национальной академии балета; букет в целом – символ балета = пуанты, старые театры, репетиционные, кровь, пот и слезы; воздушная элегантность и легкая меланхолия – проникновение в уединенный магический мир балета]

Именно заключительные слова в тексте несут информацию об эффекте продукта и его предназначении и осуществляют включение и активацию индивидуальных ценностных ЛСП.

Итогом этого приобщения должно стать формирование у потребителя пресуппозиции следующего характера: «Я люблю балет и «Iris Prima» это возможность для меня приобщения

к прекрасному – балету, если я приобщена к продукту. Это для меня значит и изменение в моем имидже, принесение ноток утонченности, легкости и меланхолии в имидж и стиль. Я буду более привлекательна. Меня любят». Это в нашем понимании и есть воздейственность и управление принятием решения купить, т. е. поведением.

3. Выводы

Гипотеза исследования о том, что воздействие реализуется как корреляция ЛСП двух систем представлений – о продукте и о потребителе. Но при этом лингвистические средства здесь подкрепляют эффект когнитивных и психолингвистических средств. Их воздействие становится возможным потому, что описание продукта имеет два способа реализации – один реальный, фактический. И другой – виртуальный. Это легенда о продукте, которая моделируется и закладывается в ДД самим потребителем уже на этапе разработки.

Именно легенда является носителем тех образных средств и лексических процессов, которые и позволяют формировать новые представления, демонстрирующие привлекательность для нового, формируемого производителем через лингвистические технологии потребителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Выготский Л. С.* Эйдетика. Психология памяти / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, Р. Я. Романова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Аст: Астрель, 2008. 656 с.
- Городецкий Б. Ю.* К проблеме семантической типологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 564 с.
- Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография. М.: ЛИБКРОМ, 2010. 360 с. Penhaligon's. URL: www.penhalignons.com

УДК 811.111.1'373

Н. А. Лаврова

доцент, кандидат педагогических наук; доцент кафедры лексики и фонетики английского языка Московского педагогического государственного университета; e-mail: lavruscha@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ АНТОНИМИИ И О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ АНТОНИМОВ

В статье проводится комплексный анализ понятия «антонимия», а также рассматривается типологическая классификация антонимов. Цель статьи – экспликация многослойной сущности антонимии, а также ее логической связи с другими системными отношениями в лексике. Наряду с универсальными критериями антонимии имеются культурно-специфические факторы, затрудняющие непротиворечивое понимание антонимии. Результаты экспериментального исследования лексем семантического поля «романтические отношения» показали, что анализируемая группа слов удовлетворяет как требованиям, предъявляемым к классическим синонимам, так и требованиям, предъявляемым к антонимам.

Ключевые слова: антонимы; системные отношения в лексике; синонимы; ко-гипонимы; типология.

Lavrova N. A.

PhD (Pililology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Chair of Phonetics and Lexicology, MSPU; e-mail: lavruscha@gmail.com

TOWARDS ANTONYMY AND TYPOLOGICAL CLASSIFICATION OF ANTONYMS

The article focuses on the analysis of the multidimensional term 'antonymy' as well as typological classification of antonyms. The main aim of the article is to disclose the multifactorial nature of antonymy, including its connection with other systemic lexical relations, such as synonymy and co-hyponymy. Apart from some universal features of antonyms, presumably shared across all languages and cultures, there are a number of culturally specific characteristics that render an uncontroversial interpretation of antonymy problematic. The results of the research into the semantic and cognitive structures of words belonging to the semantic field of 'romantic relationships' have revealed that these words are semantically ambivalent, satisfying both types of criteria – those pertaining to antonyms and those pertaining to synonyms.

Key words: antonyms; systematic lexical relations; synonyms; co-hyponyms; typology.

При многочисленных определениях антонимов наиболее оптимальным, основанном на прототипическом подходе, является

следующее: антонимы – два слова с несовместимым или прямо противоположным значением, относящиеся к одной части речи, имеющие семантический признак «крайний полюс», а также общий семантический компонент в своей семантической структуре, относящиеся к нейтральному регистру и стоящие на одном иерархическом уровне.

Традиционные классификации антонимов включают следующие подгруппы: *градуальные*, *комплементарные* и *направительные*.

Градуальные антонимы подразделяются на *эквиполентные*, *полярные* и *перекрещивающиеся*. *Эквиполентные* антонимы разнонаправлены и не ограничены в своих противоположных показателях: например, температуру можно как понижать, так и повышать не достигая предела. В специальных вопросах, начинающихся со слова *how*, оба слова антонимической пары являются маркированными и не запрашивают информацию о температуре как объективном параметрическом показателе: *How hot is the casserole?* содержит пресуппозицию о том, что блюдо горячее; *How cold is the casserole?* содержит пресуппозицию о том, что блюдо холодное.

Полярные антонимы располагаются вправо от точки отсчета (условного нуля), служащей ограничением для меньшего антонимического показателя. Так, в паре *short – long* денотат лексемы *short* располагается справа от условного нуля, поскольку при постоянном укорачивании предмета сначала он превратится в плоский, а потом и вовсе исчезнет, однако ни при каких обстоятельствах предмет не может характеризоваться *отрицательной* длиной. В полярных антонимах только член, обозначающий более высокий параметрический показатель, может употребляться как нейтральное обозначение параметра в специальных вопросах со словом *how*: предложение *How long is that string?* запрашивает информацию об объективной длине и не содержит пресуппозиции о том, что веревка длинная.

Перекрещивающиеся антонимы напоминают полярные, но содержат элемент оценки в своей семантической структуре, и потому обнаруживают большую асимметричность, чем полярные. При употреблении в специальных вопросах только член, кодирующий положительное качество, является нейтральным показателем

соответствующего параметра: *How good is the book?* не содержит пресуппозиции о том, что книга оценивается говорящим положительно.

Направительные антонимы представлены такими разновидностями, как собственно направительные, конверсивные (реляционные) и реверсивные. Собственно направительные антонимы выражают понятия, содержащие смысловые компоненты «вертикаль», «горизонталь», «право», «лево»: *north – south, zenith – nadir, right – left, up – down* и т. д. Конверсивы описывают одну и ту же ситуации с разных точек зрения – с позиций разных актантов и часто выражают отношения между людьми – профессиональные (*teacher – pupil*), внутрисемейные (*father – son*), деловые (*to buy – to sell*) и т. д. Наконец, реверсивные антонимы обозначают противоположные друг другу результаты действий: *to pack – to unpack, to wrap – to unwrap, to cover – to uncover* и т. д.

Ю. Д. Апресян различает **симметричные** и **несимметричные (асимметричные)** антонимы [Апресян 1995]. Первая группа обозначает диаметрально противоположные понятия, и поэтому не сочетается (или плохо сочетается) с наречиями большой или максимальной степени признака, при возможном сочетании одного из антонимов с наречиями малой степени (*чуть живой, едва дышит* и т. д., но не **совсем живой, *абсолютно мертвый, *немного мертвый*). К симметричным антонимам относятся слова со значением прямых и обратных процессов, действий, состояний и признаков (*индукция – дедукция, синтез – анализ, испарять – конденсировать, замерзать – оттаивать, pro-union – anti-union, to freeze – to melt, synthesis – analysis* и т. д.), однако симметрия антонимов является, скорее, исключением, чем правилом. У несимметричных антонимов первый член выражает **высокую степень признака**, а **второй – низкую**: *большой – маленький, высокий – низкий, дорогой – дешевый* и т. д. У антонимов данного класса семантически проще оказывается первый член, употребляющийся с наречиями высокой, но не максимальной степени признака (*очень высокий*, но не **совсем высокий*), а также в специальных вопросах об объективных параметрических показателях предметов (*How deep is the river? How broad is the board? How far is the way?* и т. д.). Кроме того, первый член гораздо чаще, чем второй выступает деривационной базой для большого числа лексикализованных слов – слов,

передающих определенное понятие: ср. *длина* (*короткость), *ширина* (*узкость), *высота* (*низость)¹, *причал* (*отчал), *выключатель* (*включатель) и т. д.

По мнению А. Вежбицкой, антонимы *black* и *white* не являются симметричными, поскольку только у прилагательного *black* есть универсальный прототип – *темнота ночи*, а у белого цвета нет [Wierzbicka 1992]. В отличие от всех остальных цветов, которые не могут быть попарно противопоставлены, антонимы *белый* – *черный* содержат в своей семантической структуре оппозицию компонентов «всякий – никакой», так как с научной точки зрения белый цвет – это цвет, отражающий все световые лучи, а черный цвет – это цвет, не отражающий никаких световых лучей (или поглощающий все цветовые лучи). В отличие от несимметричных *black* и *white*, пара *chromatic* – *achromatic* является симметричной.

Традиционно считается, что с чисто логической точки зрения остальные цвета находятся в отношениях несовместимости: лексемы *красный*, *зеленый*, *желтый*, *синий* и др. не образуют антонимических пар и представляют собой ко-гипонимы иерархически более высокого понятия «цвет». Однако с физиологической точки зрения проблема определения антонимических пар цветов представляется крайне интересной и до конца не решенной. В 1878 г. Эвальд Геринг заметил, что все цвета можно описать как состоящие из одного или двух следующих ощущений: *красного*, *зеленого*, *желтого* и *синего*. Заметив, что человек никогда не воспринимает предмет как красновато-зеленый или желтовато-синий, Э. Геринг сделал вывод о том, что красный и зеленый образуют оппонентную пару – так же, как желтый и синий – и что цвета, входящие в оппонентную пару, не могут восприниматься одновременно. Теория «оппонентного цвета» нашла дальнейшее подтверждение в исследованиях, в которых испытуемый сначала смотрел на цветной свет, а затем – на нейтральную поверхность. В результате при рассматривании нейтральной поверхности испытуемый видел на ней цвет, дополнительный первоначальному. Таким образом, объекты никогда не воспринимаются как красно-зеленые или желто-синие потому, что элемент не может реагировать в двух направлениях сразу [Маклаков 2012].

¹ *Низость* в значении «подлый», «аморальный поступок» не является антонимом слова *высота*.

Помимо симметричных и несимметричных антонимов различают *канонические* и *неканонические* антонимы. Канонические антонимы морфологически просты, представлены прямыми, а не переносными значениями слов, обладают высокой частотностью употребления в различных типах дискурса, встречаются в устойчивых словосочетаниях и первыми приводятся информантами в ассоциативных экспериментах: *hot – cold, black – white, big – little*.

Неканонические антонимы, представленные преимущественно переносными значениями слов, отличаются большей морфологической сложностью как минимум одного из элементов и редко выдаются информантами в ассоциативных тестах; они также менее частотны в корпусе. Так, неканоническими являются антонимы *dry – productive*, противопоставляющие сухой кашель влажному; лексема *wet* в значении «неопытный» противопоставлена лексеме *seasoned* в значении «опытный», «профессиональный», представляя собой неканонический антоним.

Канонические антонимы отличаются от *типичных антонимов* (*maximize – minimize*) – пар слов, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым к антонимам: наличие диаметрально противоположного значения, двучленность, наличие единственного общего гиперонима, симметричность, совпадение по регистру, коннотативная нейтральность, различие по одному признаку. Так, *fat* и *thin* образуют типичную пару антонимов в отличие от *fat* и *slender* или *stout* и *skinny*. Пара *father – daughter* представляет собой менее типичные антонимы, чем пара *father – son*, поскольку последние различаются по двум параметрам – по возрасту и по статусу, а первые – по трем признакам: пол, возраст и статус. При этом наиболее типичной антонимической парой является пара *father – mother*.

Так же, как и синонимы, антонимы подразделяются на *логические* и *прагматические*. Логические антонимы содержат противопоставление в выражаемом словом понятии независимо от контекста; противопоставление в прагматических антонимах всегда контекстуально обусловлено, причем под контекстом понимаются не столько языковые, сколько экстралингвистические факторы. Так, в контексте обсуждения вин, белое вино противопоставлено красному, а не черному. В контексте правил дорожного движения красный цвет противопоставлен зеленому, несмотря на

то что в системе языка данные противопоставления не являются антонимичными. Прагматическая антонимия допускает противопоставление слов, не обладающих сигнификативным компонентом значения, что косвенно подтверждает метаязыковой характер антонимических отношений. Пример, приводимый М. Л. Мёрфи, – имена собственные *Tom Jones* и *Engelbert Humperdinck*, представляющие собой крайние точки на шкале немаркированности – маркированности имени [Murphy 2003].

Межкультурные различия в изучении антонимии показали, что в зависимости от повседневного опыта, обусловленного природными и другими факторами, представители разных народов по-разному воспринимают отношения контраста. Как указывает Е. С. Кубрякова, это обстоятельство обусловлено тем, что «в язык проецируются обыденные знания человека о мире, которые могут существенно отличаться от научных, но и такие знания имеют право на специальный анализ и на объяснение их происхождения... Интересы людей могут касаться разных сторон строения мира, в фокусе их внимания оказываются разные аспекты бытия. Вполне естественно, что язык отражает эту способность человека видеть мир и осмыслять его в разных ипостасях и проявлениях» [Кубрякова 2004, с. 16–17]. Так, в нейтральном контексте антонимом *mountain* для американцев будет *valley*. Для представителей японской культуры антонимом слова *гора* является слово *океан*, поскольку большинство японцев живут между горной местностью и океаном. В отличие от большинства европейских языков, китайский использует антонимию как *средство номинализации*, создавая сложные слова, состоящие из двух взаимоисключающих понятий, которые в целом называют суперординаторное понятие: понятие «качество» звучит по-китайски как *hǎo-huài* (*хороший – плохой*); слово *dà-xiǎo* (*большой – маленький*) означает «размер»; *kuài-tàn* (*медленный – быстрый*) означает «скорость»; *shuǐ-tǔ* (*вода – земля*) – «климат», а *fù-mǔ* (*отец – мать*) – «родители». В ритуальном языке жителей племени вальбири (австралийские аборигены) самые важные сообщения кодируются таким образом, что все слова заменяются антонимами, поэтому просьба: «Принеси мне воды» звучит на языке вальбири примерно следующим образом: «Забери огонь у кого-нибудь».

Несмотря на то, что интуитивно различие между синонимами и антонимами кажется вполне очевидным, создается впечатление, что сами понятия «синоним» – «антоним» представляют собой антонимическую пару – на деле всё гораздо сложнее и запутаннее. Основное отличие, по-видимому, заключается в *линейной* организации значения антонимов и в *центробежной тенденции* их значений. Семантика синонимов, напротив, характеризуется *центростремительным* и *нелинейным (стереометричным)* характером.

Как указывает Ю. Д. Апресян, существуют случаи, когда значения противоположности и сходства одновременно характеризуют оба слова в паре, например *городок – городище, нектар – пойло* [Апресян 1995]. Сходство их семантики проявляется в наличии общего денотативного компонента, а различие – в наличии *противоположной субъективной оценки*, входящей в модальную рамку слова и являющейся частью прагматики, поэтому интуитивно подобные пары слов воспринимаются как неточные синонимы, а не антонимы. По-видимому, данные слова находятся на периферии отношений синонимии и антонимии и свидетельствуют о многогранности и богатстве системной организации лексики, в которой отношения синонимии и антонимии представляют собой наиболее отчетливо вырисовывающиеся полюса.

То, что синонимы и антонимы представляют собой сходные понятия, можно проиллюстрировать на примере следующих лексем, относящихся к семантическому полю «романтические отношения»: *love, lust, infatuation* и *passion*¹. При несомненной общности семантики данных слов, можно видеть, что они также значительным образом разнятся, так что для некоторых носителей языка они представляют собой плохо совместимые понятия. Используя метод словарных дефиниций, анкетирование (опрос носителя языка) и корпусный анализ, мы уточнили семантику данных слов, а также содержание передаваемых ими понятий, взяв за основу такие

---

¹ В данном случае корректнее использовать английские слова, а не их русскоязычные эквиваленты, поскольку с позиций когнитивной семантики и лингвокультурологии даже те слова, которые можно условно считать переводными эквивалентами, выражают сходные, но не идентичные понятия.

компоненты значения, как «продолжительность чувства»¹, «тип денотата», «интенсивность», «ипостась человека, затрагиваемая чувством» (тело, ум, душа и т. д.), «степень сложности чувства», «взаимная совместимость – несовместимость» [Lavrova 2015]. Анализ словарных дефиниций и опрос преподавателей одного из колледжей Оксфорда показал, что наиболее сложным и интенсивным чувством является *love*, затрагивающая умственную, духовную и телесную сферу жизни человека. Наименее интенсивным оказалось *infatuation*, которое может длиться от нескольких дней до месяцев, в отличие от любви, способной сохраняться на протяжении всей жизни человека, или *passion*, которая может продолжаться годами. Любопытно, что *infatuation* преимущественно оказывает влияние на умственную сферу, лишая человека способности к рациональному мышлению, в то время как *passion* относится к чувственно-эмоциональной сфере. Как *love*, так и *passion* могут доставлять субъекту физические или нравственные страдания, в отличие от *infatuation*, которая не воспринимается субъектом серьезно и, как правило, поражает контрастные возрастные группы – либо немолодых, пожилых людей, либо совсем юных, подростков. Таким образом, наиболее глубоким и продолжительным чувством является любовь, а наиболее поверхностным и мимолетным – *infatuation*, в промежутке между которыми располагается *passion*. Несмотря на определенные различия между данными чувствами, по мнению носителей языка, все они совместимы между собой, за исключением пары *love – lust*. Следует помнить, однако, что возможность перерастания одного чувства в другое имеет направительные ограничения: так, по мнению информантов, менее глубокое и интенсивное чувство может перерасти в более глубокое и интенсивное, однако изменение чувства в обратном направлении вряд ли возможно. Так, при определенных условиях *passion* и *infatuation* могут перерасти в *love*, однако *love* вряд ли может перерасти в *passion*, *infatuation* или *lust*.

¹ В настоящем разделе мы не ставим цели принципиально разграничить термины «чувство», «эмоция» и «эмоциональное состояние», поскольку данный вопрос не имеет прямого отношения к исследуемой проблеме и поскольку в соответствующей литературе по психологии и психолингвистике не наблюдается единого мнения относительно различия между данными понятиями. Большинство психологов рассматривают чувства как подвид эмоций, а не наоборот.

Наиболее типичными коллокациями для *love* являются: *true love, to fall in love, unrequited / unconditional love, love at first sight, a sign of love, words of love, to declare one's love for smb., the love of a human heart, timeless love*; для *infatuation* – *girlish / teenage infatuation, youthful infatuation, infatuation of old men, infantile infatuation, in the grip of infatuation, passing infatuation, blind infatuation, there is a great chasm between love and infatuation*; для *passion* – *unbridled, guilty, illicit, crime of passion, overpowered, frenzied. Lust* оказывается максимально противопоставленным понятию *love*, о чем свидетельствует относительно частотное выражение в корпусе *war between love and lust*. Очевидно, что в состоянии войны могут находиться только антагонистические, т. е. противоположно направленные сущности.

Исходя из анализа коллокаций, можно констатировать, что наибольший контраст наблюдается между понятиями *love* и *lust*, параллельно *love* оказывается противопоставленной *infatuation* и *passion* по признакам продолжительности, глубины, законности, греховности и просветленности.

Исследование семантической и концептуальной структур указанных эмоциональных состояний по Британскому национальному корпусу обнаружило, что общим знаменателем является осмысление всех трех чувств как контейнера, при этом *infatuation* и *lust* также метафорически осмысливаются как болезнь (*to recover from infatuation, unhealthy infatuation*), а *passion* и *lust* – как жар (*the heat of passion, the fire of passion, burning passion*) и как преступление (*illicit, guilty passion, crime of passion*).

Таким образом, возникает логический вопрос: являются ли рассмотренные группы слов семантического поля «романтические отношения» синонимами или антонимами? Исходя из предложенного ранее критерия центростремительности для синонимии и центробежности для антонимии, представляется, что называемые данными словами чувства (или эмоции), за исключением *lust*, стремятся к своему инварианту – к сохранению чувства романтической привязанности, а не к его разрушению, что в большей степени характерно для лексем *hate, dislike, repulsion, revulsion* и др. В то же время указанная группа слов проходит тест на отрицание, традиционно использующийся для отнесения группы слов к антонимам.

Противопоставляя любовь и ненависть, мы можем сказать: *This is hatred, not love*. Точно так же противопоставляя любовь и увлеченность, мы можем сказать: *This is infatuation, not love*.

Таким образом, проблема логического (в противоположность интуитивному и прагматическому) определения антонимии остается актуальной в современной лингвистике; кроме того, дальнейшая разработка типологической классификации антонимов с учетом культурных особенностей представляется весьма перспективным направлением в исследовании антонимии. Наконец, рассмотрение случаев пересечения антонимии и синонимии, а также связь антонимии и других системных отношений лексики, не может оставить равнодушным исследователя лексической семантики, в том числе когнитивно ориентированной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика (синонимические средства языка). М. : Языки русской культуры, 1995. 464 с.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке. М. : Языки славянской культуры, 2004. 555 с.
- Маклаков А. Г.* Общая психология: учебник для вузов. СПб. : Питер, 2012. 583 с.
- Croft W., Cruse A. D.* Cognitive linguistics. Cambridge : Cambridge University Press, 2004. 356 p.
- Lavrova N. A.* Semantic and cognitive structure of emotions love, lust, infatuation, passion // Journal of Language and Education. Vol. 1. Issue 4. 2015. P. 26–37.
- Murphy M. L.* Semantic relations and the lexicon: antonymy, synonymy and other paradigms. Cambridge : Cambridge University Press, 2003. 280 p.
- Wierzbicka A.* Semantics, Culture and Cognition. Universal Human Concepts in Culture-specific Configurations. N. Y.–Oxford : Oxford University Press, 1992. 487 p.

УДК 802.0 + 801.511.2

А. Э. Левицкий

доктор филологических наук; профессор кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова;
e-mail: andrelev@list.ru

РЕАЛЬНОЕ, КВАЗИРЕАЛЬНОЕ И НЕРЕАЛЬНОЕ: ПРОБЛЕМЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена выявлению особенностей номинации квазиреального, виртуального и нереального средствами английского языка. Исследование базируется на семантическом анализе лексических единиц, выделенных из текстов компьютерной видеоигры «The Elder Scrolls V: Skyrim» и актуальных лексикографических источников. Отмечена важность категории вымышленного в разграничении реального, виртуального, квазиреального и ирреального миров. Доказана важность взаимодействия названных выше миров для формирования английской национальной картины мира.

Ключевые слова: номинация; картина мира; реальность; квазиреальность; виртуальная реальность; нереальность; вымышленное; возможные миры.

Levitsky A. E.

Doctor of Philology (Dr.habil), Professor, Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Moscow Lomonosov State University;
e-mail: andrelev@list.ru

REAL, QUASI-REAL AND NON-REAL: VERBALIZATION IN PRESENT-DAY ENGLISH

The article deals with the designation of quasi-real, virtual and non-real by means of present-day English. The research is grounded upon the semantic analysis of lexical units extracted from the computer videogame “The Elder Scrolls V: Skyrim” and topical lexical sources. The category of fictional proved its importance in defining real, virtual, quasi-real and non-real worlds. The role of interaction of the above worlds appears to be crucial for the English national language worldview formation.

Key words: designation; worldview; reality; quasi-reality; virtual reality; non-reality; fictional; possible worlds.

Язык является инструментом проникновения в ментальность, а следовательно, и ключом к этнической, культурной и социальной группе, к которой принадлежит индивид [Ковшова 2012; Маслова 2004; Молчанова 2013; Тер-Минасова 2004]. Неслучайно, современное состояние языковедческой науки характеризуется

тенденцией к изучению соотношения между языком, с одной стороны, и структурами знаний, операциями мышления и сознания – с другой [Болдырев 2010; Демьянков 2010; Кубрякова 2006; Croft, Cruse 2004; Dirven 2004; Deutscher 2010; Jackendoff 2002; Langacker 1999]. Отмеченная проблематика приобретает новую, оригинальную интерпретацию с позиций когнитивной лингвистики, направленной на изучение взаимодействия механизмов сознания с его языковой объективацией и речевой реализацией [Болдырев 2010; Демьянков 2010; Кубрякова 2006].

Человек, созерцая окружающий мир, осознает, осмысливает, чувствует, познает и воспроизводит его. Вследствие познавательной деятельности и отражательной способности мышления индивида создается образ мира, который может в точности передавать особенности восприятия человеком мира реального (с его точки зрения) и вымышленного (см., например: [Голубовская 2002; Колшанский 1990; Корнилов 2013]).

С позиций философии реальность (от позднелат. *realis* – *вещественный, действительный*) трактуется, как существующее в действительности. В диалектическом материализме данный термин употребляется в двух значениях:

- 1) материя в совокупности различных ее видов (объективная реальность противопоставляется субъективной, т.е. явлениям сознания);
- 2) всё существующее, т.е. материальный мир и все его идеальные продукты.

Критерием реальности объектов, процессов, событий, фактов, свойств в философии является общественная практика [ФЭС 1983]. Итак, даже диалектический материализм предполагает наличие субъективной реальности, допускающей активную роль сознания в восприятии мира и индивидуальную «окраску» информацию о нем. Субъективность мировосприятия особенно важна для понимания виртуальной реальности, трактуемой как искусственно созданная (в том числе и компьютерными средствами) среда, в которую можно проникать, меняя ее изнутри, наблюдая трансформации и испытывая при этом реальные ощущения.

Достигнув высочайшего уровня в своем эволюционном развитии, человек стоит у границы, за которой находится мир вымышленный. Искушение познать этот мир велико, потому что вымысел

захватывает, поучает и приносит пользу, так как позволяет заглянуть туда, где реальность бессильна, позволяет планировать и принимать меры предосторожности посредством умственных, мыслительных экспериментов и проверки гипотез [Rescher 2003, с. 243]. Деятельность воображения – это одновременно и творческая, и познавательная деятельность, своеобразная «высшая форма мышления» [Голосовкер 1987, с. 12]. Вымысел способствует лучшему познанию наших планов и целей их достижения. В целом, когда мы подходим к описанию восприятия окружающего мира, нас не может не привлекать возможность его изменения для большего соответствия потребностям, желаниям, идеалам и целям. Кроме того, не будем забывать и об игровом аспекте мышления, благодаря которому мы можем по-новому, отстраненно, иногда иронично посмотреть на отраженную в сознании реальность.

Попав в этот новый тип аудиовизуальной реальности, можно вступать в контакты не только с другими людьми, но и с искусственными персонажами [Маньковская, Мотлевский]. В данном смысле, компьютерные игры представляют собой канонический тип виртуальной реальности (иными словами, реальности виртуального мира). Так, в игре «The Elder Scrolls V: Skyrim» персонажи (*Hadva, Ralof, M'aiq the Liar, Uthgerd the Unbroken, Ulfric Stormcloak, Beletor* и др.) действуют в виртуальных локациях (*Whiterun, Riverwood, Solitude, Eldersblood Peak, Blackreach* и др.). При этом персонажи, напоминающие людей, действуют, как мы, а локации напоминают известные нам территории на планете Земля. Это же касается и задействованных артефактов, происходящих событий, флоры и фауны, а также реализации категории времени.

Мнимая реальность виртуального отторгает образность, полностью порывая с референциальностью. Означающее исчезает, уступая место фантомному, которое лишено онтологической основы, не отражающей реальность, но вытесняющей и заменяющей ее гиперреальным дублем [Сивиринов].

Как синоним виртуальной реальности в философской литературе используется термин квазиреальность, дословно означающий «как бы реальность» [Бабенко 2006]. В этом отношении данный термин не обладает необходимой полнотой, так как учитывает только проявление виртуальной реальности, не затрагивая ее сущности. В то время, как отмечается социальная, мифологическая

и идеологическая квазиреальности. Поскольку эти квазиреальности функционально вписаны в человеческую практику, их роль в жизни общества весьма велика, так как гибкость или определенная аморфность квазиреальностей представляет человеку различные возможности социальной адаптации и, следовательно, выживания в «Этом» мире [Жеребило 2011].

Вымышленный, или «возможный», мир воспринимается как вторичный, организованный на иных общесистемных принципах, чем воспринимаемая реальность [Ильинова 2007]. Причем конструирование становится возможным лишь с опорой на информацию о мире реальном.

Речь идет об активном взаимодействии различных миров, которые находятся в смежных плоскостях. Квазиреальное имеет непосредственную референцию к реальному миру, добавляя последнему новые черты. В понимание квазиреальности входят «ситуации, которые мы представляем и желаем, чтобы они произошли» (перевод наш. – А.Л.) [Radden, Dirven 2007, с. 172]. Следовательно, в квазиреальном мире неосуществимое осуществляется, неисполнимое исполняется, а невозможное становится возможным. В нашем понимании квазиреальное является воплощением возможного с позиций объективной реальности. Именно поэтому квазиреальный мир, существующий, в частности, в снах и мечтах, выступает как возможный, содержащий образы и символы грядущих или желанных событий.

Однако, если квазиреальность сохраняет, по сути, некое отношение к реальности, то нереальность во всех своих проявлениях (неосуществимость, невыполнимость, неисполнимость, несбыточность, невозможность, нежизненность, фантастичность, утопичность, химеричность, иллюзорность, эфемерность, фантазмагория, фееричность, запредельность, фантазмагоричность, химерность и др.) отрицает последнюю. Таким образом, ирреальность понимается как «несоответствие действительности, представление высказывания как желаемого, требуемого, устанавливаемого (предполагаемого) говорящим» [Жеребило 2011].

Квазиреальность, ирреальность или контрфактивность и их языковые обозначения изучаются в теории возможных миров, которая связана с именем выдающегося немецкого философа Г. В. Лейбница. Он развивает мысль о возможных мирах в «Теодицеи»

(1710), где настаивает на бесконечности Божественного ума, который выбрал этот мир как наилучший среди иных [Leibnitz 1969]. Модальные ориентиры этого мира (*the best of all possible worlds*) определяются с учетом многих альтернативных миров [Эко 1998; Dolezel 1979; Leibnitz 1969]. «То, что мы по обыкновению называем реальностью, или “внешним” миром, – не есть еще первичная и свободная от какой бы то ни было человеческой интерпретации реальность, а есть то, во что мы верим, верим твердо и непоколебимо, как в реальное бытие. Всё, что в этом реальном мире мы находим сомнительным или недостаточно полным, вынуждает нас воссоздавать идеи о нем. Эти идеи формируют “внутренние миры”, в которых мы живем, сознавая, что они – наше изобретение, подобно тому, как во время путешествия мы связываем нашу жизнь с картой местности, по которой путешествуем» [Ортега-и-Гассет 1997, с. 432].

Представители модальной логики проявили интерес к идее «возможных миров» в середине XX столетия. В конце 1940 г. Р. Карнап изложил теорию изображений состояния (мира) – *state descriptions*. В модальной логике возможные миры – это «возможное состояние дел» [Хинтиikka 1990, с. 40]. В обычных же ситуациях восприятия данное состояние можно считать информационным процессом. Следовательно, всё, что мы воспринимаем, – это характеристика информации, т. е. построение / отображение многих миров [Хинтиikka 1975, с. 38].

Понятие возможного мира стало одним из наиболее полезных для лингвистов в русле логической и философской теории модальностей [Хинтиikka 1980, с. 228] в связи с тенденциями, ориентированными на анализ языковых явлений в рамках междисциплинарных исследований (см., например, [Красных 1998; Kuczynski 2007; Semino 1997; Steinhart 2001]). Так, в изучении вымышленного мира долгое время доминировала сугубо философская направленность, так как науки, непосредственно определяющие комплекс знаний о путях человеческого развития (к примеру, антропология, этнолингвистика), были на начальной стадии своего развития. Сегодня интеграция фактов, полученных в рамках каждой из этих разделов знания, предоставляет возможность для всестороннего анализа проблем, связанных с порождением, вербальным отражением и восприятием квазиреальности. Как утверждает один из

основоположников теории семантики возможных миров Я. Хинтиikka, «возможные миры – это вероятное положение дел по отношению к субъекту, находящемуся в мире реальном и который свое реальное «я» проецирует в иные мыслительные пространства» [Хинтиikka 1980, с. 229].

Существенное значение для развития теории «возможных миров» имели теоретические и практические результаты исследования картин мира, которые являются отображением в психике человека мира вещей и процессов, в нем происходящих [Леонтьев 1983]. Если рассматривать картину мира как концептосферу человека, то можно выделить по меньшей мере три особенности, которые ее характеризуют.

Во-первых, это ментальная (или рефлексивная) деятельность, отображающая природу картины мира. Нужно различать объективный мир, т.е. мир реальный, мир вещей, источник знаний, и мир, которым его воспринимает ментальная структура, т.е. мир отображенный. Мы воспринимаем мир реальный с помощью его ментального отображения, которое передается с помощью языка [Jackendoff 1994].

Во-вторых, это открытый, личностный, изменчивый характер картины мира, поэтому она отображается в сознании человека, чрезвычайно вариативно [Вежбицкая 1996, с. 6].

В-третьих, специфика картины мира определяет семантические особенности языка. «Общая картина мира и разнообразия миров представлены в семантике языка, а в первую очередь – в лексике» [Черемисина 1992, с. 111]. Человек определяет сконструированные миры как подобие реальности, которая вербализуется с помощью семантики естественных языков [Jackendoff 1994]. Иными словами, семантика возможных миров различна – как по сущности, так и по способам ее воплощения в языке [Черемисина 1992]. При этом, речь идет не только о номинации реального, но и виртуального, а также квазиреального и ирреального.

Для четкого разграничения отмеченных нами выше понятий необходимо рассмотреть суть более общего понятия *вымышленное*. Считаем возможным, разделить *вымышленное* на *возможное* и *невозможное*. Несмотря на зыбкую грань между последними двумя более частными понятиями, разделение проходит по принципу *потенциально возможного*. При этом *потенциально невозможное*

относится к *невозможному*, а *потенциально возможное* – к *возможному*, внутри которого можно выделить *активированное* и *неактивированное*, что позволяет раскрыть реализацию *потенциального*. В целом же *потенциальное* можно выделить в качестве *мыслимого* как *активированное* в оппозиции к *активированному* в составе *реального*.

Учитывая современное состояние науки и техники, внимание к виртуальной реальности и квазиреальности, мы можем несколько модифицировать взгляд на *возможные миры* (ср., например, [Хинтикка 1980; Leibnitz 1969]). Таким образом, художественный вымысел, отраженный в художественной литературе жанра фэнтези, сказках, компьютерных играх, оперирует в основном квазиреальными и нереальными феноменами. Данный подход допускает рассмотрение других, а именно: бытовых форм реализации квазиреального в форме лжи, обмана, иллюзии, мечты и предсказания. Фантазия при этом допускает реализацию не только квазиреального, но и нереального. Болезненные состояния, в частности измененное состояние (сумасшествие) и бред, допускают аналогичное взаимодействие феноменов квазиреального и нереального.

Итак, квазиреальное, виртуальное и нереальное могут насыщать мир индивида, создавая некую картину мира. В нее входят пространства, время, события, действия, действующие лица, свойства, состояния, артефакты, флора и фауна. Все вышеперечисленные феномены разделяются на признанные как реально существующие; похожие на реально существующие, т.е. потенциально возможные и абсолютно нереальные, т.е. не имеющие ничего общего с реальными.

Картины мира относятся к структурным объединениям языковых единиц и их метальных репрезентаций в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Они дают возможность зафиксировать результаты познавательной деятельности индивида по восприятию мира. Языковая картина мира является представлением предметов, явлений, фактов, ситуаций, ценностных ориентиров, жизненных стратегий и сценариев поведения в языковых знаках, категориях, которые выступают семиотическим результатом концептуальной репрезентации информации о мире [Селіванова 2006].

В частности, в языковой картине мира виртуализированного мира могут присутствовать как реальные, так и вымышленные

артефакты, объекты флоры и фауны. Например, в виртуальном мире, созданном компьютерной игрой «The Elder Scrolls V: Skyrim»¹ встречаются древнегерманские предметы быта: *Bellows, Pitchfork, Tankard, Shovel* и др. В то же время присутствуют и бытовые предметы нереальной вселенной TES: *Dwemer Plate, Dwarwen Oil, Dwemer Pan* и др. Там есть еда реальная (*Salmon Meat, Cabbage, Carrot, Green Apple*) и нереальная во вселенной TES V: Skyrim (*Slaughterfish Egg, Mudcrab Legs, Horker Meat*). В игре также есть реальные материалы (*Iron, Leather, Gold, Silver*) и нереальные (*Stalhrim, Ebony, Dragon Bone*). Это же касается разделения на реальные растения (*Juniper, Lavender, Wheat*) и животные (*Bear, Wolf, Horse*), а также нереальные растения (*Nirnroot, Gleamblossom*) и животные (*Chaurus, Horker, Skeever*).

В плане событий и сюжета игры, очевидных и прямых параллелей с реальным миром не прослеживается. Есть разве что параллели вымышленного мира TES с реально существовавшими культурами (древнеримской, древнегерманской и кельтской), а также скандинавской мифологией. Например, на определенном этапе прохождения игрок попадает в Совнгард (*Sovngarde*) – вымышленный разработчиками TES V: Skyrim «рай» для павших героев (по аналогии с Вальгаллой). Для того чтобы попасть в Зал Славы (*Hall of Valor*), игроку нужно одолеть в бою стража моста – Цуна (*Tsun*), прототипом которого явно послужил мифический Хеймдалль, страж моста в Асгард. В целом в игре есть параллели с культурой реального мира. Например, Империя Сиродил похожа на Древний Рим, провинция Скайрим – на древний север Европы (например, из древнегерманской культуры в игре напрямую заимствованы такие реалии, как *thane, housecarl*, ряд имен собственных, особенности архитектуры, некоторые напитки, предметы одежды и т. д.). Кроме того, есть параллели между расами Скайрима и народами Земли. Например, вымышленные норды (*Nords*) «списаны» с их внешностью, культурой и именами с североевропейцев, а редгарды (*Redguards*) – с народов арабских стран.

---

¹ The Elder Scrolls Wiki. Книги (Skyrim). URL: [http://ru.elderscrolls.wikia.com/wiki/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8_\(Skyrim\)](http://ru.elderscrolls.wikia.com/wiki/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8_(Skyrim)); YouTube. The Elder Scrolls 5: Skyrim Review. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nvIE-KNYWVI>

Ирреальность занимает важное место в человеческой жизни, оставляя в ней простор для фантазии, за которым легко угадываются перспективы моделирования параллельной реальности (см., например, [Гиренок 2012; Красных 1998; Руднев 2011; Rescher 2003; Deutscher 2010]). Данное положение применимо и к трактовке виртуальной реальности как «параллельной реальности», что сближает такие дискурсивные практики, как сказочные, профетические и Интернет [Никульшина 2013; Левицкий 2011].

Картина ирреального мира – это образ воображаемого мира, являющегося результатом умозрительной деятельности человека и характеризующего тип мышления, национальную логику восприятия и оценочность воображаемого носителями английского языка, отражающего восприятие, осмысление и понимание мира на разных этапах его развития, являясь своеобразным репрезентантом всей совокупности знаний человека о мире.

Осмысление ирреальности сквозь призму языка является существенным, поскольку такой подход обеспечивает возможность на достаточно объективной основе раскрыть в ее содержании то, что веками откладывалось и накапливалось в общенародном сознании. Ирреальность проявляется через смоделированный человеком ирреальный мир, эксплицированный единицами языка. Таким образом, ирреальный мир выступает продуктом интерпретационной деятельности человека; это смоделированное человеком вследствие богатства его воображения и фантазии ментальное пространство, материализация которого осуществляется с помощью языкового знака. Ирреальные предметы «пассивные сами по себе, потому что жизнь, которую они получают, идет от нас (людей. – прим. А. Л.)» [Sartre, et al 2004]. Таким путем происходит процесс их «анимации».

В ирреальном мире английского этноса¹ допустимы различные чудеса и становится возможным всё, включая атаковать людей

---

¹ См.: Longman Dictionary of Contemporary English. Harlow: Pearson ESL, 2006; Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Addison Wesley Longman, 1998; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. L. : Macmillan Publishers Limited, 2006; Micha F. Lindemans Encyclopedia Mythica. URL: www.pantheon.org/articles/b/bean_sidhe.html; Mysterious Britain & Ireland (Encyclopedia). URL: www.mysteriousbritain.co.uk/folklore/folktales/english-folktales; New Webster's Dictionary and Thesaurus of the English

(о цветке) – *triffid*, превращаться из человека в волка – *werewolf*. Создаваемое человеком может быть им переработано полностью или частично. Например, если раньше представляли путешествие в другие страны (*Noah's ark*), то сегодня считают возможным путешествие и во времени («машина времени *Tardis*»).

Ирреальный мир моделируется с опорой на мир реальный. Свидетельством служат, например, фантастические существа, прототипом которых являются существа с принадлежностью к определенному биологическому классу: птица (класс птиц) и змея (класс пресмыкающихся) – *Wawel Dragon*, человек и волк (класс млекопитающих отряда хищников) – *wulver* или животное ирреального мира, говорящий медведь – *Winnie the Pooh*; понимающая язык людей птица – *Adar Llwh Gwin*.

Итак, ирреальный мир содержит информацию различных картин мира – мифологической (*aegis, Cerberus*), религиозной (*apostle, Avatar*) и художественной (*Alice, Cinderella*).

Принцип номинации существ ирреального мира по биологическим факторам предопределяет выделение номинаций по физическим данным (*beauty, boneless, cowlug sprites, Hairy Jack, the Four-eyed Cat, Jenny Greenteeth, Nanny Button-cap*), происхождению (*Snowman*) и возрасту (*Little Bo Peep, Old Nick*) существа.

Принцип номинаций существ ирреального мира по социальным факторам обобщает признаки, мотивированные: деятельностью (*успокаивать – the Comforter, ухаживать за малышами – Nursery bogies, соблазнять – Tempter*); локальностью (*Jeanie of Biggersdale, Robin Hood, water-bull*); темпоральностью (*Man Friday, nightmare*); чертами характера (*ласковость – Gentle Annie; злость – wicked witch; миролюбие – the People of Peace; нечестность – Dirty Den*);

Language. Danbury, CT: Lexicon Publications, 1986; Online Etymological Dictionary. URL: www.etymonline.com; Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2003; Oxford Guide to British and American Culture. Oxford: Oxford University Press, 2005; Oxford Wordpower Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 1999; Riordan J. Folktales of British Isles. М. : Радуга, 1987; Scribner Dictionary. N. Y. : Scribner Educational Publishers, 1986; Soule's Dictionary of English Synonyms. N. Y. : Bantam Books, 1981; Webster's New Collegiate Dictionary. Springfield, Mass. : G. & C Merriam Co, 1974; Wordsworth Dictionary of Classical and Literary Allusion. N. Y. : Wordsworth Editions, 1994.

социальным статусом (*the Frog Prince, Lord Peter Wimsey*); объектом действия (*the Apple Tree Man, Jack the Giant Killer*); эмоционально-оценочными отношениями (*devilkin, dragonet*), одеждой и обувью (*головной убор – Cat in the **Hat**, Redcap, Robin Round-cap; быть одетым в брюки – Blue **Burchers**, в одежду на пуговицах – **Buttons** или одежду из мха – **moss maidens**; обувь – **Puss in **Boots*****).

Семантическая классификация номинаций неодушевленных объектов ирреального мира основывается на дифференциации мотивационных признаков, что позволило выделить две основные группы, образованные с учетом основных мотивационных признаков: качество (*glass slipper, golden egg*) и локальность (*castle in the air, the lower world*).

Когнитивный подход к изучению языковой объективации ирреальности обусловлен тем, что концептуализация ирреальности тесно переплетается с различными компонентами когнитивной деятельности – восприятием и воображением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабенко В. С. Виртуальная реальность. Толковый словарь терминов. СПб.: ГУАП, 2006. 86 с.
- Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. VI. Концептуализация мира в языке: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 25–77.
- Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- Гиренок Ф. Абсурд и речь. Антропология воображаемого. М.: Академический Проект, 2012. 237 с.
- Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
- Голубовская И. А. Этнические особенности языковых картин мира. К.: ВПЦ «Київський університет», 2002. 294 с.
- Демьянков В. З. Образность метаречи и языка-объекта когнитивной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Вып. VI. Концептуализация мира в языке: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. С. 33–34.
- Жеребило Т. В. Термины и понятия лингвистики: Синтаксис: Словарь-справочник. Назрань: Пилигрим, 2011. URL: enc-dic.com/word/i/Irrealnost-7219.html

- Ильинова Е. Ю.* Концептология вымысла в тексте авторской сказки // Филологические науки. 2007. №1. С. 85–93.
- Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 453 с.
- Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке. М.: Наука, 1990. 180 с.
- Корнилов О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: КДУ, 2013. 348 с.
- Красных В. В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
- Кубрякова Е. С.* Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2006. Т. 65. № 2. С. 3–13.
- Левицкий А. Э.* СОН и МЕЧТА в пространстве квазиреальности (на материале восточнославянских и западногерманских лингвокультур) // Логический анализ языка. Лингвофутуризм: Взгляд языка в будущее: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2011. С. 448–458.
- Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. Т. II. 308 с.
- Маньковская И. Б., Мотлевский В. Д.* Виртуальная реальность // Энциклопедия культурологии. URL: culture.niv.ru/doc/culture/encyclopedia-xxvek/093.htm
- Маслова В. А.* Лингвокультурология. М.: Флинта : Наука, 2004. 255 с.
- Молчанова Г. Г.* Традиции гастики как отражение национальной и региональной идентичности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 20–26.
- Никольшина Т. Н.* Ирреальность: лингвокогнитивный аспект исследования (на материале английского и украинского языков) // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2013. № 1. С. 164–170.
- Ортега-и-Гассет Х.* Идеи и верования // Избранные труды. М.: Весь Мир, 1997. С. 404–436.
- Руднев В. П.* Реальность как ошибка. М.: Гнозис, 2011. 320 с.
- Селіванова О. О.* Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. – Полтава: Довкілля-К, 2006. 16 с.
- Сивиринев Б. С.* Социальная квазиреальность или виртуальная реальность? URL: www.ronl.ru/shpargalki/filosofiya/219086/
- Тер-Минасова С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 352 с.
- Философский энциклопедический словарь (ФЭС). М.: Советская энциклопедия, 1983. 840 с.

- Хинтиikka Я.* Информация, причинность и логика восприятия // Вопросы философии. 1975. №6. С. 38–50.
- Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1980. 447 с.
- Хинтиikka Я.* Логика в философии – философия логики // Логикоэпистемологические исследования. М.: Прогресс, 1990. С. 36–67.
- Черемисина Н. В.* Семантика возможных миров и лексико-семантические законы // Филологические науки. 1992. № 2. С. 111–117.
- Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. 432 с.
- Croft W., Cruse D. A.* Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.
- Deutscher G.* Through the Looking Glass: Why World Looks Different in Other Languages. N. Y.: Picador, 2010. 304 p.
- Dirven R.* Cognitive Exploration of Language and Linguistic. L.: John Benjamins Publishing Company, 2004. 277 p.
- Dolezel L.* Extensional and International Narrative Worlds // Poetics. 1979. N. 8. P. 193–211.
- Jackendoff R. S.* Patterns in the Mind, Language and Human Nature. N. Y.: Basic Books, 1994. 246 p.
- Jackendoff R.* Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution. Oxford: Oxford University Press, 2002. 477 p.
- Kuczynski J.-M.* Does Possible World Semantics Turn All Propositions into Necessary Ones? // Journal of Pragmatics. 2007. Vol. 39. N. 5. P. 872 – 916.
- Langacker R. W.* Foundations of Cognitive Grammar: Descriptive Application. Stanford: Stanford University Press, 1999. 628 p.
- Leibnitz G.* Philosophical Papers and Letters. Dordrecht: D. Reidel Publishing House, 1969. 108 p.
- Radden G., Dirven R.* Cognitive English Grammar. N. Y.: John Benjamins Publishing Company, 2007. 374 p.
- Resher N.* Imagining Reality: a study of unreal possibilities. N. Y.: Open Court, 2003. 298 p.
- Sartre J.-P., Elkaim-Sartre A., Webber J. M.* The Imaginary: A Phenomenological Psychology of the Imagination. L. & N. Y.: Routledge, 2004. 208 p.
- Semino E.* Language and World Creation in Poems and Other Texts. L.: Longman, 1997. 288 p.
- Steinhart E.* The Logic of Metaphor: Analogous part of possible worlds. Dordrecht: Kluwer Academic, 2001. 140 p.

УДК 81'23

Н. С. Панарина

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: panarina_n@list.ru

МЕХАНИЗМ ЗНАКОВОГО ОПОСРЕДОВАНИЯ МЫШЛЕНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН

В статье рассматриваются общие тенденции в развитии значений прецедентных имен. Автор изучает закономерности включения культурного смысла в актуальные значения и предлагает их интерпретацию на основе механизма знакового опосредования мышления. Представлена методика выявления доминантного смысла прецедентного имени с опорой на функциональное соотношение психологического значения и личностного смысла. Выявляются новые типы смысловых связей компонентов значений прецедентных имен. На примере модели семантической сети анализируются возможные способы превращения смыслового содержания имени. На материале контекстов Национального корпуса русского языка, а также контекстов интернет-коммуникации выявляются основные тенденции развития коммуникативного потенциала прецедентных имен.

Ключевые слова: прецедентное имя; психологическое значение; личностный смысл; культурный смысл; ассоциативное значение.

Panarina N. S.

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: panarina_n@list.ru

THE MECHANISM OF SYMBOLIC MEDIATION OF THINKING AS A FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF THE COMMUNICATIVE POTENTIAL OF THE PRECEDENTIAL NAMING

The article is devoted to the identification of common trends in the development of the precedential naming meanings. The author investigates the mechanism of the cultural sense inclusion in the actual meanings and treats them on the basis of mechanism of symbolic mediation of thinking. The presented methods of the dominant sense identification are based on the psychological meaning and the personal meaning functional relation. The author reveals the new types of semantic connection of precedential naming meanings components. The possible processes of precedential naming meanings converting are analyzed on the model of semantic network. The author shows the main trends of the development of the communicative potential of the precedential naming on the contexts from the National corpus of Russian language and also on the internet-communication contexts.

Key words: precedential naming, psychological meaning, personal meaning, cultural sense, associative meaning.

В современной лингвистике не теряет остроты проблема вербализации культурно-специфического знания. Моделирование механизма вербализации всё чаще требует не только фиксации культурной специфики способов представления знания, но и объяснения динамики функциональной актуальности способов в соотношении с актуальностью культурного знания. Принципиальная изменчивость их соотношения обнаруживает необходимость уточнить содержание понятия «культурное знание» и понятия «прецедентность», в значении «синхронная реализация словом функции представления культурного знания», а также установить механизм и закономерности изменения этого соотношения.

Д. В. Багаева, Д. Б. Гудков, В. В. Красных представляют культурное знание в модели когнитивной базы – совокупность когнитивных структур как форм хранения знаний и представлений носителей культуры. С одной стороны, составляющие когнитивную базу прецедентные феномены связаны с языковыми единицами как устойчивыми способами представления и могут актуализироваться в коммуникации непосредственно (прецедентные имена и высказывания) и опосредованно (прецедентный текст и ситуация). С другой стороны, исследователи акцентируют динамику культурного знания, выявляя две основные тенденции в функционировании единиц-репрезентантов:

1) процесс десемантизации, «выхолащивания» основного лексического значения, приводящий к размытости семантического ядра;

2) тенденция к междометности, потеря прецедентной единицей не только связей с прецедентным текстом, но и прямого конкретного значения, употребление единицы как асемантической реплики-реакции [Багаева, Гудков, Красных 1996].

Мы полагаем, что выявленные тенденции детерминируются не только отмеченными исследователями экстралингвистическими факторами (открытость страны с начала 1990-х г., появление большого числа новых реалий при исчезновении старых, изменения условий и образа жизни, распространение рекламных текстов в СМИ), но и самим механизмом знакового опосредования интеллектуальной деятельности. Интеллектуальное содержание

не только представляется, но и формируется в речевой деятельности в процессе активного познания индивидом действительности. Контексты употребления слова, репрезентирующие речевые действия, в разной степени представляют фрагменты ассоциативно-вербальной сети индивидов и указывают на доминирующие способы оперирования словом при переносе наименования, а следовательно, на характер синхронного включения слова в акты мышления. Поэтому целью данной статьи является установление тенденций развития коммуникативного потенциала прецедентных имен на основе их ассоциирования с актуальными смыслами. Для этого требуется определить:

- 1) каков характер включения культурного смысла в значение имени;
- 2) какие смысловые компоненты наиболее частотно актуализируются;
- 3) какие факторы способствуют десемантизации прецедентных имен.

С точки зрения теории речевой деятельности А. А. Леонтьева, причиной десемантизации знака является автоматизация речевого действия, когда цель в процессе частотного использования речевого действия перестает осознаваться. Так, ценностное отношение к культурному смыслу как устойчиво переживаемое психическое содержание при частом его представлении теряет актуальность, но само прецедентное имя становится предпочтительным как средство указания на связанное с исходным культурным смыслом содержание. Можно сказать, что имя иначе реализует функцию представления культурного смысла. Основанное на многочисленных индивидуальных ассоциативных связях вхождение новых признаков в периферию значения такого имени, а затем их возможная актуализация и доминирование свидетельствуют о смене интегративных компонентов значения.

Как правило, объясняя динамику значения прецедентных единиц, исследователи выделяют три типа значения: 1) прямое («поверхностное»); 2) «глубинное», формируемое на основе соотнесения языковых единиц с ситуацией номинации; 3) смысл как концепт, формируемый при соотнесении единицы с когнитивным пространством личности и пресуппозицией коммуникативного акта. Такая модель, по мнению В. Д. Багаевой, Д. Б. Гудкова

и В. В. Красных, объясняет зависимость уровня понимания текста на иностранном языке от уровня владения языком. При этом в официальных текстах прецедентные единицы выступают «в прямом значении», для которого «типично однозначное соответствие между означающим и означаемым» [Багаева, Гудков, Красных 1996, с. 110], а в неофициальных текстах фиксируется семантический сдвиг в сторону «глубинного» значения, в котором чаще всего доминирует ироническая оценка. Крайней стадией является превращение прямого значения в обратное, «при котором означающее и означаемое находятся “в противофазе”» [там же, с.111].

Исследователи отмечают, что динамика значения представляет, как правило, смену знака оценки с плюса на минус, и на основании устойчивости/изменения значения выделяют типы вербальных прецедентных феноменов [там же]. Такая типология фиксирует стадии десемантизации прецедентных единиц, однако не проясняет ее закономерных причин, а потому авторы считают невозможными прогнозы относительно изменения значения прецедентных единиц.

Нам представляется, что модель соотношения *психологического значения и личностного смысла* как образующих сознания, предложенная А.Н. Леонтьевым позволяет объяснить механизм десемантизации прецедентных имен и выявить смыслы, влияющие на характер оперирования словом [Леонтьев 1983, с. 297].

Присвоение культурного смысла прецедентной единице осуществляется только при сформированности личностного отношения к нему. Для определения соотношения культурного и личностного смыслов требуется в конкретном речевом действии выявить деятельностное (мотивированное) отношение субъекта к объекту номинации как интегративный компонент значения. Смысловые компоненты, фиксирующие такое отношение, включаются не только в структуру значения прецедентного имени, но и неоднократно акцентируются содержанием других элементов контекста. Покажем это на примере.

Мюнхгаузен, кстати, тоже врал главным образом о России, в которой служил больше десяти лет. Его истории – типичная клюква а-ля русс, до которой Запад оказался великим охотником. Должно же где-то на свете существовать сказочное царство, жестокая страна с абсурдными законами... Боюсь, все попытки завоевать Россию

(наполеоновские уж точно) диктовались именно этим сказочным образом – так Колумб искал Индию, где драгоценности валяются под ногами [Быков 2010].

В прецедентной ситуации, связанной с именем Колумба, акцентируется не результат путешествия – открытие Америки, а первоначальное намерение: поиск нового пути на Восток. Авторское отношение к данному фактическому содержанию представлено, во-первых, в семантике единиц *врал*, *абсурдный*, *сказочный*, где общим оказывается указание на неправильность, бессмысленность некоторого содержания, его легко разгадываемую нелепость. Во-вторых, выражение *клюква а-ля рюсс* (модификация фразеологизма *развесистая клюква*) означает нечто «до нелепости неправдоподобное» [Фразеологический словарь... 2003, с. 110], что также характеризует говорящего: кто-либо сообщает как некий факт нечто совершенно не соответствующее реальности, обнаруживая при этом свое незнание, неосведомленность в чем-л. Элемент *великий охотник* и эмоционально-экспрессивное выражение *должно же ... существовать* указывают на то, что доверяющий такой информации человек не просто не знает, а не заботится о проверке ее истинности. В-третьих, упоминание войны с Наполеоном акцентирует безуспешность и фатальность действий, основанных на сказочных представлениях. Наконец, противоречивость сочетания слова *драгоценности* и экспрессивного *валяются под ногами*, обозначающего нечто «очень часто встречающееся, легкодоступное, на что никто не обращает внимания», дополнительно акцентирует фантастичность идей. В таком контексте в значении имени *Колумб* доминантную значимость приобретает признак «тот, кто руководствуется ложной идеей» и, кроме того, за счет неоднократного акцентирования личностного смысла имя ассоциативно начинает соотноситься со смыслом «тот, кто верит в чепуху, неразборчивый, легкомысленный человек». Такое содержание соотносится с культурным смыслом опосредованно: нельзя сказать, что культурный смысл не актуален, так как автор все-таки апеллирует к прецедентной ситуации, но в то же время нельзя сказать, что культурный смысл или его компоненты доминантно значимы, поскольку для представления авторской оценки не важно указание на открытие, первенство в чем-либо или начало чего-либо. Таким

образом, компоненты известного культурного смысла включаются в обобщение на основе иной, первоначально культурно незначимой связи.

Необходимость разграничения случаев актуальности/неактуальности культурного смысла требует акцентировать две важные закономерности протекания мыслительных процессов, опосредованных словом.

Во-первых, культурный смысл имени формируется как доминирующий компонент его значения в результате обобщения фактических признаков, связываемых с именем. Такому формированию способствует социальная значимость имени. Фактические признаки могут быть связаны с другими, социально незначимыми признаками объекта; в силу вхождения в ассоциативное поле имени они могут функционально представлять доминирующее культурное знание, соотносимое с прецедентным именем. Например, то, что Л. Н. Толстой носил бороду, не определяет значения прецедентного имени. Признак ношения великим писателем бороды ценностной значимости не имеет. Однако в силу фактической связи этого признака с Л. Н. Толстым он может стать основой акта вторичной номинации, соотнося личностный смысл с психологическим значением.

Во-вторых, признак, по отношению к которому формируется ценностное отношение говорящего, частотно выполняя интегративную функцию, формирует сигнификативный компонент значения, постепенно теряя связь с фактическими признаками реалии. Когда фактическая основа забывается, ценностное отношение теряет свою основу и постепенно перестает быть актуальным, что и делает возможной ситуативную актуализацию других признаков, противоречащих изначальной фактической основе значимости имени, так: *Сусанин* может означать «того, кто доведет куда угодно»; Моцарт – «того, кто слышит музыку даже там, где ее нет»; Макаренко – так называемого воскресного папу, родителя, встречающегося с ребенком только по выходным дням».

На наш взгляд, потеря связи культурного смысла с фактическим основанием его формирования закономерна и происходит постепенно, в зависимости от интенсивности вовлечения слова в процессы осмысления.

Представим этот процесс схематично.

Рис. 1. Функционально значимое ассоциативное содержание ПИ «Лев Толстой»

Культурный смысл имени, включающий компоненты *великий русский писатель*; *мыслитель*; *ведущий простой образ жизни*; а также непосредственное указание на изображение Л. Н. Толстого, – фиксируется в 32% случаев употребления, а доминирование отдельных компонентов по-разному влияет на развитие ассоциативного содержания имени.

Смысловой компонент классик на основе актуальности положительной оценки и признака «всеобщий авторитет» преобразуется в признак «литература для элиты». Такое содержание на основе переосмысления компонента *элита / элитный* может служить выражению негативной оценки, поскольку элита – это не только «лучшие представители какой-либо части общества» [Ожегов, Шведова 1993, с. 944], но и – как показывает наше исследование – *те, кто имеют власть и влияние, а также те, кто неоправданно увеличивают свои привилегии и уклоняются от каких-либо обязанностей перед социумом.*

Компоненты *великий русский писатель*, *классик* влияют также на осмысление содержания произведений писателя как главного. Данный признак абстрагируется от признака «письмо» и означает «важность некоторого занятия». При этом, определение «главное»

сочетается с «уже всё написал», где компонент *всё* переходит в *много* и затем ассоциативный ряд может развиваться с учетом и без учета значения «тот, кому простителен объемный текст (так как он великий человек)», а также «тот, кто слишком много пишет (и этим доставляет неудобство окружающим)».

Аналогична смена знака оценки в развитии компонента *мыслитель*, который через ассоциацию *учитель* превращается в признак «тот, кто учит жизни других (хотя не имеет на это права)» и теряет ценностную значимость. Осмысление компонента *мыслитель* как культурно значимой характеристики идет по пути акцентирования отношения мыслителя и его идей, где значимо представляется *слабость, неумение справиться со своей мыслью*. А признак *простота* связывается с признаками «просто (безвкусно) одетый; обросший / небритый», что в совокупности составляет около 20% содержания имени.

В интернет-коммуникации признак *эталон в литературе* доминирует в 30% случаев, но не является основой для развития ассоциативного содержания слова. Такую основу представляет собой речевое клише *на словах ты Лев Толстой, а на деле... (Лев Худой / хрен простой / толстый лев / лес густой / Алексей и т. д.)*. Подобные словоупотребления, акцентируя разные личностно значимые признаки, способствуют установлению связи имени с абстрактным признаком *тот, кто много говорит, обещает; не тот, за кого себя выдает*. Компоненты таких ассоциативных рядов актуальны в 40% случаев, еще 4–8% составляют употребление, где имя асеманлично.

Сравнительный анализ двух сетей показывает, что тенденции осмысления слова, обнаруженные на основе контекстов Национального корпуса русского языка, ярче проявляются в неофициальных текстах.

Материалом для анализа ассоциативного содержания прецедентных имен послужили контексты употребления 10 прецедентных имен: *Карлсон, Колумб, Наполеон, Макаренко, Моцарт, папа римский, Пушкин, Толстой, Цезарь, Шалапин*. Семантические сети моделировались на основе 50 контекстов НКРЯ и 50 контекстов, представленных в социальных сетях и блогах, на интернет-форумах. Выявленные связи актуальных признаков значений позволяют оспорить традиционное представление о связи смысловых

компонентов культурного знания. По мнению Д. Б. Гудкова, прецедентный феномен в когнитивной базе хранится в форме когнитивной структуры, которая включает в себя дифференциальные признаки самого прецедентного феномена – его атрибуты и оценку [Гудков 2003]. Традиционно культурный смысл полагается автоматически ассоциируемым с прецедентными единицами. Но проведенный анализ показывает, что, во-первых, личностный смысл может формироваться на основе актуализации любой точки ассоциативно-вербальной сети. Во-вторых, чем шире сфера ассоциирования, тем больше вариативность выражения личностного смысла. В-третьих, в процессе оперирования именем его смысл не только сохраняет устойчивые ассоциации, но и формирует новые фрагменты ассоциативной сети, которые в определенных культурных условиях могут стать актуальными. Например, в ассоциативном содержании имени *Цезарь* частотным является уже не только компонент *салат*, но и компоненты *шаурма / соус / ресторан / пиццерия / доставка еды* и т. п.

Важно, что контексты употребления многих имен обнаруживают сходные пути развития ассоциаций. Сопоставительный анализ контекстов позволил выделить в употреблении большинства имен следующие тенденции:

1) прецедентные имена включаются в номинации объектов, не связанных с ядром значения, но актуальных в деятельности современных носителей лингвокультуры. Так, в ассоциировании к имени Шалапин увеличивается доля негативных оценок типа *человек-пустышка, петух крашеный* (20–32 %) и т. п., что объясняется популярностью артиста, взявшего себе псевдоним Шалапин.

Имя *Цезарь* в 20 % случаев получает переосмысление как название охранных спутниковых систем, а *Колумб* в 32% случаев связывается с номинацией торговых центров, туристических агентств, а также получает значение «психоаналитик, который поможет справиться с тревогой по поводу подготовки к ЕГЭ по географии». Указание на прецедентную ситуацию *открытия Америки* актуально в 16% случаев, из них в 12% случаев указание связано в доминантой «тот, чье открытие бедственно, кто лучше бы ничего не открывал».

В содержании имени *Наполеон* актуализируется признак «агрессивный от недостатка сна», а в содержании имени *papa римский* – «тот, у кого нет начальника»;

2) всё больше имен переосмысливается в сфере развлечений и услуг. Имя *Моцарт* всё чаще означает не «музыка гения», а «музыка для развлечений»: в 40% случаев имя включается в обозначение и описание кафе, клубов, отелей; в 12% имя указывает на признак «шумный, безумный, баловень судьбы», а также частотно служит апелляции к сериалу «Моцарт в джунглях» и его слогану: *Sex, drugs, and classical music* [Кинопоиск.ру 2014].

Прецедентное высказывание *Спокойствие, малыши, только спокойствие*, связанное с прецедентным именем *Карлсон*, всё чаще переосмысливается как фраза, которую мужчина «должен нежно шептать на ушко» [Леонтьев 1983];

3) в значениях прецедентных имен оказываются функционально более значимы внешние признаки объектов, нежели характеристики, которые соотносятся с культурным смыслом: *Шалыпин – носит пальто с меховым воротником; Цезарь – одет в тогу; Наполеон – выглядит хорошо, потому что любит себя и не обязан любить других; Толстой – красавчик; Пушкин – быстрый, агрессивный, красивый;*

4) многие имена в части контекстов асемантичны, приобретают значение «никто / тот, кем я не являюсь / кем нельзя быть». Для имен *Карлсон, Цезарь, Толстой, Пушкин* и *papa римский* такое содержание составляет от 12% до 24%;

5) имена могут получать иное осмысление на основе звучания: – *Что за шапка? – Это великий и ужасный шляпник шалыпин! – Точно, шляпа!; Лев Толстой сейчас не моден. А модны сейчас худенькие; Смотрю на статьи Кинга, Моцарта и Проадверта... Откуда трафик льют все эти парни? Как мне такой же профит получить?* («МоцАрт» – агентство по созданию сайтов);

6) негативная оценка актуальна в среднем в 20% случаев и строится на аналогии не с культурным смыслом, а с некоторым событием современности: имя *Колумб* означает что-либо *бессодержательное* на основе сравнения с ситуацией превращения памятника Колумбу в памятник Петру I;

7) для некоторых имен характерно переосмысление их содержания как неважного в современной культуре. Так, имя *Пушкин* в 12% случаев означает *тот, чье творчество устарело; книги для гаданий. Макаренко* в 16% случаев означает *забытые постулаты, система насилия, традиционная для России, но ненужная ей.*

Выделенные тенденции в развитии ассоциативного содержания прецедентных имен позволяют сделать следующие выводы:

1) актуальный характер деятельности индивидов детерминирует вариативность акцентирования признаков прецедентного имени и формирование новых фрагментов ассоциативно-вербальных сетей;

2) прецедентные имена могут десемантизироваться и становиться для говорящих знаками иных смыслов;

3) культурное содержание имен для подавляющего числа носителей языка не задает классификационно-оценочные эталоны культуры, а прежде всего само подвергается переосмыслению на основе актуальной для них на данный момент системы ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Багаева Д. В., Гудков Д. Б., Красных В. В.* О tempora, о mores! (новые структуры русской когнитивной базы) // Лингвостилистические и лингводидактические проблемы коммуникации / под ред. А. И. Изотова, В. В. Красных. М. : МАЛП, 1996. С. 107–120.
- Быков Д.* Приключения итальянца в России // Известия, 2010.04.02. URL: izvestia.ru/news/360279.
- Гудков Д. Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
- Жемчужины мысли. URL: www.inpearls.ru/549801.
- Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. II. М. : Педагогика, 1983. 320 с.
- Моцарт в джунглях (сериал 2014) // Кинопоиск.ру. URL: www.kinopoisk.ru/film/804666/
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка / РАН. Институт русского языка. Российский фонд культуры. М. : А ТЕМП, 1993. 960 с.
- Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. М. : Высшая школа, 2003. 336 с.

УДК 811.111

А. В. Феоктистова

преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
в области медиатеchnологий ИМО и СПН МГЛУ; e-mail: anna.v.fe@mail.ru

РОЛЬ АНАЛОГИИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ СЛОВ-СТЯЖЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются процессы формирования и функционирования слов-стяжений в современном английском языке. Автор показывает, что многие новые слова-стяжения в современном английском языке образуются на основе механизма аналогии, что способствует легкой расшифровке их лексического значения. Данные слова-стяжения возникают как окказионализмы.

Ключевые слова: слова-стяжения; аналогия; словообразование; воспроизводимость; словотворчество; прагматическая ценность; мотивированность.

Feoktistova A. V.

Lecturer, Department of Linguistics and Professional Communication in the Field of Media Technologies, Institute of International Relations and Social and Political Sciences, MSLU; e-mail: anna.v.fe@mail.ru

ROLE OF ANALOGY IN THE FORMATION OF BLENDS IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

The article is devoted to the formation of blends in the modern English language. The author shows that a lot of new blends are formed by analogy that facilitates the decoding of their lexical meaning. The analyzed blends emerge in the language as occasional.

Key words: blends; analogy; word-formation; reproducibility; word creation; pragmatic value; motivation.

Одними из центральных понятий данной статьи являются понятия «стяжение» и «слово-стяжение». В современной лексикологии для выражения этого понятия существует целый ряд синонимов: «стяжение» – *контаминация, блендинг, телескопия (contamination, blending, telescoping)*; «слова-стяжения» – *контаминанты, бленды, слова-портмоне, телескопы, слова-гибриды (contaminated words, blends, portmanteau-words, telescopes, hybrid words)*. Не уходя глубоко в анализ данных терминов отметим лишь, что не все исследователи рассматривают данные термины как синонимы, полагая, что они обозначают разные языковые явления [Ермоленко 2007]. В данной статье под стяжением понимается особый способ словообразования, суть которого состоит в слиянии частей двух слов

в одно. Одним из самых полных и логичных определений процесса стяжения нам кажется определение, данное в кандидатской диссертации Ю. П. Ермоленко: «Стяжение – самостоятельный способ словообразования, заключающийся в слиянии двух и более слов с выпадением и возможным наложением букв / звуков в месте соединения или вложением одного слова / части слова в другое, при этом начальная и конечная часть полученной лексической единицы представлена начальным и конечным фрагментами исходных мотивирующих слов» [Ермоленко 2007].

Существуют различные модели образования стяжений, некоторые из них более типичны для английского языка и поэтому получили большее распространение, а некоторые менее типичны. Примечательно то, что многие лексикологи [Арутюнова 2007] считают этот способ словообразования довольно редким, однако в последнее время этот прием очень активно используется в английском языке, особенно в средствах массовой информации. Таким образом, процесс образования новых слов путем стяжения представляет собой всё больший интерес для исследователей и может быть рассмотрен с новых позиций.

При исследовании того или иного слова-стяжения представляется необходимым рассмотреть его дальнейшее функционирование в языке после образования. Можно выделить несколько вариантов «поведения» слов-стяжений:

1) определенные слова-стяжения, как *fluddle* (*flood+puddle*), являются окказиональными и забываются сразу же после употребления [Лаврова 2012];

2) слова-стяжения могут закрепиться в языке и начинают использоваться как самостоятельные языковые единицы; в некоторых случаях они могут образовывать цепочки, как например: *Brexit – Brexmas – Brexitland – Brexiter – Brexiteer – Brexitometre*;

3) слова-стяжения могут не только закрепляться в языке, но при определенных условиях служить исходным материалом для образования новых слов-стяжений по аналогии. Например, упомянутое выше слово-стяжение *Brexit*. Данный феномен представляет для настоящей работы наибольший интерес.

Не затрагивая глубоко такие фундаментальные вопросы аналогии, как ее философские основания, отметим лишь, что действие аналогии в языке отмечали еще древнегреческие философы.

Хотя древнегреческие философы, как и последующие ученые-лингвисты, уделяли основное внимание действию аналогии в грамматике [Бондарчук 2003], необходимо отметить, что аналогия отчетливо проявляется на всех уровнях языка.

Аналогия – это одна из важнейших мыслительных операций человека, а также один из важнейших механизмов речевой деятельности. Согласно Е.С.Кубряковой, аналогия представляет собой перенос знания о структуре, членимости, значении и других свойствах данного объекта или среди однотипных объектов на процесс конструирования сходного с ними в чем-то объекта. В лингвистике подобный перенос происходит чаще с регулярных и продуктивных форм на нерегулярные или менее продуктивные, но это не обязательно. Главное в аналогии – процесс деривации одной формы по образцу и подобию другой [Кубрякова 1987].

В языке аналогия определяется как «процесс формального и / или семантического уподобления одной единицы языка другой или перенос отношений, существующий в одной паре (серии) единиц на другую пару (серию). Применение аналогии означает использование в речевой деятельности структурного образца и создание на его основе новых единиц» [Кубрякова 1998]. «Возникающие единицы обнаруживают сходство формы и / или содержания по отношению к неким исходным фактам языка, обобщающая модель которых, некий прототип, используется в качестве образца для подражания, абстрактной формулой сочетания неких единиц с последующим ее заполнением лексическими единицами и т. п.» [Бондарчук 2003].

Продуктивность той или иной модели свидетельствует о прагматической ценности концепта, облеченного в конвенциональную форму, структурный образец которой служит прототипом для языкового выражения новых понятий [там же].

Итак, для наглядной иллюстрации действия аналогии при образовании слов стяжений в современном английском языке рассмотрим ряд конкретных примеров.

В первую очередь проанализируем одно из самых актуальных и модных слов на данный момент – *Brexit*. В связи с последними мировыми событиями данное слово получило настолько широкое распространение, что его знают и используют во всем мире без объяснения его происхождения. Однако необходимо вспомнить,

что в силу определенных экономических и политических причин первым появилось не слово *Brexit*, а слово *Grexit*. Всем известно, что через некоторое время после вступления Греции в Евросоюз встал вопрос о целесообразности данного действия, и почти сразу же заговорили о *Grexit*, что означает «выход Греции из Евросоюза». В связи с последними событиями слово *Brexit* обрело, пожалуй, наибольшую популярность, однако наряду с этим появились такие слова, как *Gexit* (потенциальный выход Германии из Евросоюза), *Frexit* (потенциальный выход Франции из Евросоюза), *Nexit* (потенциальный выход Голландии из Евросоюза), *Auexit* или *Oexit* (потенциальный выход Австрии из Евросоюза), *Czexit* (потенциальный выход Чехии из Евросоюза) и т. д.

Как мы видим, данные слова образованы по аналогии с моделью *Greek + exit*, где к основе второго слова присоединяются первые два, как в случае с *British* и *French* или только первый, как в случае с *German*. В случае с Австрией вариант *Oexit*, появившийся в австрийской прессе, образован из первого элемента немецкого названия страны *Österreich* и английского слова *exit* (www.theguardian.com/politics/2016/jun/27/frexit-nexit-or-oexit-who-will-be-the-next-to-leave-the-eu). В связи с уже довольно широким распространением слова *Brexit* (что обусловлено сегодняшней ситуацией в Евросоюзе, т. е. культурно-историческим и прагматическим аспектами), образованные по аналогии с ним слова-стяжения не нуждаются в объяснении. К тому же можно с определенной долей уверенности сказать, что подобным образом будут образованы слова, означающие выход той или иной страны из Евросоюза в зависимости от ее названия.

Данное явление оказалось настолько актуальным для мирового сообщества, а данный способ образования новых слов путем стяжения настолько хорошо вписывается в систему английского языка, что эти два условия заложили весьма благоприятную основу для лингвистического творчества. Так, в последнее время в Интернете появляются определенные мнения пользователей по поводу будущего Европейского союза. Например: «Brexit could be followed by Grexit, Departugal, Italeave, Czechout, Oustria, Finish, Slovakout, Latervia, Byegium...» (Grzegorg-b.livejournal.com/1211062.html). В другом источнике наряду с приведенными выше словами мы находим *Luxembye*, *Portugone*, *Donemark*, *Polend*. В данных примерах

концепт выхода определенной страны из Европейского союза выражен разными частями речи одного семантического поля «выход, отсутствие»: *depart-, -leave, -out, -bye, -gone, done-*. Данные примеры демонстрируют нам высокий уровень развития агглютинации в современном английском языке и высокий творческий потенциал словообразования путем стяжений. Необходимо также отметить, что данные слова не случайно появились именно в Интернете, так как этот способ словообразования помогает экономить место и время для выражения определенной мысли, что является одной из особенностей общения в Сети.

В процессе аналогии ярко проявляется **принцип воспроизводимости**, однако это не означает простое повторение готового: речь идет о повторении схемы (модели), положенной в основу структуры языковой единицы [Бондарчук 2003]. Так, при рассмотрении модели типа *Brexit* по принципу название страны + выход из Европейского союза, нам встретилось слово-стяжение *Chexit*. В данном контексте начальный компонент слова-стяжения образован от *China* (Китай), и можно догадаться, что речь идет не о выходе страны из Евросоюза, а о каком-то другом выходе. Посмотрим на контекст из источника: «*Chexit refers to risk of “China’s currency decoupling from the U.S. dollar” (atozforex.com/news/grexit-or-brexit-no-the-markets-worry-about-chexit)*». Автором данного слова послужил главный финансовый аналитик одной из американских компаний, занимающийся анализом современного состояния мировой экономики. *Chexit*, безусловно, основано по аналогии с *Brexit* и т. п., но с определенным изменением смысла. Таким образом данное слово-стяжение выделяется из общего ряда и для понимания даже носителями английского языка требуется либо контекст, либо объяснение непосредственно при его употреблении. Дальнейшую судьбу *Chexit* трудно прогнозировать: его воспроизводимость будет зависеть от ситуации на валютном рынке, иными словами от прагматической ценности данного слова-стяжения.

Рассмотрим еще один пример образования слов-стяжений по аналогии. В 1954 г. в Японии вышел фильм о гигантском монстремутанте, внушающем ужас населению, который был переведен на английский язык как «*Godzilla*» («Годзилла») от яп. *Gojira* (горилла и кит). В дальнейшем фильм стал настолько популярным, что на его основе были созданы фильмы совершенно разных жанров, где

Godzilla иногда был представлен аудитории как меньшее из двух зол, как спаситель человечества, но оставаясь при этом опасным чудовищем. Таким образом, в английском языке появился суффикс *-zilla* именно в этом значении чего-либо негативного, страшного. Так, в середине 1990-х гг. в США впервые появилось словосочетание *bridezilla*, для описания девушки, которая собирается замуж и становится эгоистичной и капризной. По аналогии с этим появились *momzilla* и *dadzilla*, обозначающие одержимую мать невесты и напористого отца.

В свою очередь от *bridezilla* образовались прилагательные *bridezillian* и *bridezillaish*, что говорит о продуктивности суффикса *-zilla* в современном английском языке.

В последнее время появилось множество названий сайтов, компьютерных программ с данным суффиксом (*Filezilla*, *workzilla*, *qurzilla*, *clonezilla* и т. д.). Одно из самых известных таких названий – *Mozilla Corporation* (стяжение из названия сетевого браузера *Mosaic* и описанного нами выше слова *Godzilla*), а также один из проектов данной компании *bugzilla* – устройство, позволяющее найти подслушивающие устройства. В указанных названиях, однако значение суффикса иное, чем в рассмотренных выше *bridezilla*, *momzilla* и *dadzilla*. Здесь на первый план выходят такие характеристики годзиллы, как сила и мощь, таким образом компаниями создается положительный образ своего продукта.

Еще одним примером образования новых слов в языке путем аналогии могут служить слова стяжения *floordrobe*, *chairdrobe*, *cardrobe* образованных по модели *floor* + (*war*)*drobe*, *chair* + (*war*)*drobe* и *car* + (*war*)*drobe*, соответственно. Заимствованное в среднеанглийский период в значении «личная комната» из французского языка, а затем ассимилированное, слово *warderobe* (фр.) являлось вариантом старофранцузского *garderobe* и обозначало «хранить» (*garder*) и «одежду» (*robe*). В начале 2000-х гг. по аналогии со словом *wardrobe* для описания ситуации, когда вещи валяются в куче на полу или на стуле, появились слова *floordrobe* и *chairdrobe*, соответственно. При этом, судя по данным корпуса современного английского языка «Новости в сети» и по наличию данного слова в словарях («The Cambridge Dictionary Online», «The Free Dictionary online»), слово *floordrobe* появилось раньше и используется намного чаще, положив таким образом начало данному

ряду слов. Еще одно слово в нашей цепочке – *cardrobe* – получило наибольшее распространение в последние годы, описывая современную реальность того, что для многих машина – второй дом, где лежат все необходимые хозяину вещи. В отличие от *-zilla*, *-drobe* не обозначен в словарях как суффикс, однако исходя проанализированных примеров с *-drobe*, нам представляется возможным спрогнозировать появление новых слов с *-drobe*, если появится необходимость описать ситуацию, когда в определенном месте беспорядочно разбросаны вещи. Таким образом, не претендуя на неизбежность завершения данного процесса, можно сказать, что *-drobe* в данный момент проходит процесс превращения в суффикс, имеющим значение «хранение одежды».

Рассмотрев данные примеры образования слов-стяжений по аналогии, необходимо отметить, что индивидуально-психологическое в языке является источником для *словотворчества*. Однако рамки данной статьи не позволяют раскрыть полностью данную тему, которая представляется достаточно интересной для дальнейшего внимательного изучения.

Итак, процесс создания новой лексемы путем стяжения может быть как непреднамеренным, случайным (пример с *puddle*), так и целенаправленным и осозанным (примеры с *Grexit*, *Departugal*, *Italeave*, *Czechout* и др.). Сотни, а возможно тысячи, слов-стяжений, созданных неосознанно в спонтанной речи или преднамеренно, разделяют судьбу «слов-однодневок» в силу отсутствия практической необходимости употребления данного слова в будущем [Лаврова 2012].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы: на данном этапе развития английского языка слова-стяжения очень актуальны; в этом процессе весьма существенную роль играет аналогия, которая позволяет легко создавать и расшифровывать слова-стяжения, однако в некоторых случаях образованные слова недостаточно мотивированы для того, чтобы быть понятыми без объяснения; определенное число слов-стяжений, образованных по аналогии с существующим образцом, приводит к образованию нового суффикса в языке; при формировании и функционировании слов-стяжений такие факторы, как индивидуальный характер их образования и их прагматическая ценность, будут определять дальнейшую воспроизводимость данных лексических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н.Д.* Проблемы морфологии и словообразования: на материале испанского языка. М.: Языки славянских культур, 2007. 288 с.
- Арутюнова Н.Д.* Аномалия и язык // Вопросы языкознания. 1987. №3. С. 3–19.
- Бондарчук Г.Г.* Механизмы аналогии в синхронии и диахронии. М.: МГЛУ, 2003. 90 с.
- Бондарчук Г.Г.* Аналогия в новых обозначениях одежды в английском языке // Проблемы английской неологии: материалы науч. конф., Москва, 29 янв. 2002. М.: МГЛУ, 2002. С. 48–51.
- Ермоленко Ю.П.* Номинативные модели формирования новых слов методом стяжения в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук М., 2007. 296 с.
- Кубрякова Е.С.* Размышления об аналогии // Сущность, развитие и функции языка / под ред. Г.В. Степанова. М.: Наука, 1987. С. 43–51.
- Кубрякова Е.С.* Аналогия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 31–32.
- Лаврова Н.А.* Контаминация в современном английском языке: a fait accompli. М.: Прометей, 2012. 222 с.
- Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. М.: Мысль, 2010. 45 с.

УДК 81'34

Н. Б. Цибуля

кандидат филологических наук; профессор кафедры фонетики английского языка ФАЯ МГЛУ; e-mail: cybnb@mail.ru

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ МЕЛОДИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В БРИТАНСКОМ ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья выполнена в русле мультимодального направления в лингвистике. Цель исследования включает анализ совместного функционирования просодии и невербалики. На материале академического и других видов дискурса в британском варианте изучается соотношение различных мелодических моделей и сопровождающих их в речи жестов-иллюстраторов. В ходе эксперимента определяются невербальные корреляты мелодических шкал и тонов.

Ключевые слова: мультимодальное исследование; мелодические модели; шкалы; тоны; жесты-иллюстраторы; невербальные корреляты.

Tsibulya N. B.

PhD (Philology), Professor, Department of English Phonetics, Faculty of the English Language of Moscow State Linguistic University; e-mail: cybnb@mail.ru

NON-VERBAL CORRELATES OF MELODIC PATTERNS IN THE BRITISH VARIANT OF THE ENGLISH LANGUAGE

The article is written within the framework of multimodal linguistics. The aim of the research is analysis of simultaneous functioning of prosody and non-verbal means. In the process of the experiment, on the material of academic and other types of discourse, correlation between melodic patterns and gestures-illustrators is revealed.

Key words: multimodal study; melodic patterns; scales; tones; gestures-illustrators; nonverbal correlates.

Введение

В статье излагаются результаты мультимодального исследования, *целью* которого является анализ мелодических моделей (шкал и тонов) и их совместного функционирования с жестами-иллюстраторами, которые сопровождают речь.

Исходя из цели, мы поставили следующие *задачи*:

- 1) определить мелодику исследуемых фраз, включающей шкалы и тоны;
- 2) выявить характер и функции жестов-иллюстраторов, сопровождающих произнесение фраз с этими моделями;

3) установить соотношение между мелодическими моделями и использованием жестов-иллюстраторов.

Изучение взаимодействия между мелодическими паттернами и жестами и выявление невербальных коррелятов мелодики представляют собой *новизну* исследования.

Актуальность проведенного эксперимента определяется новым, активно развивающимся мультимодальным направлением в лингвистике и необходимостью расширения существующих представлений о функционировании разноуровневых единиц в речи.

Эксперимент

Теоретической предпосылкой проведения данного исследования являются труды П. Экмана и У. Фризена по невербалике, в частности их классификация жестов, включающая: эмблемы, иллюстраторы, регуляторы, аффективы и адапторы [Ekman, Friesen 1969; Ekman 2004].

В эксперименте мы исследуем соотношение просодии и жестов-иллюстраторов. Используя их, говорящий демонстрирует то, о чем он рассказывает. Они дополняют смысл высказывания и делают его более выразительным, более ярким и доходчивым.

Наши предыдущие эксперименты выявили определенные функции данных жестов, одной из которых является моделирование пространства, расширение или сужение его границ. С помощью этих жестов описываются формы, объем, ширина и высота предметов, изображаются фигуры людей и т. п. Проведенный нами анализ показывает, что к более сложным функциям иллюстраторов относится моделирование абстрактных понятий, например, таких как сравнение, контраст и т. п. [Цибуля 2015].

Жесты-иллюстраторы включают в себя также акцентирующие жесты. Они сопровождают произнесение важных слов, совпадают с фразовыми ударениями и подчеркивают ритм.

В настоящей статье излагаются результаты эксперимента по выявлению характера и особенностей акцентирующих жестов как коррелятов мелодических моделей, а именно: нисходящего движения (скользящей шкалы и нисходящего тона), восходящего (в предтерминальной части и терминальной) и ровного движения.

В процессе исследования применялись компьютерные программы для обработки речевого сигнала: Sound Forge, версия 9.0;

Praat, версия 6.0.19.; Freemake Video Converter, версия 4.1.9.16. Для анализа акцентированных жестов и определения их корреляции с конкретными речевыми отрезками использовалась программа VLC, версия 2.2.4. Для этого видеоряд фраз, произносимых с разными шкалами и тонами, многократно воспроизводился в обычном и замедленном режиме.

В эксперименте использовались методы аудитивного, визуального и акустического видов анализа.

Материалом настоящего исследования является академический дискурс: видеозаписи лекций, интервью с учеными, обсуждения методики и результатов проведения уроков в школе. Перечисленные разновидности академического дискурса представляют собой спонтанную или квазиспонтанную речь стандартного английского произношения (RP). В качестве дополнительного материала мы использовали стилизованную речь персонажей британских художественных фильмов.

В фильме «My Fair Lady», например, мы выбрали фразы персонажей: профессора Хиггинса и полковника Пикеринга, также говорящих на RP; цветочницы Э. Дулитл и прохожего, иллюстрирующих просторечный диалект кокни.

Анализ примеров

1. М Боуден (M. Bowden), известный инструктор политиков и бизнесменов в области невербального поведения, говорит:

So, ʌhere's my ʌmantra: }
to ʌkeep } ʌyour com,muni,cation } ʌsimple} and con\consistent [Bowden 2015]

В первой синтагме слово «ʌhere's» произносится со скольжением, а «ʌmantra» с высоким нисходящим тоном. Мелодический диапазон слова «ʌhere's» уже, чем слова «ʌmantra». Произнесение обоих слов сопровождается нисходящими мануальными жестами, при этом во втором случае наблюдается более широкое и интенсивное движение, коррелирующее с высоким нисходящим тоном. Восходящему тону на слове «ʌkeep» сопутствует движение рук вверх, а произнося «con\consistent», говорящий энергично опускает руки.

2. В следующей фразе М. Боуден довольно эмоционально комментирует речь одного из политиков.

It's a ˘lot more ˘difficult ˘ to ˘kind of ˘watch him ˘
and ˘get a ˘gage of him [Election Debate Body... 2015].

Все слова, произносимые с нисходящим мелодическим движением («˘lot, ˘difficult, ˘watch him, ˘gage») коррелируют не только с нисходящим движением рук, но также с заметными движениями тела вниз. Следует отметить, что более низкому движению голоса на слове «˘difficult», произнесенном со средним нисходящим тоном («mid fall»), соответствует более низкое положение рук по сравнению с другими словами.

3. Читая лекцию по невербалике, М. Боуден намеренно убирает руки за спину, демонстрируя тем самым роль мануальных жестов в речи.

You're ˘less ˘optimistic ˘ and maybe 'more ˘negative a˘bout ˘me and my ˘content [Presentations Tips 2015].

В данном примере акцентирующими жестами являются едва заметные кивки, совпадающие со скользящей шкалой и нисходящими тонами, а слово «˘me», произносимое с восходящим тоном, сопровождается легким движением головы вверх.

4. Учитель средней школы, обсуждает урок со своим коллегой:

˘I need to ˘take ˘over ˘that ˘class [London Mentors 2006].

В этой фразе слово «˘take» произносится с высоким скользящим, а «˘lover» – со средним нисходящим тоном. Остальные слова со второстепенными ударениями имеют достаточно низкий уровень. Рука говорящего совершает движения в такт с изменениями мелодики: сначала рука находится на уровне груди («˘I»), затем начинает подниматься («˘need to») почти до подбородка («˘take») и опять начинает опускаться («˘take ˘lover») до уровня груди («˘that ˘class»). Таким образом, бóльшая высота голоса соотносится с более высоким расположением руки и наоборот.

5. Далее, анализируя детали урока, другой учитель говорит:

It →has to}} re˘late ˘back to ˘specifi˘cation [London Mentors 2006].

При произнесении «→has to}}» со средним ровным тоном и паузой hesitation рука говорящего как бы «застывает» на одном уровне. Слово «\back» сопровождается легким наклоном головы, а ровный восходящий тон в слове «,specifi↗cation» коррелирует с легким движением головы вверх.

6. Женщина-инструктор, проводя методический тренинг с учителями, спрашивает:

→Anything }} 'anything ↘else? [London Mentors 2006].

Произнося второй раз слово «'anything», имеющее более высокий мелодический уровень по сравнению с «→Anything», она поднимает голову, а нисходящий тон на слове «↘else» сопровождается движением головы вниз.

7. Методист еще раз произносит «anything else», но в другом контексте и с другой интонацией.

,Anything ↘else, Miss 'Fells? [London Mentors 2006].

При этом она поворачивается к коллеге, сидящей рядом, и постепенно поднимает голову и правое плечо – движения, совпадающие с восходящим тоном на словах «↗else, Miss 'Fells?».

6. Учительница в начале урока задает детям вопрос, повторяя его дважды с разной интонацией:

'What ↘day is it to↘day?

'What ↑day is it to→day? [London Mentors 2006].

В первом случае, слова «↘day» и «to↘day» произносятся с нисходящей мелодикой и сопровождаются легкими движениями головы вниз. Во второй фразе мелодический уровень постепенно повышается со слова «what». На слове «to→day» наблюдается значительное повышение голоса. Голова учительницы при этом резко поднимается вверх и остается в этом положении, коррелируя с протяжным произнесением «→day» (с высоким ровным тоном).

Приведем несколько примеров из английского художественного фильма «My Fair Lady».

Примеры речи персонажей, говорящих на RP.

1. Обращаясь к цветочнице Элизе, профессор Хиггинс говорит:

You ↘squashed ↘cabbage ↘leaf [My Fair Lady 1964].

Мимика профессора довольно сдержанная. Легкие движения вниз тела и головы подчеркивают произнесение скользящей шкалы и нисходящего тона. При реализации последнего движение тела менее заметно. Это соотносится с более низкой высотой голоса слова «leaf».

2. Полковник Пикеринг сообщает профессору Хиггинсу о том, чем он занимается:

I my ↘self am a ↘student of ↗Indian/ dialects [My Fair Lady 1964].

Легкие движения головы вниз выделяют ударные слова предтерминальной части фразы со скользящей шкалой и нисходящий тон. Слово «/ dialects» произносится с высоким восходящим тоном широкого диапазона, где наблюдается перепад мелодических уровней. Низкое начало сопровождается легким движением головы вниз. Затем голос резко повышается, что подчеркивается движением головы вверх.

Рассмотрим речь персонажей, говорящих на диалекте кокни.

1. Цветочница Элиза.

You ↘might ↘ask me to ↘sit ↗down, | I ↗think [My Fair Lady 1964].

Скользящая шкала и терминальный тон акцентируются довольно заметными движениями тела и плеч вниз в соответствии с ритмом фразы.

Во второй синтагме «I think» средний восходящий тон коррелирует с движением головы вверх. Произнесение всей синтагмы характеризуется выразительной мимикой.

2. Прохожий: [There's a bloke here,]¹ |

be ↘hind ↘that ↘pillar [My Fair Lady 1964].

Фраза адресована Элизе и произносится приглушенным голосом, чтобы ее не слышали окружающие. Большим пальцем правой руки в такт со скольжениями и нисходящим терминальным тоном говорящий совершает движения, указывающие на колонну. Одновременно наблюдаются едва заметные движения головы вниз. В данной ситуации первый жест-иллюстратор выполняет двойную функцию – дейктическую и акцентирующую, второй жест – акцентирующую. Мимика говорящего очень сдержанная.

¹ В квадратных скобках приводится контекст высказывания.

Выводы

Проведенное исследование использования различных мелодических моделей в речи и анализ акцентирующих жестов-иллюстраторов выявили следующее:

1) нисходящие мелодические модели, такие как скользящая шкала и нисходящий тон, всегда сопровождаются на невербальном уровне акцентирующими жестами, которые могут включать в себя движения всего тела и/или рук и головы;

2) изменение положения тела, рук и головы всегда носит нисходящий характер, коррелирующий с нисходящим мелодическим движением;

3) восходящие мелодические модели также сопровождаются на невербальном уровне акцентирующими жестами, которые, как правило, включают в себя движения головы и тела и в меньшей степени мануальные жесты;

4) более высокий мелодический уровень слов коррелирует с более интенсивными и выразительными жестами;

5) большему высотному уровню в пределах синтагмы соответствует более высокий уровень жеста;

6) таким образом, невербальными коррелятами скользящей шкалы и нисходящего тона являются нисходящие движения рук, головы и тела;

7) невербальными коррелятами восходящей мелодики являются восходящие движения головы и тела;

8) эта закономерность прослеживается у мужчин и женщин, говорящих как на RP, так и на диалекте кокни;

9) у женщин как с акцентом RP, так и кокни наблюдается более выразительная мимика по сравнению с мужчинами.

Заключение

Как показывает проведенное исследование, в роли акцентирующих жестов могут выступать жесты рук, кивки головой, движения всего тела. Использование невербальных средств в речи в качестве акцентирующих может рассматриваться с точки зрения разных аспектов, например, таких как социальный, культурный, стилистический, биологический, психологический, ситуативный и др.

Большое число мануальных жестов в речевой коммуникации может быть результатом таких причин, как, например, возбужденное состояние, волнение, неуверенность говорящего в том, о чем он говорит, незнание предмета и др.

Испытывая затруднение в выражении мысли, подбирая слова, человек пытается помочь себе жестами. Подобно паузам hesitation, их использование в этом случае имеет когнитивный характер и часто сопровождается этим видом пауз.

Не в каждую эпоху и не в каждой культурной и социальной среде жесты рук считались признаком хорошего тона. В ораторском искусстве, в античном в частности, их использование было довольно сдержанным [Цибуля 2014]. В дворянской среде в России также было не принято жестикулировать. Исследование высших социальных слоев современного английского общества обнаруживает аналогичное явление: жесты рук не характерны для его представителей. В этой среде наблюдаются легкие кивки головой и едва заметные телодвижения, а также сдержанная мимика [Сухова 2004].

Как следует, однако, из современных публикаций, посвященных невербалике, жесты рук широко используются людьми в повседневном и деловом общении. В специальной литературе подробно описываются конфигурации мануальных жестов, анализируются их функции, различные значения [Борг 2016; Льюис 2016], обсуждается их стилистика [Цибуля 2016]. Детально изучаются движения пальцев, повороты ладоней [Атай 2015; Мессинджер 2016], плоскости исполнения жестов [Bowden 2010].

Профессия, безусловно, также оказывает влияние на приоритетное использование определенных жестов. В академической среде, например, преподаватели, лекторы, профессора при чтении лекций сопровождают свою речь жестами-иллюстраторами, в том числе акцентирующими жестами, наглядно демонстрируя смысл высказывания, а также подчеркивая ударные слова. Известный специалист в области невербалики М. Боуден, консультант ведущих политиков и бизнесменов, читает свои лекции, используя большое число мануальных жестов.

На выбор и характер жестов несомненно оказывают влияние психологические черты личности. Так например, интроверт, наряду с другими особенностями невербального поведения, менее

склонен жестикулировать, чем экстраверт. В одной и той же ситуации они будут вести себя по-разному.

С другой стороны, сама ситуация может определять невербальное поведение говорящих, зависящее от их статуса, возраста, гендера, образования, темы беседы и других факторов. Таким образом, невербальная стратегия одного и того же человека в разных ситуациях может значительно различаться.

Задача нашего исследования заключается в том, чтобы определить связь между жестом и интонацией, независимо от того, является ли он мануальным или представлен наклоном головы или движением всего тела.

Как отмечал Н. И. Жинкин: «Когда человек говорит или слушает речь, работают не только определенные локусы коры головного мозга, артикуляция и слух, работает весь человек в целом. Вся поза, мимика, жестикуляция говорящих между собой людей теснейшим образом связаны с содержанием и формой речи» [Жинкин 1982, с. 154].

Просодия речи и невербалика, будь то широкий, интенсивный жест рукой или же малозаметное движение головы и тела, образуют единство одного процесса, программы, синхронизирующей работу мышц всего тела и голосовых связок – мышцы, продуцирующей голос, мелодику речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атай Е. Г.* Чтение по жестам и лицам. Большая энциклопедия. М. : Эксмо, 2015. 240 с.
- Борг Дж.* Язык тела / пер. с англ. С. Э. Борич. 2-е изд. Минск : Попурри, 2016. 304 с.
- Жинкин Н. И.* Речь как проводник информации. М. : Наука, 1982. 154 с.
- Льюис Х.* Язык тела. Руководство для профессионалов / пер. с англ. Харьков : Гуманитарный центр, 2016. 332 с.
- Мессинджер Ж.* Словарь жестов / пер. с фр. А. Дадыкина. М. : РИПОЛ классик, 2016. 720 с.
- Сухова Н. В.* Взаимодействие просодии и невербальных средств в монологической речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 166 с.
- Цибуля Н. Б.* Основные направления исследований в области невербальной коммуникации // Фонетика: проблемы и перспективы. М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. С. 252–267. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (687). Сер. Языкознание).

- Цибуля Н. Б.* Динамический аспект жестов и просодии (на материале британского и американского вариантов английского языка) // Динамика языковой системы в лексикологических исследованиях. М.: ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015. С. 162–169. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 22 (733). Сер. Языкознание и литературоведение).
- Цибуля Н. Б.* Фоностилистические особенности невербальных средств общения // Фонетическая полифония звучащей речи. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 173–184. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 1 (740). Сер. Языкознание).
- Bowden M.* *Winning Body Language.* New York : Mc Graw Hill, 2010. 234 p.
- Bowden M.* *Make a Choice – Body Language Tips,* 2015. URL: [youtube.com/watch?v=zYWttTew4iA](https://www.youtube.com/watch?v=zYWttTew4iA)
- Ekman P., Friesen W. V.* *The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding* // *Semiotica.* The Hague, 1969. No 1. P. 49–98.
- Ekman P.* *Emotional and Conversational Nonverbal Signals* // *Language, Knowledge, and Representation* // *Philosophical Studies Series.* 2004. Vol. 99. P. 39–50.
- Election Debate Body Language Analysis with Expert Mark Bowden, 2015. URL: [youtube.com/watch?v=rjli8m-D218](https://www.youtube.com/watch?v=rjli8m-D218)
- London Mentors, 2006. URL: londonmentors.net
- My Fair Lady, 1964. URL: ok.ru/video/3285453404
- Presentation Tips – Speaking from a Lectern – You Tube, 2015. URL: [youtube.com/watch?v=zEXcse2ZO0w](https://www.youtube.com/watch?v=zEXcse2ZO0w)

УДК 81

Т. И. Черемисина

кандидат филологических наук; доцент кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка МГЛУ; e-mail: morient1@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛО-КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются тенденции, происходящие в языке, в процессе заимствования из английского в китайский язык в рамках англо-китайского языкового взаимодействия. Основное внимание уделяется характеристике ранее изученных и выявлению, описанию и систематизации новых способов заимствования англоязычной лексики в современном китайском языке.

Ключевые слова: языковое взаимодействие; иноязычные заимствования; ассимиляция; аббревиатуры; способы словообразования; китайские иероглифы.

Cheremisina T. I.

PhD (Philology), Assistant Professor, Chair of English Lexicology, MSLU;
e-mail: morient1@yandex.ru

DYNAMIC CHARACTER OF ANGLO-CHINESE LANGUAGE INTEGRATION

The article gives an in-depth overview of the integration of Anglicisms into contemporary Chinese thus identifying nation specific features of the concept of borrowing in the Chinese language. Special prominence is given to word-building means that are particularly common within the overall number of English loan words introduced into the recipient language.

Key words: language interaction; linguistic borrowing; assimilation; abbreviations; word-building means; Chinese characters.

Общепризнанно, что в современном мире происходит процесс лексического заимствования из одних языков в другие. Этому в значительной мере способствует расширение всесторонних связей между странами и народами. Дополнительным стимулом к росту лексического заимствования из одних языков в другие в рамках всеобщей глобализации служит углубление и диверсификация многоязычных международных контактов на площадке Интернета, особенностью которых является то, что в Интернете посредством сайтов, блогов, мессенджеров интенсивно общаются даже те представители разных народов, культур и языков, которые в массе своей лично никогда не встречались, но тем не менее контактируют. Подобные целенаправленные контакты

осуществляются в одностороннем порядке также посредством кино и рекламы, которые приносят новые элементы в процесс лексического заимствования.

Китайский общегосударственный язык путунхуа, являясь средством коммуникации крупнейшего мирового этноса, находится в рамках данного тренда. Правда, заимствования из иностранных языков, преимущественно из английского, касаются не всего языка китайского общества, а преимущественно той его части, которая в силу специфики своей профессиональной деятельности (в первую очередь внешнеэкономические и профессиональные связи) испытывает потребность в заимствовании и повседневном использовании новых, подчас более удобных, компактных, емких англоязычных названий, терминов и понятий.

Исторически обусловленная специфичностью иероглифической письменности и слоговой фонетической системы китайского языка изолированность китайской языковой культуры объясняет то, что до недавнего времени, т. е. до последней четверти XX в., число общеупотребительных заимствований было относительно невелико, хотя на протяжении нескольких тысячелетий непрерывной культурной и языковой, в первую очередь письменной, традиции китайский язык впитал в себя значительное число заимствований.

Первые заимствования относятся к середине второго тысячелетия до н. э. Большинство ассимилированных в древности понятий и терминов в настоящее время считаются китайскими, поскольку многие из них получили при заимствовании китайский иероглиф и фонетик, и выделяются в качестве заимствований только в специальных исследованиях по этимологии. Однако вошедшие в китайский язык из санскрита буддийские религиозные термины и отдельные слова из арабского, фарси, тюркских и ряда европейских языков по-прежнему указываются в современных китайских словарях в качестве заимствованных.

Отметим, что после принудительного «открытия» в XIX в. усилиями западных держав Китая окружающему миру и вызванного этим установления им внешних контактов, в китайский язык были включены многочисленные имена собственные и названия ранее неизвестных в Китае лиц, мест, предметов и явлений. Заимствования такого рода происходили на протяжении всего XX в. и обогатили китайский язык за счет введения в его оборот ранее полностью отсутствовавших в нем понятий. При этом превалировали

фонетические и семантические заимствования новых для Китая имен собственных, понятий и предметов. Многие заимствования из этой категории полностью ассимилированы и не рассматриваются современными исследователями как пришедшие извне.

Подчеркнем, что именно в течение последних десятилетий после начала проведения в Китае в конце 1970-х гг. политики «реформ и открытости внешнему миру», когда произошли значительные изменения во многих сферах жизни китайского общества и, в частности, кардинально расширились внешние экономические и иные связи, процесс заимствования новых слов приобрел второе дыхание, поскольку язык как социальное явление чутко реагирует на преобразования в обществе. Наиболее существенным проявлением таких лингвистических изменений стала диверсификация потока заимствуемой лексики и способов ее проникновения в язык и закрепления в нем.

В целом необходимо отметить, что процесс заимствования принял наиболее интенсивный характер именно в последние годы. Если в середине и начале второй половины XX в. исследователи отмечали, что «небольшое число фонетических заимствований несомненно является позитивной чертой, ибо это делает словарный состав китайского языка стройным и монолитным, свободным от нагромождения разнородных и чуждых ему языковых элементов» [Кленин 1969, с. 203], то в настоящее время наблюдается активное проникновение в китайский язык иностранных, в первую очередь английских, слов и аббревиатур. Примечательно, что аббревиатуры, хотя они и являются инородным и относительно новым для китайского языка явлением, достаточно органично вписываются в современный китайский язык, придавая ему динамичность в процессе впитывания новых по форме, кратких и не отягощенных написанием длинного ряда иероглифов заимствований. Основными сферами продвижения аббревиатур являются политика, культура, наука, спорт, а в сфере экономики – совместное производство, торговля и реклама.

Для проведения репрезентативного исследования традиционных и вновь задействованных механизмов заимствования нами были проработано предпоследнее, вышедшее в 2012 г. издание «Словаря современного китайского языка» 现代汉语词典. Последнее издание данного словаря было опубликовано только в конце 2016 г. и пока еще ждет своего исследователя.

Отметим, что при статистической обработке выявленного массива нами сознательно не учитывались зафиксированные в указанном словаре заимствованные имена собственные, химические элементы и вещества, не китайские меры измерения, названия лекарств, приборов и болезней, образованные от имен открывших их ученых, названия иностранных валют и подобные им транслитерированные заимствования. Не учитывались также и 30 слов из санскрита, традиционно указываемые как заимствования. Анализировались исключительно фонетические, семантические и гибридные заимствованные лексические единицы, несущие новый для языка-реципиента смысл, а также трансформации более ранних заимствований под воздействием присущих китайскому языку норм словообразования.

Для понимания количества и пропорционального объема фиксируемых заимствований из английского и других языков в китайский приведем следующий пример: так, при обработке массива указанного «Словаря современного китайского языка» объемом 69 тыс. иероглифов, в нем зафиксированы 188 заимствованных слов и 284 аббревиатур из 14 языков: 140 заимствованных слов из английского языка, 16 слов из французского, 9 из русского, 6 из арабского, 5 из немецкого, 3 из латыни, 2 из итальянского, по одному из греческого, турецкого, испанского, чешского, иврита, фарси и японского языков. Из них 75% слов и 90% аббревиатур приходятся на английский язык. Тем самым на основании статистической обработки включенных в современные китайские словари заимствований можно констатировать, что, хотя заимствования в китайский язык происходили и происходят из многих языков, именно заимствования из английского языка (в последние годы преимущественно из его американского варианта) с большим отрывом лидируют в данном процессе, оставив далеко позади другие мировые языки.

Традиционно исследователи разделяют способы лексического заимствования в китайский язык на следующие основные разновидности:

- 1) фонетический способ;
- 2) семантический способ;
- 3) гибридный способ семантически-фонетического характера: китайская морфема + фонетическое заимствование;

- 4) гибридный способ фонетически-семантического характера: фонетическое заимствование + китайская морфема;
- 5) фонетическое заимствование + родовое слово / классификатор (классифицирующий компонент);
- 6) семантическое заимствование + родовое слово / классификатор (классифицирующий компонент);
- 7) совпадение фонетического звучания при семантическом заимствовании;
- 8) использование заимствуемой лексической единицы с дополнительным грамматическим оформлением.

Иными словами, до недавнего времени общепринято было считать, что можно выделить именно эти 8 основных способов образования лексических заимствований в китайском языке [Болсуновская 2015; Жукаускаене 2015; Кленин 1969].

В работах последних лет обращено внимание на еще 2 способа заимствования [Котельникова 2005; Ли Е 2013, Ли Сяобай 2016; Перфильева 2012; Пронина 2013]:

- 9) аббревиатурный способ;
- 10) комбинированный способ цифрового или буквенного заимствования в сочетании с иероглифами.

В ниже приведенной таблице нами систематизированы общепринятые в научной литературе способы заимствования, при этом мы иллюстрируем их преимущественно ранее не использованными в научных публикациях примерами заимствований из английского в китайский язык. Новые, ранее не рассмотренные в научной литературе примеры заимствования из английского языка в китайский выделены курсивом.

Таблица 1

Традиционно выделяемые способы заимствования

Способ заимствования	Примеры заимствования
1. Фонетический способ или транслитерация	имя собственное 意大利 yìdàlì – Italy – <i>Италия</i> 奥巴马 Aobāmǎ – Obama – <i>Обама</i>
	имя нарицательное 康拜因 kāngbāiyīn – combine – <i>комбайн</i>
	фонетическая калька 那摩温 nà mó wēn – number one – <i>номер один</i>

Способ заимствования	Примеры заимствования
2. Семантический способ или смысловое заимствование	<p>одновариантное заимствование 猎头 liètóu – head hunting – <i>охота за головами</i></p> <p>двухвариантное заимствование изначальное смысловое заимствование 笔记本电脑 bǐjìběn diànnǎo – laptop – портативный компьютер, трансформировалось в более упрощенное по смыслу 腿上电脑 tuǐshàng diànnǎo – <i>лежащий на коленях компьютер</i>, т. е. приобрело вид смысловой кальки</p> <p>поливариантное заимствование – 4 варианта 摄影机 – shèyǐng jī, 相机 – xiàngjī, 照相机 – zhàoxiàng jī, 摄像头 – shèxiàngtóu – camera – <i>фотоаппарат</i></p>
3. Гибридный способ семантически-фонетического характера: китайская морфема + фонетическое заимствование	走秀 – zǒuxiù xiù – дефиле, или демонстрация моделей одежды манекенщицами в процессе их движения по подиуму, образовано из китайской морфемы 走 – zǒu и фонетического заимствования 秀 – xiù – show – <i>шоу</i>
4. Гибридный способ фонетически-семантического характера: фонетическое заимствование + китайская морфема	模具 mójù, или 模式 móshì, или 模型 móxíng, образовано от фонетического заимствования 模 mó – mo – mold – литейная форма с добавлением китайских морфем 具 jù – <i>инструмент</i> , 式 shì – <i>форма</i> , 型 xíng – <i>форма для литья</i>
5. Фонетическое заимствование + китайское родовое слово	沙丁鱼 shādīng yú – sardine – <i>сардина</i> , образовано от фонетического заимствования 沙丁 shādīng с добавлением китайского родового слова 鱼 – yú – <i>рыба</i>
6. Семантическое заимствование + родовое слово	足球 zúqiú – football – <i>футбол</i> , 篮球 lánqiú – basketball – <i>баскетбол</i> , 排球 páiqiú – volleyball – <i>волейбол</i> . Семантическое заимствование + родовое слово 球 – qiú <i>мяч</i>
7. Совпадение фонетического звучания при семантическом заимствовании	模特儿 – móte'ér – model – модель / натурщик, -ца (образец, пример + особый / своеобразный / оригинальный + суффикс)
8. Использование заимствуемой лексической единицы с дополнительным грамматическим оформлением	爱人病了 – àirén bìng le – <i>заболел болезнью любовников</i> , т. е. СПИДом

1. Фонетический способ, или транслитерация, – это, как известно, прямое, непосредственное, но осуществляемое в полном соответствии с нормами китайской фонетики и произношения перенесение заимствованной лексической единицы из языков-доноров непосредственно в китайский язык-реципиент с последующим закреплением в письменной и разговорной речи и фиксацией в китайских словарях. Данный способ основан на передаче звучания заимствуемого слова посредством фонетических возможностей китайского языка. Последние имеют весьма жесткий ограничительный характер, поскольку весь современный общегосударственный китайский язык путунхуа содержит около 400 фиксированных и не подлежащих изменению слогов, из которых выстраивается весь фонетический строй китайского языка.

Ярким примером типичного не только несоответствия первоначального звучания финальному, принятому в китайском языке является транскрибированное названия региона *Ural – Урал*, которое выглядит в китайском языке, как 乌拉尔 – *wūlā'ěr – Улаэр*. При этом из-за отсутствия слогов, созвучных транскрибируемому слову, звуки /р/ и /л/ поменялись в данном конкретном случае заимствования местами и перешли в соседние слоги.

Данный способ включает в себя следующие основные группы заимствуемых слов:

– *имена существительные собственные* – это слова или словосочетания, обозначающие определенный и конкретный предмет, существующий в единственном экземпляре. К именам собственным относятся фамилии и имена людей, названия городов, рек, улиц, стран и т. п. В европейских языках, в английском в частности, они всегда пишутся с прописной буквы. В китайском иероглифическом письме букв и тем более прописных букв нет, а иероглифы не делятся на прописные и строчные. Характерно, что в силу этого даже владеющие в той или иной степени английским или иным иностранным языком китайцы, как правило, пишут имена собственные на иностранном языке со строчных букв;

– *общеизвестные и вновь вводимые в оборот фамилии и имена*, а также названия транскрибируются и, будучи заимствованными в силу коммуникативной потребности, входят в обиход, но за редким исключением искажаются до неузнаваемости в силу присущей китайскому языку фонетической жесткости и ограничений

фонетической передачи звучания, что приводит, как правило, к трудностям при их обратной транслитерации с китайского языка: 查理·卓别林 – *Chǎlǐ Zhuóbíelín* – Чали Чжобелинь – *Charlie Chaplin*, т. е. Чарли Чаплин; 唐纳德·特朗普 – *Tángnàdé Tēlǎngpǔ* – Таннадэ Тэланпху – *Donald Trump*, т. е. Дональд Трамп, 埃尔维斯·普雷斯利 – *Āiěrwéisī Pǔléisīlì* – Айэрүэйсы Пулейсыли – *Elvis Presley*, т. е. Элвис Пресли.

В рамках письменного контекста их можно выделить и адекватно перевести, но в устной речи, если ранее иностранцу такие имена в китайском фонетическом варианте не встречались, понять вне контекста, о ком идет речь, практически невозможно. Заметим, что для облегчения восприятия таких транслитерированных имен собственных в современном китайском правописании заимствованные транскрибированные имена нередко, но далеко не всегда, отделяются от фамилий среднестрочной точкой, выглядящей как «•», что само по себе является новым элементом китайской пунктуации;

– фонетическое заимствование происходит и с большинством **названий популярных музыкальных групп и коллективов**, однако есть и исключения, например: 披头士 – *Pītóushì* – Пхитоуши – *Beatles*, дословно 'парни с распущенными волосами', т. е. Битлз (фонетико-семантическое копирование), или 滚石 – *Gǔnshí* – Гюньши – *Rolling Stones*, т. е. катящиеся камни (семантическое заимствование);

– что касается **географических названий**, то имеют место как фонетико-семантические, так и чисто фонетические (транслитерация) заимствования. Например, можно отметить специальный подбор таких иероглифов с фонетиками для написания названия страны с добавлением классифицирующего иероглифа страна, которые имели импликацию восприятия этих стран, распространенной в Китае на этапе заимствования конкретного названия: 美国 – *měiguó* – Мэйго – *America* – Америка, т. е. прекрасная страна; 法国 – *fàguó* – Фэго – *France* – Франция, т. е. законная страна; 英国 – *yīngguó* – Инго – *England* – Англия, т. е. героическая страна (фонетик плюс слово 国 – *guó* – страна / государство), в отличие от чистых фонетических заимствований: 波兰 – *pōlàn* – Полань – *Poland*; 意思咧 – *yìsīliè* – Исслэ – *Israel* – Израиль; 伊朗 – *yīlǎng* – Илан – *Iran* – Иран; 伊拉克 – *yīlākè* – Илакэ – *Iraq* – Ирак.

Фонетические заимствования превалируют и в отношении других географических названий, например: 格林威治 – *Gélínwēizhì* – Гэлиньвейчжи – *Greenwich* – Гринвич; 柏林 – *bólin* – Болин – *Berlin* – Берлин. Справедливости ради необходимо отметить, что иногда фонетическая транслитерация приводит к некоторым казусам, например, к нередкой путанице в названиях городов 莫斯科 – *Mòsikē* – Мосыкэ – *Moscow* – Москва и 墨西哥 – *mòxīgē* – Мосигэ – *Mexico* – Мехико, которые на слух трудно различимы;

– **названия достопримечательных и широко известных мест** подвержены, как правило, фонетической транслитерации с добавлением китайского родового слова/ классификатора: 白金汉宫 – *Báijīnhàn gōng* – Байцзиньхань гун – *Buckingham Palace*, т. е. Букингемский дворец; 克里姆林宫 – *Kèlímǔlín gōng* – Кэлимулин гун – *Kremlin*, т. е. Московский Кремль, где иероглиф 宫 – *gōng* означает дворец подобно названию 故宫 – *gùgōng* – *Запечатный город* (в Пекине);

– **заимствование культурологических или религиозных понятий и происходящих из англоязычной среды культовых имен собственных**, несущих ту или иную фооновую, смысловую или контекстовую нагрузку: *Cupidon* – 丘比特 – *Qiūbǐtè*, т. е. Купидон; *Eros* – 爱神 – *Aishén* (смысловой перевод) или 厄洛斯 – *Èluòsī* (фонетическое копирование), т. е. Эрос; *Christmas* – 圣诞节 *Shèngdàn jié*, т. е. Рождество; *Easter* – 复活节 – *Fùhuó jié*, т. е. Пасха; *Catholicism* – 天主教 – *Tiānzhǔjiào*, т. е. католицизм; *Orthodox* – 东正教 – *Dōngzhèngjiào*, т. е. православие; *Christ* – 基督 – *Jīdū*, т. е. Христос, фонетическое производное от *Jesus*;

– **фонетический способ нередко применяется и для альтернативных уже существующих в китайском языке понятий**, например: *ultimatum* – 哀的美敦 – *Āidīměidūn* – ультиматум вместо китайского 最后通 – *zuìhòu tōng*, а также для транслитераций слов и понятий: 布丁 – *bùdīng* – *pudding* – пудинг. Некоторые из фонетических заимствований считаются устаревшими и замещаются семантическими, например: транслитерация слова *laser* – лазер в форме 莱塞 – *láisè* уступило место более понятному китайцам семантическому заимствованию 激光 – *jīguāng*, а *hormone* – гормон в форме 荷尔蒙 – *hè'ěrméng* заменено на 激素 – *jīsù*.

2. Семантический способ, или **смысловое заимствование**, как правило, передает смысл, например: *ridesharing* – 分享 – *fēnxiǎng*

групповые поездки с оплатой каждый за себя от поделиться, или отображает внешнюю форму иноязычного слова: (跳蚤市场 – *tiàozǎo shìchǎng* – блоха + рынок, т. е. блошинный рынок или барахолка; 不动产 – *bù dòng chǎn wù* + двигаться + имущество, т. е. недвижимое имущество; 软件儿 – *ruǎnjiàn'er* мягкий + изделие, т. е. программное обеспечение, калька с английского *software*, или раскрывает его смысловое содержание: 打火机 – *dǎhuǒjī* выбивать + огонь + аппарат, т. е. зажигалка; 自来水 – *zìláishuǐ* – сам + приходит + вода, т. е. водопровод). Иногда заимствование в форме кальки приводит к лексическому курьезу; так, слово *блютуз* заимствовано в китайский язык в дословной форме 蓝牙 – *lán yá* – *bluetooth* – голубые зубы.

3. Гибридный способ семантически-фонетического характера заключается в том, что к китайской морфеме добавляется фонетическое заимствование. Типичным примером данного способа является следующий обычно приводимый в литературе способ добавления к китайскому слову фонетического заимствования 卡 – *kǎ* – *card* – *карточка*: 电话卡 – *diànhuàkǎ* – телефон + *карточка*, т. е. телефонная карточка; 税卡 – *shuì kǎ* (налог + *карточка*, т. е. налоговая карточка); 登记卡 – *dēngjì kǎ* – *регистрировать* + *карточка*, т. е. регистрационная карта.

4. Гибридный способ фонетически-семантического характера состоит, напротив, в добавлении к фонетическому заимствованию китайской морфемы: 迷你裙 – *mínǐ qún* – *мини цюнь* – *iniskirt* – *мини* + *юбка*, т. е. мини-юбка.

5. Фонетическое заимствование + китайское родовое слово – этот способ позволяет носителям китайского языка точнее указать на принадлежность заимствованной лексической единицы к той или иной категории предметов или явлений: 帽 – *mào* – *шапка* (для головных уборов): 贝雷帽 – *bèiléi mào* – *бэйлэй мао* – *béret* – *берет*; 病 – *bìng* – *болезнь* (для названия болезней): 阿尔茨海默病 – *Ā'ěrcǐhǎimò bìng* – *Аэрцихамо бин* – *Alzheimer disease* – *болезнь Альцгеймера*; 舞 – *wǔ* – *танец* (для названия танцев): 霹雳舞 – *pīlì wǔ* – *пхили у* – *break dance* – *брейк-данс*; 管 – *guǎn* – *труба* (для иностранных духовых инструментов): 萨克斯管 – *sàkèsī guǎn* – *сакэсы гуань* – *saxophone* – *саксофон*; 酒 – *jiǔ* – *вино* (для названия иностранных спиртных напитков): 香槟酒 – *xiāngbīn jiǔ* – *сянбинь цзю* – *champagne* – *шампанское*; 啤酒 – *pījiǔ* – *пхицзю* – *beer* – *пиво*;

伏特加酒 – *fútèjiā jiǔ* – *футхэцзя цзю* – *водка*; 车 – *chē* – *телега* (для названия транспортных средств): 吉普车 – *jípǔ chē* – *цзипху чэ* – *жеер* – *джип*.

6. Семантическое заимствование + родовое слово / классификатор – данный способ позволяет дать новое название в рамках принадлежности предмета или явления к той или иной категории, например: добавление слов 足 – *zú* – *нога*; 篮 – *lán* – *корзина*; 排 – *pái* – *ряд* к китайскому слову 球 – *qiú* – *мяч* образовало названия игр с мячом: 球 – *zúqiú* – *football* – *футбол*; 篮球 – *lánqiú* – *basketball* – *баскетбол*; 排球 – *páiqiú* – *volleyball* – *волейбол*.

7. Совпадение фонетического звучания при семантическом заимствовании – это редко встречающееся, но весьма яркое явление заимствования: 模特儿 – *mótiè ér* – *мотхэ эр* – *model модель / натурщик, -ца* (*образец, пример + особый / своеобразный / оригинальный + суффикс*); 模 – *mó* – *мо* или 模具 – *mójù* – *моцзюй* – *told* – *форма* (для отливки изделия), трансформировавшиеся в дальнейшем в 模式 – *móshì* или 模型 – *móxíng*.

Классический пример такого совпадения – это 黑客 – *hēikè* – *хэйкхэ* – *хакер* (от *hei* – *черный* + *ke* – *гость*). Новый пример этого типа – слово *блогер* в виде 博客 – *bókè* – *бокэ* – *blogger* (от *bó* *обширный, обильный* + *ke* – *гость*).

8. Использование заимствуемой лексической единицы с дополнительным грамматическим оформлением характерно преимущественно для разговорной речи. Обычно в качестве примера приводится ОК 了 – *OK le* – *окэйлэ*, т. е. к слову *о'к* добавлена частица, грамматически обозначающая завершенность действия.

Как уже отмечалось выше, в работах последних лет выделены еще два способа образования лексических заимствований в китайском языке: аббревиатурный способ заимствования (см. табл. 2) и цифровое или буквенное частичное замещение английских слов / понятий (см. табл. 3).

Последний пример 欧佩克 *Ōupèikè* – *ОПЕС* – *ОПЭК* являет собой образец неудачного фонетического заимствования, которое из-за смысла первого иероглифа, означающего Европу, создает ложное представление о том, что ОПЭК – это европейская организация.

Отметим, что в «Словаре современного китайского языка» 1996 г. среди иноязычных заимствований было выделено 39 слов,

начинающихся с одной или нескольких латинских букв и производных от английского слова или группы слов.

Таблица 2

Аббревиатурный способ заимствования

Варианты аббревиатурного способа заимствования	Примеры заимствования, характерные для данного способа
Аббревиатурный способ заимствования (традиционный)	ECFA (Economic Cooperation Framework Agreement), т. е. Рамочное соглашение об экономической кооперации (между Китаем и Тайванем) вместо ,经济合作框架协议 – Jīngjì hézuò kuàngjià xiéyì. Иными словами, вместо 8 иероглифов используются 4 буквы
Узкопрофессиональное использование аббревиатур	LED вместо или наряду с переводным китайским 发光二极管 – fāguāng èrjíguǎn, дословно означающим light emitting diode, т. е. светодиод. Иными словами, вместо 5 иероглифов используются 3 буквы
Вновь создаваемые в переписке аббревиатуры китайских и / или переводных / заимствованных названий	CNY – Chinese New Year, или CJ – от 春节 chūnjié, или SF – от Spring Festival – это 3 названия Китайского нового года по лунному календарю.
Вновь создаваемые цифровые обозначения, которые являются китайскими переводными / заимствованным понятиями	419 – for one night – на одну ночь в форме four one nine, произносится по-китайски как 四一九 – sìyījiǔ – 419
Транскрибирование аббревиатуры	DINK (Double Income No Kids) – двойной доход, но нет детей в виде транскрипции приобрело форму 丁克家庭 – dīngkè jiāting, которое дублирует фонетическое звучание аббревиатуры с добавлением слова семья
Замена аббревиатуры на фонетическое название	欧佩克 – Ōupèikè – Оупэйкэ – ОПЕК – ОПЭК

Половину данного массива представляли собой слова, в которых к латинской букве добавляется иероглиф / несколько иероглифов, а вторую половину – собственно английские аббревиатуры. В издании того же словаря от 2002 г. таких слов насчитывалось уже 142, среди которых 22 % составили слова, имеющие в своем составе букву и иероглиф / иероглифы, а остальные – английские

аббревиатуры. В издании этого словаря 2007 г. число аббревиатур достигло 239 [Пронина 2013].

В исследованном нами предпоследнем издании данного словаря от 2012 г. число аббревиатур достигло 284, из которых в 45 аббревиатурах к латинской букве добавляется иероглиф или несколько иероглифов, а 239 аббревиатур состоят только из английских букв. Общее число зафиксированных в данном словаре аббревиатур выросло с 1996 г. по 2012 г. в 2 раза. При этом, первая группа сократилась до менее чем 19 %, а вторая превысила 81 %, что свидетельствует о нарастании тенденции полных заимствований аббревиатур без сопроводительного пояснения китайскими иероглифами.

Характерно, что, после того как в процессе заимствования в китайском языке появились буквенная, цифровая и комбинированные формы записи и аббревиатуры, последние стали занимать всё более весомое место в числе фиксируемых новых заимствований, однако абсолютная численность первой группы также возросла.

Таблица 3

Комбинированный способ цифрового или буквенного заимствования в сочетании с иероглифами

Варианты заимствования	Примеры заимствования
Смешанные англо-китайские сокращения с использованием аббревиатур: аббревиатура + китайская морфема	AA 制 – AA zhì – формула расчетов, по которой каждый платит за себя: AA 购物 – AA gòuwù – AA shopping – AA шоппинг
Цифровое или буквенное обозначение слов или понятий в сочетании с иероглифами	сокращенное наименование X射线 – X shèxiàn – X-rays – рентгеновские лучи
	передача формы предмета shoe V-mould – V-鞋模 – V-xié mó, т. е. V-образная форма для отливки обуви
	三 K党 или 3 K党 – sān K dǎng – KKK или Ku Klux Klan – Ку Клукс Клан

Смешанные англо-китайские сокращения создаются при помощи частичного цифрового или буквенного использование во вновь образованных терминах и понятиях английских букв или названий, передающих содержание явления, форму или сокращенное наименование предмета или явления. Лексические единицы данного типа содержат в своем составе англоязычную аббревиатуру, букву или цифру и уточняющий значение иероглиф:

BP机 – BP *jī* – пейджер;

D盘 – D *pán* – диск; IP电话, IP *diànhuà* – интернет-телефония;

IC卡 – IC *kǎ* – электронная карта; 3G手机 – *sān G shǒujī* – мобильные телефоны третьего поколения (*sān* – три + Generation поколение + *shǒujī* – мобильный телефон);

MP三 – MP3 – MP3-плеер;

ATM机 – ATM *jī* – ATM machine – банкомат;

3F女性 – *sān F nǚxìng* – 3 F (fat, fertile, fourty) *woman* – женщина 3 Ф, т. е. полная, способная к воспроизведению потомства женщина после сорока лет.

В рамках данной статьи мы ставили задачу определить, какие ранее не отмеченные исследователями способы заимствования активно используются на современном этапе. Изучение заимствованной из английского языка в китайский язык ранее изученной и вновь выявленной лексики позволяет выделить **новые способы заимствования** и дать им следующие дополнительные и уточняющие характеристики:

1) трансформация фонетического заимствования в семантическое;

2) трансформация семантического заимствования в фонетическое;

3) многоуровневое фонетическое и семантическое заимствование;

4) фонетико-семантическое заимствование с последующим сокращением число иероглифов;

5) фонетико-семантическое заимствование с увеличением числа иероглифов;

6) цифровое или буквенное замещение слов или понятий.

Подчеркнем, что в процессе исследования был выделен новый репрезентативный массив заимствований, анализ которого, наряду с собранными из многочисленных иных источников (китайские СМИ, публикации на китайском, английском и русском языках по тематике изучения таких заимствований) данными, позволил выделить несколько новых способов заимствования или модификаций ранее изученных способов, а также дополнить ранее описанные новейшими примерами.

Таблица 4

Новые выделенные способы заимствования

Способы заимствования	Примеры заимствования
1. Трансформация фонетического заимствования в семантическое	AIDS – Acquired ImmunoDeficiency Syndrome, фонетическое заимствование которого в форме 艾滋病 – Àizhībìng трансформировалось в просторечное семантическое 爱人病 – Àirén bìng, т.е. дословно <i>болезнь любовников</i>
2. Трансформация семантического заимствования в фонетическое	<p>китайское смысловое заимствование слова <i>boycott</i> – 抵制 – dīzhì (смысловой перевод), т. е. <i>бойкот</i>, трансформировалось в фонетическое заимствование в форме 杯葛 – bēigé – бэйгэ</p> <p><i>angel</i>, т.е. <i>ангел</i>, в изначальной форме 天使 – Tiānshǐ (смысловой перевод), в настоящее время трансформировалось в фонетическое заимствование в форме 安琪儿 – Ānqí'ér – аньциэр</p> <p><i>rifle</i>, т.е. <i>ружье</i>, в изначальной форме 步枪 – bùqiāng, в настоящее время трансформировалось в фонетическое заимствование в форме 来复 – láifù – <i>лайфу</i></p> <p><i>microphone</i>, т.е. <i>микрофон</i> в изначальной форме 扩音器 – kuòyīn qì – <i>устройство для усиления звука</i> в настоящее время трансформировалось в фонетическое заимствование в форме 麦克风 – mài kē fēng</p> <p><i>email</i>, т.е. <i>электронный адрес</i> в изначальной форме заимствования 电子邮件 – diànzǐ yóujiàn, в настоящее время трансформировалось в 伊妹儿 – yīmèier – имэйэр (фонетическое заимствование) или 疫苗 – yīmiáo – Email. В последнем примере в разговорной речи имеет место максимальное фонетическое приближение к заимствованному слову, хотя и используется в этих целях китайское слово, означающее дословно <i>вакцина</i></p>
3. Многоуровневое фонетическое и семантическое заимствование	<p>1) 比基尼 bǐjīn – бицини – bikini – <i>бикини</i></p> <p>2) 比基尼泳装 bǐjīn yǒngzhuāng – бицини юнжжуан – <i>купальник бикини</i>, т.е. к фонетическому заимствованию добавлено слово 泳装 – купальник</p> <p>3) 三点式游泳衣 sāndiǎnshì yóuyǒng yī – <i>бикини</i>, т.е. дословно <i>трехточечный купальник</i> (заметьте, что данное слово при заимствовании использовало 3 варианта способов заимствования)</p>

Способы заимствования	Примеры заимствования
4. Фонетико-семантическое заимствование с сокращением количества иероглифов	Olympic Games – 奥林匹克运动会 – Àolínpíkè yùndònghuì, т. е. <i>Олимпийские игры</i> , первая часть слова представляет собой фонетическое заимствование, а вторая означает спортивные соревнования. В последующем слово сократилось с 7 до 3 иероглифов 奥运会 – Àoyùnhuì
5. Фонетико-семантическое заимствование с увеличением числа иероглифов	Отметим, что современному китайскому языку свойственно не только укорачивание длинных заимствований, но и трансформация односложных заимствований в более понятные двусложные. Примером могут служить слова 阀 fá – valve – <i>вентиль</i> , которое трансформировалось из одно слога в более понятный двуслог 阀门 fámén – <i>вентиль</i> или <i>клапан</i> посредством присоединения к фонетическому заимствованию смысловой китайской морфемы 门 mén – <i>запор, задвижка</i>
6. Цифровое или буквенное замещение слов или понятий	фонетическое копирование слова bye-bye, т. е. пока-пока в форме 拜拜 bàibài – <i>байбай</i> , указываемое в современных китайских словарях, трансформировалось в 88 – bābā – <i>баба</i>
	BB – baby по начальным буквам от 宝贝 – bǎobèi – <i>баобэй – младенец</i>

Подчеркнем, что если на предыдущих этапах процесса фонетического и семантического заимствования английских слов и понятий в китайский язык превалировало их включение в оборот для обозначения абсолютно новых слов и понятий, то в настоящее время просматривается тенденция замещения уже сформировавшихся семантических иероглифически закрепленных и словарно оформленных заимствований на лексические единицы с китайскими морфемами и родовыми словами, а также на аббревиатуры или фонетические, в том числе гибридные, заимствования.

Отметим, что вопреки бытующему среди иностранцев представлению о широком распространении в КНР английского языка, только около 10 млн китайцев из 1,4 млрд китайцев КНР, т. е. менее 0,7% всего населения, могут с той или иной степени относительно свободно пользоваться английским языком. Это один из самых низких в мире пропорциональных численности населения показателей знания английского языка. При этом заимствования продолжают проникать в китайский язык и закрепляться в нем в первую

очередь среди образованной и профессионально ориентированной на внешние контакты части населения, хотя и не оказывают на язык в целом серьезного влияния и не распространены в широкой массе носителей китайского языка.

В то же время в среде китайцев, в СМИ Китая всё чаще используются английские слова, как в оригинальном варианте и произношении, так и в форме подвергшихся ассимиляции заимствований. Некоторое распространение на торговых улицах крупных городов получило употребление слов *hi, hello, money, dollar, PC, DVD* (могут быть произнесены и произносятся практически без фонетических искажений, поскольку в китайском языке есть идентичные или близкие по звучанию слога), *cheap* (преимущественно в форме *chipa*), *humor* (преимущественно в форме *youmo*) и некоторых других.

Следует отметить также такое явление, как *Chinglish* (язык пиджин или английский в китайском стиле), которому присуще привнесение в английский язык специфики китайского произношения, лексики и грамматики. Для этого языка характерно использование перевода устойчивых китайских выражений, которые не свойственны английскому языку, например: *lose face* – 丢面子 – *dīumiànzi*, т. е. *потерять лицо* или *быть униженным*; *long time no see* – 好久不见 – *hǎojiǔ bùjiàn* – *давненько не виделась*; *no can do* – 不能做/干不了 – *bùnéng zuò / gān bùliǎo* – *невозможно сделать*; *good good study, day day up* – 好好学习•天天向上 – *hǎo hào xuéxí, tiāntiān xiàngshàng* – *упорно учиться, день ото дня повышать свой уровень*; *no wind no waves* – 无风不起浪 – *wúfēng bùqǐlàng* – *нет волн без ветра*, т. е. *нет дыма без огня*; *people mountain people sea* – 人山人海 – *rénshān rénhǎi* – *народу видимо-невидимо* и др. Два первые выражения из перечисленных интегрировались, по имеющимся оценкам, в английский язык.

Встречаются и парадоксальные формы: так попытка подстроить под китайскую грамматику переводное выражение *не знаю* превратило *don't know* (аналог китайского 不知道) в *no know*, а затем в *no no*.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что заимствованные иностранные, и в первую очередь английские лексические единицы используются в основном тогда, когда в китайском языке им нет альтернативы. Более того, как показывает проведенное исследование, с течением времени многие

заимствования перестают восприниматься таковыми и не фиксируются (за некоторыми исключениями) в словарях в качестве заимствованных лексических единиц, что четко демонстрируется сопоставлением лексического наполнения последующих изданий словарей современного китайского языка с предыдущими. Иными словами, специфичность и самобытность китаеязычного и китаецентричного мира за короткий исторический период приводит посредством присущих китайскому языку особенностей к поглощению и ассимиляции заимствований.

Единственным ярко выраженным исключением из этой тенденции является нарастающее вкрапление в современный китайский язык аббревиатур, что стало относительно новым явлением для формирующейся на протяжении нескольких тысячелетий иероглифической письменности. По своей значимости подобный процесс может быть сравним с переходом современного китайского языка в незначительной его части с иероглифического на буквенное написание.

При этом заимствуются в основном именно аббревиатуры, которые несут в себе расширительный смысл при минимизировании формы, что характерно для китайского языка в целом. Сами аббревиатуры воспринимаются китайцами как своеобразные иероглифы нового типа и читаются нередко не в английском фонетическом варианте, а на китайском языке в соответствии с фонетиками сокращаемых ими иероглифических терминов.

Характерно, что и при такой частичной трансформации китайского языка он развивается строго в соответствии со своими внутренними законами, действие которых направлено на его смысловое насыщение с одновременным сокращением формы, что характеризует идеографическое письмо в целом и отличает его от фонетического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болсуновская Ю. А., Матназаров Т. У., Болсуновская Л. М.* Русские и английские заимствования в китайском языке // Молодой ученый. 2015, № 8. С. 1099–1101.
- Жукаускаене Т. С., Холдаенко И. С.* Заимствования в китайском языке: влияние английского языка в условиях глобализации // Текст. Книга. Книгоиздание. 2015. № 1 (8). С. 31–42.

- Кленин И. Д.* Звуковые заимствования в современном китайском языке // Труды института иностранных языков. 1969. № 5. С. 198–207.
- Котельникова Н.* Англоязычные заимствования как элемент лингвистической глобализации современного китайского языка. Киев, 2005. С. 34–37.
- Ли Е, Владимирова Л. В.* Техника перевода заимствований в русском и китайском языках лексические заимствования, сопоставление, англицизм, техника перевода. Казань : КФУ, 2013. С. 218–224.
- Ли Сяобай, Полищук Е. В.* Англицизмы и китаефикация: заимствования из английского языка и процессы их освоения в китайском языке // Вестник ТеГУ. Филология. 2016. № 4. С. 130–135.
- Перфильева Н. В., Ху Пэйпэй.* Словообразовательные модели неологизмов-заимствований в русском и китайском языках // Журнал «Российский университет дружбы народов». 2012. № 4. С. 69–75.
- Пронина Т. В.* Английские заимствования в китайском языке как результат процесса глобализации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24). С. 166–169.
- Словарь современного китайского языка. 现代汉语词典. Пекин, 2012, 1789 с.

УДК 81-23

С. Н. Шевченко

аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания МГЛУ;
e-mail: floradale@mail.ru;

**ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ АССОЦИАЦИЙ
В СТРУКТУРЕ АССОЦИАТИВНОГО ПОЛЯ
(на примере стимулов-лексем полезных ископаемых)**

В статье показано, что культурный пласт семантики занимает большое место в общем объеме значения слова, это подтверждается многочисленными культурными ассоциациями в структуре ассоциативного поля как в русском, так и в английском языках. Для их анализа используются данные ассоциативных экспериментов, проведенных автором статьи, а также данные словаря *Edinburg Associative Thesaurus*. Предпринята попытка обозначить параметры культурных ассоциаций и выявить принципы их выделения в структуре ассоциативного поля. Определено, что культурный компонент не является замкнутым и устойчивым, его границы часто размыты. Процессы языковой и бытовой дивергенции и конвергенции оказывают влияние на функционирование культурных элементов значения. Это приводит к градуальности в выражении самобытности: от уникальности до культурного заимствования. Предлагается несколько подходов к классификации культурных ассоциаций и выделения их типов и подвидов: по степени выраженности в них национальной специфики, по способу их образования и по отнесенности к определенной контекстуальной среде.

Ключевые слова: ассоциативное значение; культурная ассоциация; заимствование; экстралингвистическая информация; классификация.

Shevchenko S. N.

PhD Student, Department of General and Comparative Linguistics, MSLU;
e-mail: floradale@mail.ru;

**THE PROBLEM OF DISTINGUISHING CULTURAL ASSOCIATIONS
IN THE STRUCTURE OF ASSOCIATIVE FIELD
(on the examples of stimuli-lexemes of natural resources)**

The considerable number of cultural associations identified in the structure of the associative fields suggests that the cultural segment of semantics takes a large place in the total volume of word meaning. The materials used for the analysis are based on the data got in the experiments which have been carried out by the author (the Russian language) and the data taken from the «*Edinburg Associative Thesaurus*». The article tries to reveal some characteristics of cultural associations, to find the grounds of their identification in the structure of associative field. The cultural component is shown to be an open, unfixed formation with blurred boundaries. The processes of life and language convergence and divergence

influence the functioning of cultural components of meaning. It results in different extents of originality: from uniqueness to cultural borrowings. The author suggests some ways to classify cultural associations and to describe their types and kinds: depending on the degree of national specifics, on the way of their formation, on connection with certain contextual environment.

Key words: associative meaning; cultural association; borrowing; extralinguistic information; classification.

Возрастающий интерес к исследованию особенностей взаимодействия языка и культуры, способов выражения национальной специфики в языке является основанием того, что ассоциативное поле лексемы рассматривается как источник информации о культурном содержании значения слова, а выделение культурных ассоциаций в его структуре представляет научный интерес. Целью данной статьи является определение параметров культурных ассоциаций, анализ их особенностей, изучение их места и роли в структуре ассоциативного поля, выявление способов их классификации.

Выделение и описание культурных компонентов значения связано с определенными трудностями. Они возникают, в частности, из-за сложности и неоднозначности толкования самого понятия «культура». В лингвистике и лингвистической семантике культура, как правило, понимается как проявление национального своеобразия, национальной специфики и самобытности. Еще В. Гумбольдт отмечал, «что слова разных языков, даже обозначая в целом одинаковые понятия, все-таки никогда не бывают в подлинном смысле синонимами» [Гумбольдт 1984, с. 181]. «Cultural ways ... have sedimented in the memories of group members who have experienced them firsthand or merely heard about them, and who have passed them on in speech and writing from one generation to the next» [Kramsh 1998, с. 7] (Проявления культуры запечатлеваются в памяти определенной группы людей, которые непосредственно или опосредованно сталкиваются с ними; позже они переносят представления о культуре в устный и письменный язык, передающийся от одного поколения к другому (перевод наш. – С. III.)).

Культурный компонент значения выступает противоположностью универсальному, связанному с общими для всех людей принципами мышления. Самобытное, национально-специфичное обнаруживается в разных типах значения: денотативных (относящихся к характерным для культуры реалиям), концептуальных

(связанных с наличием особых значимых для нации представлений), коннотативных (передающих разные оценки и эмоции), переносных (демонстрирующих разные направления и основания переноса), лексических (имеющих различную сочетаемость в языке). Поскольку ассоциативные связи репрезентируют все эти типы значения, ассоциативное поле лексемы можно рассматривать как эффективный инструмент изучения культурного компонента его семантики. В.Н.Телия указывает на существование отношений «между образно мотивированной формой языковых единиц и воплощенной в нее культурно значимой ассоциацией, значение которой постигается осознанно или бессознательно в процессах интерпретации образного основания в “оснастке” культуры – в ее категориях, выраженных в концептах, эталонах, стереотипах и т. д.» [Телия 1996, с. 233].

Культурная ассоциация – вид ассоциации, содержащей культурно-специфичную информацию, отсутствующую в универсальных представлениях, характерных для всего человечества. Однако провести границу между универсальным и национально-культурным довольно сложно по причине их функционального единства. «Культурное пространство имеет свои границы, которые отличаются проницаемостью, условностью и абстрактной относительностью, что делает невозможным указание на окончание “одной культуры” и начало “другой”» [Мильруд 2013, с. 44]. Тем не менее культурные ассоциации можно классифицировать по степени выраженности в них самобытности. О крайнем ее проявлении – уникальности – мы говорим, если обнаруживаем определенное языковое явление или ассоциацию только в одном языке. Однако многие языковые явления нельзя отнести ни к уникальным, ни к универсальным. Они попадают в разряд самобытных (национально-специфических). К таким культурно-специфичным ассоциациям можно причислить те, в которых отражаются универсальные представления, но которые в разных языках имеют разную значимость, выраженную в разной частотности, а также в наличии национально-своеобразных коннотаций.

Культурные заимствования также правомерно рассматривать как элементы культурного слоя в том случае, если они приобретают особую значимость в новой культуре и в новом языке, образуют самобытными коннотациями и испытывают семантические

расширения. Хотя «одна культура всегда противопоставлена своими признаками другой и познается в таком противопоставлении, однако существует немало случаев, когда семиотика одной культуры столь же успешно принадлежит и иной культуре» [Мильтруд 2013, с. 44].

Помимо деления культурных ассоциаций по степени выраженности в них национальной специфики на *уникальные, самобытные и заимствованные*, их можно также классифицировать по способу ассоциирования. Здесь выделяются ассоциации *прямые, опосредованные и сложные*. В прямых ассоциациях стимул и реакция связаны непосредственно: реакция представляет собой интерпретацию или характеристику стимула. Опосредованные ассоциации – тип ассоциаций, где стимул и реакция связаны не напрямую, а через посредство промежуточного представления. Примером может служить ассоциация *рубин – Казань*, в которой посредником выступает известный футбольный клуб. Сложные ассоциации – это ассоциации, которые нельзя отнести однозначно к тому или иному типу. Это такие ассоциации, как *salty – Joe*, в которой *Joe* одновременно является и собственным именем (ономастическая ассоциация), и в то же время *Salty Joe* – герой серии компьютерных игр «Banjo-Kazooie» (литературно-мифологическая ассоциация). Сложные ассоциации могут быть полисемичными, например ассоциация *медь – трубы* может трактоваться как 1) часть известного фразеологизма – испытание медными трубами; 2) как инструменты духового оркестра; 3) собственно как трубы из меди.

Еще один способ классификации основан на выделении типов культурных ассоциаций. Первую группу составляют предметно-бытовые ассоциации. Они представляют собой указание на реалии либо явления, обнаруживаемые в одной культуре и отсутствующие в другой. Примерами могут служить ассоциации *медь – самовар, coal – scuttle* (угольное ведро). К уникальным для русского языка предметным ассоциациям можно отнести, например: *уголь – баня, соль – борщ, янтарь – комната*. К культурным ассоциациям, представленными явлениями, могут относиться, например, *железо – экономика РФ*. А такие ассоциации на слово *серебро*, как *церковь* (3)¹, *вера, почитается в религии, святая вода*, а также на слово *гранит* реакция *метро* хоть и не являются абсолютно уникальными,

---

¹Цифры в скобках здесь и далее указывают на частотность ассоциативных реакций.

но отражают национальную специфику жизни народа, их можно отнести к разряду самобытных.

Английские культурные предметно-бытовые ассоциации с высокой долей уникальности могут быть проиллюстрированы примерами: *coal – donkey* (осликов традиционно использовали для транспортировки угля на небольших угольных шахтах), *copper – kettle* (15) (вид медного чайника). К ним правомерно причислить и упоминание национальных монет и денег: *copper – penny* (9), *tin – money*. К типично английской реалии отсылает нас ассоциация *tin – whistle*, которая имеет отношение к флейте, используемой в народной музыке Англии, Ирландии, Шотландии. Ассоциация *tin – bag* возникает из-за модной дамской сумочки, похожей на жестяную форму для выпечки (*cake tin bag*).

К уникальным ассоциациям английского языка, связанным с национально-специфическими явлениями, можно отнести *golden – handshake*. Британское выражение *golden handshake* означает многомиллионную страховку для служащих, занимающих высокий пост в больших корпорациях, на случай их увольнения, сокращения и т. п. А популярное в культуре народа развлечение – стрельба по летящим мишеням (*clay pigeons / глиняным голубям*) приводит к частотному ассоциированию слов *clay* и *pigeon* (8).

Глина в обоих языках имеет отношение к фигуркам, игрушкам, сделанным из этого материала, однако эти игрушки представляются носителям языка различными. В русском языке стимул глина часто соседствует с реакциями *свисток* (2), *свистулька* (2), в английском языке обнаруживаем слово *tanger* (*ясли*). В английской культуре очень популярны фигурки на тему Рождества, изображающие волхвов, барашков; в русской – обычны барышни, всадники, петушки и животные.

Ко второй группе ассоциаций относятся литературно-мифологические. Это ассоциирование с героями сказок, мифов, литературных произведений (*серебряное – копынце, tin – man*). В наш век развитых медиатехнологий большой вклад в пополнение этой группы вносят художественные фильмы, компьютерные игры, комиксы. Здесь редко обнаруживаются уникальные ассоциации, потому что представления в этой области легко транслируются и заимствуются. К числу таких ассоциаций, в основе которых лежит культурное заимствование, можно отнести следующие: *железо – человек* и *платина – Тони Старк* (американские комиксы), *олово –*

стойкий оловянный солдатик, глина – голем (2); изумруд – город (3), сказка (2), изумрудный – город (36); аквамарин – зарубежный фильм, русалка; сапфир – Аватар, фильм, лук.

Однако обнаруживаются и специфические уникальные русские литературные ассоциации: медь и медный ассоциируются со словами гора (6) и всадник (4), такие соединения основываются на литературных произведениях «Хозяйка медной горы» и «Медный всадник»; к этой же группе относятся ассоциации золотая – рыбка (2) и золотой – теленок.

Обнаруженные следующие английские медийные ассоциации: *silver – witch*; *silver – stallion*; *silver – shroud* (компьютерная игра); *tin – drum* (2) (немецкий фильм, заимствование).

К мифологической ассоциации можно отнести английскую *tin – hat* (3), поскольку в ней запечатлена мифологема (не свойственная русской культуре), основанная на вере в то, что шапка из фольги (*tin foil*) защищает человека от постороннего влияния на мозг и мышление.

В числе культурных ассоциаций выделяются языковые фразеологические, вскрывающие существующие в языке связи. Они указывают на устойчивые обороты речи. «Наиболее яркой языковой особенностью, в которой отражена культура народа, являются фразеологизмы и паремии, метафоры и символы» [Маслова 2008, с. 111]. Например, частотная ассоциация *chalk – cheese* (10) отсылает нас к распространенным английским поговоркам: *as alike (different) as chalk and cheese / can't tell chalk from cheese*. Группа языковых фразеологических ассоциаций среди прочих культурных ассоциаций представлена наиболее широко. Этот тип культурного ассоциирования лидирует как по генерируемым разнообразным реакциям, так и по реакциям, попадающим в центральную ядерную часть ассоциативного поля. Устойчивые языковые выражения русского языка отражены в следующих ассоциациях: *гранит – наука* (7), *науки* (3); *алмаз – глаз* (8); *соль – хлеб* (2); *соль – поваренная* (2); *медь – таз, тазы; медь – трубы* (5); *песок – сахар*. Уникальным, по-видимому, является ассоциирование *песочное – печенье* (28), *тесто* (9), *торт* (4), *пирожное* (3), *пирог* (2), так как похожих языковых оборотов не обнаруживается не только в английском языке, но и в других европейских языках. Фразеологические ассоциации *золото – купола*, *золото – руки*, *золото – ребенок-золотце* хотя и не

являются уникальными, но относятся к культурным самобытным, поскольку они имеют особую значимость для русской культуры, выражающуюся в том числе в высокой частотности.

В английском языке ассоциирование с устойчивыми языковыми выражениями обнаруживается также часто. Приведем примеры уникальных ассоциаций: пара *silver – lining* (2) имеет отношение к пословице *Every cloud has a silver lining*; *sandy – boy* является элементом поговорки *as happy as a sandy boy*; чрезвычайно частотная ассоциация *salt – pepper* (41) может рассматриваться и как разговорное название полицейской черно-белой машины *salt-and-pepper*, а также эту форму употребляют применительно к описанию группы людей, в которой есть представители как белой, так и черной рас; *tin* и *lid* связаны между собой через фразеологизм *to put a tin lid on something* (положить конец чему-либо, некоторый аналог русскому *накрыться медным тазом*); *iron* и *fist* соседствуют в поговорке *iron fist in a velvet glove*; а ассоциация *sand – of time* представляет собой реконструкцию распространенного выражения. Нехарактерное для русских наименование желтого цвета светофора янтарным находит отражение в следующих английских ассоциациях: *amber – gambler* (4) со значением «лихач, пренебрегающий желтым светом», *lights* (3), *traffic* (2), *traffic lights* (2), *get ready, go*. Типично английское обозначение холодной погоды *brass monkey weather* приводит к появлению ассоциаций: *brass – monkey* (8), *monkeys* (2). Brass также ассоциируется со словами *bold* (2) и *neck*, так как выражение *brass neck* означает «наглость в поведении». Что же касается сочетания *brass* и *hat*, то оно относит нас к человеку, занимающему высокий пост.

Ценностные характеристики меди при переносе значений в русском мышлении не представляются высокими, в английском же языке выражение *copper-bottomed* говорит о надежности и прочности, данное языковое сочетание воспроизводится ассоциацией *copper – bottom* (3). Культурная языковая ассоциация может восстанавливать даже фразовый глагол: *iron – out* (6), имеющий значение «уладить, решить», который можно рассматривать как национальный концепт из-за его высокой частотности и значимости для культуры. Другая типично английская ассоциация *gold – digger* имеет отношение к известному фразеологизму со значением искательница богатых женихов. Ассоциация *golden – hours* (2)

говорит о «золотом часе», так в английском языке именуют первый час после происшествия или ДТП, когда еще велики шансы спасти пострадавшего.

В разных культурах имеются одинаковые реалии, но номинируются они по-разному, и ассоциации, отражающие особый способ номинации, также можно отнести к культурным. В английском языке утюг метонимически называется словом *железо*. Это служит основанием появления частотной реакции *iron – clothes* (6). Аналогичным образом выстраивается ассоциация *tin – can* (31), подразумевающая под собой консервную банку и вызывающая к жизни множество опосредованных реакций на слово *tin*: *beans* (3), *food* (2), *fruit* (2), *opener* (2), *beef*, *biscuit*, *container* и др.

Четвертый тип ассоциаций, который был выделен, представлен названиями ономастической лексики. В качестве примера можно привести ассоциирование с личными именами (характерный способ для английского языка и малохарактерный для русского): *гранит – Ленин*; *лазурь – Михаил Круг*; в английском языке: *diamond – John*; *clay – Cassius* (6); *sandy – Randy* (2); *sandy – Nicol*; *gold – smith*. Среди рассматриваемых ассоциаций помимо прямого указания на имена и фамилии можно встретить косвенное: *sandy – mother*, *sandy – father*, *sandy – dog*, когда личное имя содержится не в реакции, а в слове-стимуле.

Что касается географических названий, то ассоциирование с ними характерно для обоих языков. Конкретизирующие ассоциаты: *меловое – село* (Меловое), *песчаное – село* (Песчанка). Ассоциации, основанные на отношениях смежности между стимулом и реакцией: *янтарь – Балтика*, *янтарь – Калининград* (2), *гранит – Петербург*, *изумруд – Урал*, *соль – Украина*, *алмаз – Якутия* (3), *уголь – Украина* (2), *уголь – Донбасс* (3), *Кузбасс*. Аналогичные пути ассоциирования наблюдаются и в английском языке: *Iron – Sheffield*, *Port Talbot*; *clay – London*; *salty – Epsom*; *granite – Aberdeen* (6), *Cornwall*; *tin – Cornwall*; *brass – Lancashire*; *chalk – Dover*; *sandy – Bedford*. Топографические имена встречаются также в названиях продуктов: *Newcastle brown* (марка пива) – реакция на слово *amber*. Приведенные выше примеры показывают, что в системе ассоциатов проявляются экстралингвистические знания носителей лингвокультуры.

Помимо антропонимических и географических имен, ассоциативные реакции широко представлены другими названиями.

В русской части анализа обнаруживаем следующие ассоциации: *золотой – граммофон* (музыкальная премия); *золотой – орел* (кинопремия); *серебро – группа* (5); *серебряная – пуля* (4) (опрашиваемые поясняют, что источник ассоциации – название мороженого); *серебряный – соболев* (4) (название ювелирного магазина, активно рекламируемого в региональных СМИ). Весьма частотной на стимул *рубин* является реакция *футбольный клуб* (13), также обнаруживаются реакции: *футбол* (3), *болельщики*, *телевизор* (название советской марки), *кино*.

Ассоциации английского языка, в которых отражены различные названия, следующие: *golden – gate* (мост Золотые Ворота в Калифорнии); *golden – lion* (название гостиницы); *golden – horn* (залив Золотой Рог у берегов Турции); *silver – snails* (Silver Snail – известная фирма из Торонто, распространяющая комиксы); *azure – kingfisher* (подвид зимородка); *clay – cotton* (компания, продающая товары для дома); *copper – beech* (вид бука); *salty – dog* (популярное название, которое имеют бар, кафе, гостиница, чипсы, издатель комиксов) и др.

К уникальным также можно отнести группу фонетических паронимических ассоциаций. В ассоциативном словаре английского языка «Edinburg Associative Thesaurus» таких ассоциаций немного. Чаще в качестве реакции выступает созвучное слово: *tin – sin*, *salt – malt*, *sandy – randy*, *amber – clamber*.

В русском было обнаружено большое число ассоциаций по схожести звучания. К частотным и повторяющимся относятся: *бирюза – береза* (8), *янтарь – январь* (3). Среди единичных были обнаружены: *аквамарин – аквариум*, *гранит – гранат*; *сапфир – кефир*; *олово – оливки*; *свинец – свинья* и др.

В фонетической группе можно выделить не прямые ассоциации. Наиболее продуктивным стимулом оказалось слово *платина*. Респондентами оно часто воспринимается как *плотина*, что вызывает следующие реакции: *река* (2), *бобр* (2), *бобры*, *переправа*, *вода*, *наводнение*, *корабль*, *дамба*.

Исследовав особенности культурных ассоциаций в структуре ассоциативного поля, можно сделать следующие выводы: культурная ассоциация возникает из представлений, которые нельзя считать универсальными для всего человечества. Однако национальная специфика градуальна: она может выражаться в разной

степени уникальности (неповторимости), самобытности (некоторой специфичности), культурном заимствовании. Четкие границы между ними провести сложно из-за постоянных семантических дивергенций и конвергенций, происходящих в языках и культурах.

По отнесенности культурных ассоциаций к контекстуальной среде их можно разделить на предметно-бытовые, литературно-мифологические, языковые фразеологические, ономастические и фонетические паронимические.

Культурные ассоциации можно также классифицировать по способу их образования: здесь выделяются прямые, опосредованные и сложные ассоциации.

В ходе исследования было определено, что в структуре ассоциативного поля культурные ассоциации составляют 10,6% (русский язык) и 22% (английский). В свободном ассоциативном эксперименте они чаще обнаруживаются в периферийных слоях (68%), в направленном (подбор существительного к прилагательному) – в ядерных (81%). Наиболее многочисленными оказались фразеологические и литературно-мифологические ассоциации. Последние легко теряют свою уникальность в ходе заимствования.

Ассоциативный метод является эффективным при изучении культурного компонента семантики, поскольку ассоциативное значение в гораздо большей степени, чем лексическое, передает экстралингвистическую информацию о жизни и культуре народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
- Маслова В. А.* Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2001. 208с.
- Мильруд Р. П.* Язык как символ культуры // Язык и культура. 2013. №2 (22). С. 43–60.
- Телия В. Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический, лингвокультурный аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
- The British National Corpus (BNC). 100,000,000 words. URL: www.corpus.byu.edu/bnc/
- The Edinburgh Associative Thesaurus. URL: www.eat.rl.ac.uk/
- The free dictionary. URL: www.thefreedictionary.com/
- Kramsh C.* Language and culture. Oxford : Oxford University press, 1998. – 130 p.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

Р. С. Войтехович

доктор философии; лектор отделения славистики Тартуского университета.
Эстония; e-mail voitehh@mail.ru, rina@ut.ee

ПРЕДЕЛЫ «БЕЗМЕРНОСТИ» МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматривается понятие «безмерность», которое стало одним из ключевых терминов при описании творческой личности и поэтики Марины Цветаевой (1892–1941). Слово «безмерность» используется Цветаевой для характеристики своей личности, описания национального характера (русского и немецкого), географических объектов и типов творчества (например, лирики). Слово «безмерность» противопоставляется не только «мере», но и «форме». Несмотря на то, что понятие безмерности считается ключевым признаком поэзии Цветаевой (ср. название книги Ольги Ревзиной «Безмерная Цветаева»), оно встречается в поэзии Цветаевой только один раз – в триптихе «Поэты» (1923). Еще один раз оно присутствует в позднем переводе «Плавания» Шарля Бодлера. В остальных случаях идея безмерности выражена иначе. Оригинальное толкование слова «безмерность» дается только в прозе Цветаевой, и в ряде случаев *безмерность* получает значение индивидуальной *меры* или требует *меры* в качестве системного дополнения.

Ключевые слова: Марина Цветаева; безмерность; мера; форма; характер; поэзия; проза.

Voitekhovich R. S.

Doctor of Philology (Dr.habil.), Lecturer at Slavic Department of the University of Tartu. Estonia; e-mail voitehh@mail.ru

THE LIMITS OF MARINA TSVETAEVA'S "BEZMERNOST"

The article deals with the concept of *bezmernost'* (immensity, immeasurability), which became one of the key terms in describing the creative personality and poetics of Marina Tsvetaeva (1892–1941). The word *bezmernost'* is used by Tsvetaeva for the characteristics of her personality, the description of a national character (Russian or German), geographical objects and types of creativity (for example, lyrics). The word *bezmernost'* is contrasted not only with the *mera* (measure), but with the *forma* (form, uniform, pattern, format, etc). Despite the fact that the notion of *bezmernost'* is considered a key feature of Tsvetaeva's poetry (compare the title of Olga Revzina's book *Bezmernaya Tsvetaeva*), it is found only once in Tsvetaeva's original poetry in the cycle *Poety* (1923). The other case is the translation of *Le Voyage* by Charles Baudelaire. In other cases, the

idea of *bezmernost'* is expressed by different words. The original and detailed interpretation of the word *bezmernost'* is given only in Tsvetaeva's prose where *bezmernost'* gets the value of an individual "measure" or requires "measure" as a systemic supplement.

Key words: Marina Tsvetaeva; immensity; measure; form; character; poetry; prose.

«Безмерность» – одно из самых характерных слов Цветаевой, одна из ее устойчивых автохарактеристик. Поиск в Интернете выдает чаще всего (и обычно в первую очередь) примеры из произведений Марины Цветаевой и цветаеведения. Это слово превратилось в ее визитную карточку, подкупая своей обобщенностью и кажущейся семантической прозрачностью. В действительности, цветаевская «безмерность» не безгранична, что мы и попытаемся показать ниже.

В большом академическом словаре это слово характеризуется очень кратко: «Неизмеримость, беспредельность. *Темно-синяя безмерность неба искрилась самоцветами.* Новиков-Прибой, Цусима <...>» [ССРЛЯ 1950, т. 1, стл. 349]. Это понятие выводится из прилагательного *безмерный* со значением «не поддающийся измерению; чрезмерный, беспредельный», как и семантика наречия *безмерно*: «очень, беспредельно» [там же]. Кратко обобщая, *безмерный* – это неизмеримый в силу огромности, неохватности.

В поэзии, однако, всё несколько сложнее. И первый сюрприз нас поджидает в словаре поэтического языка М. Цветаевой: в цветаевских стихах слово *безмерность* встречается... один раз и не совсем в обычном значении:

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?!

[Цветаева 1994, т. 2, с. 186]

Безмерность преподносится как признак лирической героини, которая в пространстве четко локализована. Если и имеются в виду специальные, квантитативные признаки, относятся они не к параметрам, которые определяются визуально (как, например, *безмерность неба*), а к относительным абстрактным нормам: безмерность поэтического вдохновения, владельческих притязаний «первенца»

и т. д. Слово *термос* метафорически переносит на «вдохновение» параметры объема и его ограничения (паронимически ассоциируясь со словами, производными от лат. *terminus* – *предел, граница*), а также температуры (др.-греч. θερμός – *тёплый*; отсюда *термы* – *баня*). Вертикально ориентированная температурная шкала градусника может служить символическим звеном, связывающим семантику разгоряченного вдохновения со структурой поэтического мира Цветаевой (ср. название «Поэмы Лестницы») и ее стилистикой (явная тяга к фигуре *градации* в композиции лирического типа).

Вдохновение рвется с «безмерностью» ввысь (как ртутный столбик) и во все стороны (как сжатый герметичным сосудом пар). Но этим значение цветаевской «безмерности» не исчерпывается, что становится видно только из контекста. Поскольку все пространственные параметры переведены в абстрактную и метафорическую плоскость, можно говорить об интериоризации этого пространства (в духе Ф. Тютчева: «Есть целый мир в душе твоей...»): внешний макрокосмос заменяется внутренним микрокосмосом, который представлен как неизмеримое разнообразие, нередко приводящее к внутренней войне, хаосу, кипящему буйству сил. Этому кипящему котлу радикализма противостоит «мир мер», в котором главной мерой становится умеренность, усредненность, серость.

Единожды использованная «безмерность» превратилась в визитную карточку Цветаевой не случайно. Несомненно, важно, что слово попало в программный триптих «Поэты» (1923), созданный на пике цветаевского творчества, и приведенная строфа находится в самой сильной позиции – в финале заключительного стихотворения «Что же мне делать, слепцу и пасынку...». Но еще важнее, что это стихотворное употребление поддержано множеством других: оно встречается в знаменитом цветаевском переводе «Плавания» Бодлера («... и происходит встреча / Безмерности мечты с предельностью морей»), нередко – в ее прозе; наконец, оно имеет ряд синонимичных выражений, связанных со словом «мера», т. е. с более обширным лексическим гнездом, куда входит и «безмерность», и «чрезмерность», и многое другое. Все это не имело бы такого важного значения, если бы не вписывалось в эстетику и поэтику Цветаевой в целом. Именно анализ всего творчества Цветаевой дал основания О. Г. Ревзиной назвать свою монографию «Безмерная Цветаева: опыт системного описания поэтического идиолекта» (2009).

Выражение «без мер» и «без меры» встречаются у Цветаевой, начиная с первых сборников («Люби без мер»; «Воля, поле, даль без меры»). В 1913 г. она обобщает: «Что мне, ни в чем не знавшей меры, / Чужие и свои?!» [Цветаева 1994, т. 1, с. 191]. В 1921 г. метафорически остраивает эту автохарактеристику: «Душа, не знающая меры, / Душа хлыста и изувера...» [Цветаева 1994, т. 2, с. 19]. Наконец, в 1923 г. создает классическую формулу, приведенную выше.

Несколько вторичных примеров: «я люблю тебя свыше / Мер – и чувств»; «Матери каждая пытка в <...> меру»; «Доктора узнают нас в морге / По не в меру большим сердцам»; «смешны <...> с высоты без меры, / Наши Беллеву и Бельдеверы!»; «Пред горестью безмерною <...> Что чувствуете...».

Идея «безмерности» присутствует у Цветаевой и как антитеза «меры», выступающей в негативном свете: «Ты, мерящий меня по дням...»; «Это сердце мое, искроу / Магнетической – рвет метр. // – «Метр и меру?». Ср. язвительный гимн «мере» в поэме «Крысолов» (1925), начиная со слов «Да соразмерит князь...» и инвектива против «чувства меры» в «Стихах к Пушкину» («Критик – ноя, нытик – вторя...» и т. д.).

В самом слове «безмерность» у Цветаевой важна полемичность, в обычной речи стертая: спор с шаблоном, стандартом и просто спор. Обновленное понятие «безмерности» заражает своим полемизмом круг других важных для Цветаевой понятий («беззаконность», «вольность», «прихоть», «стихийность», «гомеричность», «дионисичность»). Даже «спартанство», обозначающее самоограничение, у Цветаевой близко безмерности, потому что это «безмерное» самоограничение (изуверское, если вспомнить одну из приведенных выше цитат).

Цветаева способна иронизировать над своей «безмерностью» в поэме «Автобус»:

Не разведенная чувством меры –
Вера! Аврора! Души – лазурь!
Дура – душа, но какое Перу
Не уступалось – души за дурь?

[Цветаева 1994, т. 3, с. 755]

Образ Пушкина, «африканского самовола» («скалозубый, наглозорый»), которому приписано безмерное «чувство моря»

(вместо «чувства меры»), – не самый приятный портрет классика. Уже из этого примера видно, что «безмерность» Цветаева рассматривает не как свое уникальное качество. Это понятие возникает и применительно к Р. М. Рильке, ко всем русским (у них «не в меру большие сердца»), к детям, влюбленным, фанатикам, к чувствам, мечтам и всему, что «пере-», к бунту, морю и т. д.

В цветаевской прозе это слово встречается чаще и толкуется более определенно. Опустим простые и частные случаи. Рассмотрим случай относительно сложный. Цветаева пишет своему корреспонденту о том, что «безмерность» может помешать его отношениям с Эренбургами: «... повода к расхождению могут быть два: красота Л<юбови> М<ихайловны> и идеология И<льи> Г<ригорьевича>» [Цветаева, 1995, т. 6, с. 572]. И то, и другое (притяжение и отталкивание) в глубине души понятно и оправданно, но внешняя форма, внешние установления, стоящие на страже порядка, нарушаются: «Форма, нарушенная *Вами*. <...> нарушение формы – безмерность. Я неустанно делаю это в стихах, была моложе – только это и делала в жизни!» [там же, с. 572–573].

Таким образом, Цветаева признает, что ее «безмерность» проявляется главным образом в поэзии, в ее авангардистских установках, но не в жизни. В другом месте она пишет, что так и должно быть. Так она описывает немецкий характер и свой собственный в эссе «О Германии»: «Нет души свободней, души мятежней, души высокомерней! <...> Отсюда покорность. Ограничение себя *здесь* для безмерного владычества *там*. У них нет баррикад, но у них философские системы, взрывающие мир, и поэмы, его заново творящие. <...> Германия – тиски для тел и Елисейские поля – для душ. Мне, при моей безмерности, нужны тиски» [Цветаева 1994, т. 4, с. 552–553].

С Россией «безмерность» тоже ассоциируется, только иначе. В 1924 г.: «Безрадостность, безысходность, безраздельность, безмерность, бескрайность, бессрочность, безвозвратность, безглядность – вся Россия в *без*» [там же, с. 62]. В 1935 г.: «Это-то и есть Россия: безмерность и бесстрашие *любви*. И если есть тоска по родине – то только по безмерности мест: отсутствию границ. Многим же эмигрантами это подменено ненавистью к *загранице*...» [Цветаева 1995, т. 6, с. 428].

Применительно к собственным «безмерным» чувствам, Цветаева полагается на компенсацию со стороны партнера. Он должен

быть формой, пустым руслом, задающим направление лирическому потоку. Так, она пишет А. В. Бахраху: «Вы в начале *безмерности*. <...> Вы должны быть мне неким духовным оплотом. “Там, где все содержание, нет формы” – это Вы обо мне сказали. И вот, эта встреча чужого отсутствия (сплошной формы) с моим присутствием (содержанием) <...> я должна иметь в Вас <...> оплот против собств<енной> безмерности (хотя бы стихии Бессонницы!) <...> Я должна знать, что я вся в Вас дома, что мне другого дома не нужно» [там же, с. 590].

После неудачи с Бахрахом Цветаева сокрушается: «Вы были моим руслом, моей формой. – Опять разливаться!» [там же, с. 594]. Поразительным образом Цветаева варьирует здесь известную схему О. Вейнингера и В. В. Розанова (мужское начало в человеке – форма, женское – материя) [Вейнингер 1908; Розанов 1911], смещая только доминанту с мужского элемента на женский. У нее именно женский аморфный элемент является содержательным, а мужской-логический – формальным и внешним, обслуживающим. Она как бы берет платоновскую дихотомию Вейнингера и реинтерпретирует ее в духе Ницше.

Цветаева понимает, что поэзию порождает не одна «безмерность», но и ее укрощение в тексте. Она неоднократно возвращается к фразе Гёте: «In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister» («Только в ограничении проявляется мастер») [Цветаева 2000–2001, т. 2, с. 506; Цветаева 1994, т. 4, с. 13, 552, т. 5, с. 392]. В «Герое труда» она дает такое определение «безмерности»: «колыбель всякого творчества <...> как колыбель, преодоленной быть долженствующая» [Цветаева 1994, т. 4, с. 13]. По мнению Цветаевой, Брюсову такой колыбели не хватало: «он родился ограниченным <...> вне лирического потока» [там же]. Образцом мастера в другом месте она называет Маяковского и весь античный «статуарный» мир, а для Пастернака и Рильке делает исключение: «Маяковский более Meister и Meisterwerk, чем Пастернак, которого так же дико, как Рильке, искать в ограниченном мире мастерства и так же естественно <...> в неограниченном, ничем от нас не отграниченном мире чуда» [Цветаева, 1994, т. 5, с. 392]. Получается, что Пастернак и Рильке тоже могли бы пожаловаться на свою «безмерность в мире мер».

Еще одна характеристика «безмерности» – ее потенциальность, телеологичность. Цветаева пишет Николаю Гронскому:

«Хочу ... чтобы Вы после Волконского услышали Ремизова <...>. Такие сопоставления полезны, как некое испытание душевной вместиимости (подтверждение безмерности последней). <...> так душа и растет!» [Цветаева, 1995, т. 7, с. 200]. В статье «Поэты с историей и поэты без истории» этот рост души Цветаева связала с образом Гёте-путешественника: «Дело в неисчислимости минут, в бесконечности задач, в безмерности Колумбовых сил в нем. <...> А дорога ведет в бесконечность. А тени растут. И нет предела ни силам, ни пути!» [там же, с. 400].

Иными словами вместиимость души потенциально безгранична, но в каждый конкретный момент измерима охваченным ею расстоянием между равноудаленными друг от друга точками. И еще одно следствие, которое явствует из этого примера. «Безмерность» как измерение души бывает двух типов: экспрессивная и импрессионная. Принять Волконского и Ремизова – вместиить обоих – один тип. «Извергнуть» из себя Вертера – другой тип. «Безмерность» может проявляться в несдержанности или, выражаясь дипломатично, в боевом характере. В 1934 г. Цветаева пишет о своей дочери: «Аля, прежде всего, “гармоническое существо”, каким я никогда не была и каких я никогда не любила: всё в меру: даже ум – в меру, хотя очень умна, но не боевым (моим) умом, а – любезным, уступчивым» [Цветаева-Гайдукевич 2002, с. 76].

В «Искусстве при свете совести» она описывает проявление «безмерности» второго типа как акт творчества с инфернально-натальными коннотациями: «Пушкин, создавший Вальсингама, Пугачева, Мазепу, Петра — изнутри создавший, не создавший, а извергший <...> (Вертер, как Вальсингам, давит изнутри)» [Цветаева 1994, т. 5, с. 351–352]. Через поэта говорят стихии, и через других людей с поэтом говорят стихии, именно поэтому Цветаева фиксирует романтически понимаемое чувство возвышенного (смесь восхищения и ужаса), возникающее при ее знакомстве с другими: «Когда люди, сталкиваясь со мной на час, ужасаются тем размером чувств, которые во мне вызывают, они делают тройную ошибку: не они – не во мне – не размеры. Просто: безмерность, встающая на пути. И они может быть правы в одном только: в чувстве *ужаса*» [Цветаева 1997, с. 217–218].

Все персонажи романтической литературы для М. Цветаевой в определенном смысле «демоны», но они вовсе не обязательно

губительны и даже вообще отрицательны. Сравнивая Маяковского с Гюго, Цветаева именует их «живые силы, миром движущие»: «В этом он опять-таки сроден Гюго, <...> не давшему ни одного живого человека, как он есть, а Долг (Жавера), Добро (Монсеньера), Несчастье (Вальжана), Материнство (Фантину), Девичество (Козетту) <...> давшему так безмерно больше “живого человека”: живые силы, миром движущие» [Цветаева 1994, т. 5, с. 383].

Безмерность Маяковского заходит так далеко, что он и Врангелю воздаёт должное, создает «гениальные строки о последнем Врангеле, <...> данном в росте его нечеловеческой беды, Врангеле в рост трагедии» [там же]. В конечном счете, рассматривая любой поэтический образ как преувеличение, Цветаева, по сути дела, затрагивает вопрос типизации – установления (как сказал бы Ю. М. Лотман) структурно-семантической связи между конкретным образом и типом или топосом, т. е. «живой силой», отождествляемой иногда с идеей, а иногда – со стихией: кажется, Цветаева не делала между ними большой разницы. Тип – идея – стихия – общее место выступают фоном, на котором проявляется индивидуальный образ, придают ему силу, показывают его «во весь рост».

Отстаивая свое право на гиперболизм в построении образа Волошина (примеры: «Из-под цилиндра безмерное лицо в оправе вьющейся недлинной бороды» [Цветаева 1994, т. 4, с. 161]; «Дело в Киеве, и сады безмерные» [там же, с. 183]), Цветаева писала в 1933 г. Вадиму Викторовичу Рудневу то, с чем любой студент филологического факультета, думаю, согласится: «...нельзя от поэта ждать “объективной оценки”, <...> поэт есть усиленное эхо, окрашивающее отражение, вещь плюс я, т. е. плюс страсть. <...> мне этот упрек “преувеличений” ведом с колыбели <...> есть у меня <...> на него <...> ответ, а именно:

преувеличенно, то есть:

во – весь – рост

<...> такова вся моя природа – и *природа всякого поэта*. <...>

Без “преувеличения” не было бы не только ни одной поэмы – ни одной строки. <...> для меня, когда люблю и *благодарна*, все слова малы, <...> слово, даже “Бог”, безмерно-меньше чувства, его вызывающего, и явления, это чувство рождающего. Не перехвалишь. Не переславишь» [Цветаева-Руднев 2005, с. 22–23].

Здесь Цветаева касается старинной проблемы «невыразимого», которую она решает методом неистовых романтиков и современного

авангарда. 14–15 июля 1923 г. она пишет А. В. Бахраху: «Что такое слово, чтобы мочь уничтожить *чувство*? Я такой силы ему не приписываю. Для меня – все слова малы. И безмерность моих слов – только слабая тень безмерности моих чувств» [Цветаева 1995, т. 6, с. 567].

Примерно то же она пишет Б. Л. Пастернаку: «Это не чрезмерные слова, это безмерные чувства: *чувства*, уже исключают понятие меры! – И я говорю меньше, чем есть. <...> Буду в меру. В стихах – нет. Но в стихах Вы простите. <...> мне нужно сказать Вам безмерное: разворотить грудь! В беседе это делается путем молчаний. А у меня ведь – только перо! <...> Внешне – мне всё слишком много <...> В жизни я *безмерно-дика*, из рук сколько!» [Цветаева – Пастернак, 2008, с. 52].

В заключение заметим, что оппозицию «море – мера» в стихах к Пушкину Цветаевой можно рассматривать как образец корневого склонения Хлебникова (ср. о корневом склонении имени Валерий в «Герое труда» М. Боровиковой [Боровикова 1998, с. 171–180]), в связи с чем усиливается ассоциация «безмерности» Цветаевой с названием второго официального сборника Бальмонта «В безбрежности» (1895). Говоря о своей «безмерности», Цветаева подразумевает и «морскую» составляющую своего имени и собственного мифа. Причем больше всего эта морская семантика ассоциируется с юностью.

В статье «Поэт-альпинист» (1934) Цветаева пишет: «Пиши Гронский о море, то мерой его слова была бы не высота, а глубина, то есть он бы писал уже не высокопарно, а, скажем, безмерно. <...> что в молодых поэмах? Море. Море, безмерностью и бесформенностью своей соответствующее гадательной безмерности и достоверной бесформенности молодой души» [Цветаева 1994, т. 5, с. 454–456]. До этого – в «Наталье Гончаровой» (1929): «море здесь как единица меры (безмерности)» [Цветаева 1994, т. 4, с. 65]. В эссе «Мой Пушкин»: «Это море было в мою меру» [Цветаева 1994, т. 5, с. 89].

Вообще, Цветаева не боится мер, но ищет собственные: «Хотите слово самого большого поэта – не хочется сказать современности, не мое мерило» [Цветаева, 1995, т. 7, с. 320]. Но безмерность – тоже мера: «Просто, был 1916 год, и у меня было безмерное сердце» [Цветаева 1994, т. 4 с. 611]; «...моя возможность любить в мою

меру, т. е. без меры» [Цветаева 1995, т. 7, с. 704]; «...я себе, чувству меры в себе, всё-таки не доверяю, – ибо у меня *иная* мера (единственное, чему в себе доверяю – безмерность...)» [там же, с. 258]; «Я не рассчитана на вершки и на секунды... Где она – мера моей безмерности!» [Цветаева 1997, с. 178]. Характерно, что в комическом гимне «мере» из «Крысолова» безмерность Цветаевой выражается подстраничным примечанием, нарушающим все нормы: «В последующих строках ударяются слоги: первый, второй и последний» [Цветаева 1994, т. 3, с. 64].

Родившаяся вместе с русским символизмом в 1892 г. и впервые выступившая в год его кризиса в 1910 г., Цветаева несомненно тяготела к предельным понятиям, и в любви к «безмерности» сказалась эта тяга. В то же время «безмерность» интерпретировалась как значимая только на фоне «меры», «формы» и сама выступала как «форма», своего рода гипербола гиперболы: если гипербола преувеличивает объект, оставляя возможность соизмерения, то «безмерность» не оставляет этой возможности, снимая крайнюю границу гиперболизма, открывая бесконечную перспективу для движения и роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боровикова М. В.* К вопросу о реконструкции брюсовского мифа М. Цветаевой (на материале эссе «Герой труда» // Русская филология. 9: сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 1998. 404 с.
- Вейнинггер О.* Пол и характер. Теоретическое исследование / пер. с нем. В. Лихтенштадта ; под ред. и с предисл. А. Л. Вольнского. СПб.: Посев, 1908. 484 с.
- Розанов В. В.* Люди лунного света. Метафизика христианства СПб., 1911. 200 с.
- Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. Т. 1: А – Б. XLII с., 768 стб.
- Цветаева М.* Неизданное. Записные книжки: в 2 т. Т. II: 1919–1939 / подгот. текста, предисл. и прим. Е. Б. Коркиной и М. Г. Крутиковой. М.: Эллис Лак, 2000–2001. 544 с.
- Цветаева М. И.* Неизданное. Сводные тетради / подгот. текста, предисл. и прим. Е. Б. Коркиной и И. Д. Шевеленко. М.: Эллис Лак, 1997. 640 с.
- Цветаева М. И.* Письма к Наталье Гайдукевич / сост., подгот. текста и прим. Л. А. Мнухина ; вступ. ст. В. Завистовского. М.: Русский путь, 2002. 143 с.

Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7 т. / сост., подгот. текста и комм. А. А. Саакянц и Л. А. Мнухина. М. : Эллис Лак, 1994–1995.

Цветаева М., Руднев В. Надеюсь – сговоримся легко: Письма 1933–1937 годов / Издание подготовлено Л. А. Мнухиным ; предисл. В. К. Лосской. М. : Варгиус, 2005. 208 с.

УДК 82-1

А. Д. Жук

кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры отечественной и зарубежной литературы МГЛУ; e-mail: alexanzhuk@mail.ru

ОДИЧЕСКИЙ ГИМН В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII И XIX ВЕКОВ

Статья посвящена одическому гимну как особой разновидности жанра гимна и его эволюции. Привлекается ряд недостаточно хорошо исследованных текстов (гимны Э. Арнольда, лорда де Тэбли, Дж. Мередита и др.). Отмечаются привнесение черт других жанров, появление более сложных жанровых разновидностей. Указываются особенности развития одического гимна.

Ключевые слова: одический гимн; идиллическое начало; элегическое начало; публицистическое начало; эволюция; жанр.

Zhuk A. D.

PhD (Philology), Associate Professor, Department of Literature, MSLU;
e-mail: alexanzhuk@mail.ru

ODIC HYMN IN ENGLISH LITERATURE IN 1775–1900

The article is devoted to odic hymn and its evolution. Zhuk researches little known texts of lord de Tabley, G. Meredith and others. It's noticed that odic hymn has special features of its evolution in English literature. The article tells about an appearance of compound genre forms and a mixture of odic hymn with other genres.

Key words: odic hymn, idyllic features, elegiac features, publicistic features, evolution, genre.

Гимнический канон, как в светском, так и в религиозном варианте, складывается в английской литературе в XVII в. в творчестве Мильтона и Каули. В основе обоих вариантов лежит соединение ораторского начала с эмоциональным, т. е. стремление убедить слушателя через обращение к его чувствам. Это выражается в ассоциативном принципе построения текста, частом употреблении метафор и ярких эпитетов, возвышенном характере образов и лексики, обилии восклицаний, повторов (в том числе анафор), параллелизм, динамическом характере образов, использовании античных и христианских образов в пределах одного произведения. Например:

Awake, my soul! not only passive praise
Thou owest! not alone these swelling tears,
Mute thanks and secret ecstasy!

[Coleridge 1981, с. 398],

From the forests and highlands
We come, we come...

[Shelley 1914, с. 383].

Жанр гимна в его светском варианте ориентирован в основном на древнегреческую (Гомер, Каллимах), а не латинскую (Гораций) традицию. Религиозный вариант гимна отличается от светского только религиозным характером тем, образов и лексики.

Одический гимн – одна из наиболее распространенных жанровых разновидностей в английской литературе последней четверти XVIII–XIX века – возникает в результате взаимодействия двух родственных жанров и отличается от классического варианта присутствием таких одических черт, как рациональная композиция, повторяющая схему рассуждения, наличие в тексте синтаксических конструкций с отношениями логической обусловленности, сравнений, аллегорических образов и образов-персонификаций, риторических вопросов, использование лексики, характеризующей мыслительную деятельность человека:

*Yet, like some sweet beguiling melody,
So sweet, we know not we are listening to it,
Thou, the meanwhile, wast blending with my thought...*

[Coleridge 1981, с. 398]

*For grief that I depart they weep and frown
What look is more delightful than the smile
With which I soothe them from the western isle?*

[Shelley 1914, с. 383]

*For there is no God found stronger than death;
and death is a sleep ...*

[Swinburne 1882, с. 82].

Всё это привносит в гимн характерное для оды рациональное начало. Присутствие всех перечисленных признаков не является обязательным, вполне достаточно двух – трех, а иногда даже одного, но во всех случаях преобладает гимническое начало. Принадлежность произведения к одическому гимну определяется по господствующему жанровому началу.

Показательно, что в основном данная жанровая разновидность встречается у поэтов, связанных в той или иной степени

с романтической традицией, что, на наш взгляд, объясняется как свойственным романтизму стремлением разрушить существующие каноны, так и силой выражаемых в тексте чувств.

Собственно одический гимн представлен в произведениях С. Т. Колриджа, В. Вордсворта, П. Б. Шелли, Э. Арнольда, К. Фитцджеральд, М. Хьюлетта и др.

Первым примером одического гимна является «Hymn before Sun-rise, in the vale of Chamouni» (1802) находившегося под сильным влиянием немецкой литературы С. Т. Колриджа. Несмотря на название, адресатом стихотворения является Бог, что подчеркивается на лексическом уровне и на что указывают восходящие к религиозной литературе слова: *eternity, the Invisible, worshipped, prayer, soul, Heaven, God, eternal, Spirit* и др.

С одной стороны, в тексте сказывается влияние немецкой поэтической традиции, для которой характерно восприятие гимна именно как религиозного жанра, с другой – проявляется религиозное видение мира автором. В этом произведении складывается религиозный вариант одического гимна, ориентированный на христианство и представленный такими стихотворениями, как «Hymn. For the Boatmen, as they approach the rapids under the castle of Heidelberg» (1820 / 1822) и «To the Laborer's Noon-Day Hymn» (1834 / 1835) Вордсворта. Если в гимне, посвященном Монблану, жизнь горы и долины, воспринимаемых поэтом как идеального возвышенного духовного мира, в котором воплощено божественное начало и который хвалит Бога, сливаются с жизнью лирического героя, вызывают у него восхищение и заставляют его задуматься о величии Творца, то в первом из названных гимнов Вордсворта используемые в тексте яркие образы объединены обращением к Богу и воспоминанием о распятии Христа, а последний стих гимна *Miserere Domine!* [Wordsworth 1903, с. 647] представляет собой цитату из католической мессы. Во втором гимне возникают пантеистические мотивы, когда алтарь Богу – в каждой хижине (*An altar is in each man's cot* [там же, с. 806]), храмом становится роща (*A church in every grove* [там же, с. 806]), а просьба работников к Богу руководить (*guide*) их жизнью и прославить (*glorify*) восходит к молитвам.

Однако религиозное начало далеко не всегда связано с христианством, о чем свидетельствует переводной одический «Hymn to

Vishnu» (1881) Э. Арнольда, посвященный восхвалению одного из главных индийских богов. К его особенностям принадлежат наличие рефрена и восходящие к индийской культуре образы и выражения, передаваемые в переводе при помощи транслитерации. В «Hymn of Apollo», «Hymn of Pan» и «Hymn to the Intellectual Beauty» П. Б. Шелли христианские представления соединяются с языческими, восходящими к Античности, прежде всего к Платону и неоплатоникам, что объясняется стремлением поэта создать собственную мифологию.

В дальнейшем этот синтез распадается, и уже в «Hymn of the priestess of Diana» Э. Арнольда и затем в «Hymn to Colour» Дж. Мередита господствующим становится языческое, а в «Hymn to Proserpine» и «Hymn of Man» Суинберна, в «A Hymn to Aphrodite» и «A Hymn to Astarte» лорда де Тэбли возникает противопоставление обеих религий, причем во всех случаях оно разрешается в пользу античных богов как несущих жизнь, в отличие от Христа, который вопреки традиционным христианским представлениям соотносится авторами со смертью.

Во всех перечисленных произведениях религиозное начало проявляется, как и в гимне Колриджа, на лексическом уровне. На содержательном уровне вариант Колриджа отличается взаимодействием с псалмами:

God! sing ye meadow-streams with gladsome voice!
Ye pine-groves, with your soft and soul-like sounds!
And they too have a voice, you piles of snow,
And in their perilous fall shall thunder, God!

[Coleridge 1981, с. 400], –

Эти слова отсылают к Пс. 148:1-3, равно как и обращение поэта к собственной душе с призывом пробудиться.

Кроме того, на уровне формы для всех вариантов одического гимна характерно, начиная с Колриджа, использование устаревших форм и слов (*thou, thy, thee, thine, risest, didst, ye* и др.) для придания стихотворению возвышенного характера, а также употребление сокращенных форм слов. Фактически в английском одическом гимне вплоть до конца исследуемого периода сохраняется восходящее к классицизму представление о «высоком стиле», соответствующем гимну и оде.

Отличительной чертой гимнов Колриджа и Вордсворта можно считать наличие авторского вступления и комментария, не только сообщающего о причинах и обстоятельствах создания произведения, но вписывающего гимн в контекст западноевропейского романтизма. Например, *горечавка (the Gentiana Mayor) с цветами прекраснейшего голубого цвета (flowers of loveliest blue)* в предисловии Колриджа вполне соотносима с *голубым цветком* Новалиса.

Особый вариант одического гимна представляет **анакреонтический гимн**, характерный исключительно для английской литературы и возникший под влиянием античной и французской традиций, – «Hymn to Aphrodite» (1861) Д. Н. Пэтона. Анакреонтическая ода отличается от горацанской соединением рационального одического начала с игровым, что проявлялось не столько в изменении тем од, сколько в несерьезном отношении к ним. Анакреонтический гимн отличается от одического гимна, ориентированного на горацанскую традицию, привнесением в текст анакреонтических мотивов (любви, наслаждения вином, любовью и т. п.) и образов (Афродиты-Венеры, Эроса и др.), а также употреблением поэтически-шутливой лексики. Гимн Пэтона начинается с восхваления Афродиты (*Goddess of the golden hair, / Blue-eyed Aphrodite!* [Paton 1992, с. 140]), которая называется в соответствии с античной традицией *Cytheraea*, и Эроса, божества с дикими глазами (*What is Eros? What is he, / His wild-eyed brother deity?* [там же, с. 141]). Лирический герой просит Афродиту исполнить его просьбу и наказать смеющуюся над его любовью Мирру, а для этого послать Мирре неразделенную любовь. Тогда он насладится своей мстостью (*Sweet revenge!*). Но затем желание отомстить сменяется желанием обнять ее в своем сердце и расцеловать ее душу.

В «Hymn of Apollo» (1820) и «Hymn of Pan» (1820) Шелли происходят еще более выраженные изменения, когда гимн создается от лица восхваляемого, что приводит к трансформации гимна из ораторского жанра в жанр личного, индивидуального переживания. Оба гимна являются вариациями на тему древнегреческой легенды о состязании Пана, обманутого похвалами нимф, с Аполлоном и восходят к одиннадцатой книге «Метаморфоз» Овидия. Произведения представляют собой монолог каждого из соревнующихся и дают два разных определения поэзии: гармония лиры противостоит

сладо́сти свирели; вла́сть све́та – вла́сти те́мноты; мо́ральны́й эле́мент проти́вопоставля́ется чув́ству, владения́ Аполло́на – ко́смос, голу́бой небе́сный свод, всё мо́ре и вся зе́мля, сфе́ра Па́на – при́родны́й ми́р, нра́вственны́е состо́яние кото́рого он опла́кивает. В это́м заклю́чается не то́лько фи́лософская основа́ обо́их гимно́в, но и реализа́ция одиче́ского нача́ла, кото́рое у Шелли, в отличие́ от дру́гих поэ́тов, выра́жается в основно́м че́рез фи́лософский ха́рактер обра́зов, равно́ обра́щенных и к разу́му, и к чув́ству, а не че́рез привнесение́ формальных́ особенносте́й жанра́.

С э́тих гимно́в начина́ется использо́вание алли́тераций и особенносте́й ритми́ки для уси́ления гимни́ческого нача́ла:

Waken me when their Mother, the grey Dawn...

[Shelley 1914, с. 382].

Fly me, and from the glory of my ray
 Good minds and open actions take new might,
 Until diminished by the reign of night

[там же, с. 382].

Кроме́ того, в «Hymn of Pan», наряду́ с более́ ранним «Hymn to the Intellectual Beauty» (1816), автором кото́рого также́ является П. Б. Шелли, скла́дывается *одиче́ски-идиллический гимн с эле́гическим нача́лом*. В текста́х произведе́ний возника́ет *идиллический* хроно́топ, переда́ющий состо́яние га́рмонии́ челове́ка и при́роды, а также́ ха́рактерные для иди́ллии обра́зы, напри́мер: Па́н, Си́ринга, си́льваны, фа́вны, нимфы́. В «Hymn of Pan» описы́вается Арка́дия с го́рами и доли́нами (*Peneus, Olympus, Tempe, Maenalus*), с ее́ ре́ками, остро́вами (*river girt islands*), речны́ми лужайка́ми, роси́стыми пе́щерами. В тексте́ присутству́ют назва́ния класси́ческой флоры́ и фауны́: пче́лы на коло́кольчика́х тимья́на (*the bees on the bells of thyme*), цика́ды и яще́рицы (*cicade and lizards*), ми́рт и ли́па. На формально́м уровне́ иди́ллическое нача́ло выра́жается также́ че́рез ле́гкий песенны́й ритм «Hymn of Pan».

Во второ́м гимне́ некое́ прекра́сное ца́рство проше́дшего, возника́ющее у ге́роя как воспомина́ние о том прекра́сном време́ни, ко́гда ге́роя посе́щал Ду́х Intellectual Beauty и его́ созна́нию открыва́лись ка́кие-то тайны́ (пя́тая стро́фа). Де́тство, а поэ́же юно́сть, понима́ется как це́льное неразделе́нное бы́тие, сою́з с при́родой,

а значит, и с божеством в образе Intellectual Beauty. Взрослый человек, будучи связан с миром dark reality, по Шелли, теряет первоначальную чистоту, следовательно, связь с божественным началом Intellectual Beauty. Идиллический хронотоп передается определенными словами, указывающими на восприятие прошлого как прекрасного времени:

... at that sweet time when winds are wooing
All vital things that wake to bring
News of birds and blossoming...

[Shelley 1914, с. 291].

Здесь возникает традиционное для идиллии выражение (*that*) *sweet time*.

В обоих произведениях присутствует также *элегическое начало*, разрушающее идиллический хронотоп и реализующееся на образном и лексическом уровнях. В первом случае этому способствует образ кровотока из-за несчастной любви к Сиринге сердца Пана:

Gods and men, we are all deluded thus!
It breaks in our bosom and then we bleed

[там же, с. 383].

Его безуспешное преследование Сиринги – знак трагического непонимания человеком сущности универсума. Природа человека несовершенна; он «*желает того, чего не имеет, – Прекрасного*» (... *he desires what [he] has not, the Beautiful*. The Sensitive Plant) [там же, р. 373]. Из этого желания вырастает вся любовь, вся поэзия. Но этот поиск бесплоден: земное – лишь тень вечного, прекрасного, идеального мира, притом очень слабая и несовершенная. Образ умирающего и распинаемого Бога привносит в текст элегическое начало.

В «Hymn to the Intellectual Beauty» элегическое начало связано с противостоящим миру Intellectual Beauty миром *dark reality*, соотносимым с темнотой, страхом, смертью и разрушением, что проявляется через использование лексики с соответствующей семантикой – *fear, darkness, dark slavery, (his) voiceless grave*. Больше того, даже в прекрасном идеальном мире существуют противоречия, и традиционный идиллический хронотоп, не предполагающий никаких противоречий, разрушается:

I called on poisonous names...;
 While yet a boy I sought for ghosts, and sped
 Through many a listening chamber, cave and ruin,
 And starlight wood, with fearful steps pursuing
 Hopes of high talk with the departed dead...

[Shelley, 1914, с. 291].

Подобные фразы невозможны в традиционном идиллическом мире, где властвует гармония. Шелли вносит в хронотоп идиллии то, что полностью противоречит принципу идиллии, – трагическое мироощущение. Так, в уже цитированных выше отрывках Шелли использует такие слова, как *poisonous* (ядовитые), *ruins* (руины), *dead* (мертвый), *departed* (умершие), привносящие элегическое начало, противостоящее идиллическому. Возникновение идиллического хронотопа и одновременное разрушение его связано с его романтическим восприятием действительности. С идеальным миром человек соприкасается лишь в редкие минуты, этот идеал оказывается чем-то прекрасным, к чему можно стремиться, но чего нельзя достичь.

В дальнейшем синтез, свойственный гимнам Шелли, разрушается, идиллическое начало исчезает и возникает **одически-элегический гимн**, примером чего может служить его «Hymn to Proserpine» (1866) Суинберна, посвященный серьезной проблеме соотношения и борьбы христианства и язычества: в гимне происходит сравнение языческого культа античной богини Прозерпины с христианством, что привносит в гимн рациональное начало, свойственное жанру оды. Этой же цели служит латинский эпиграф, в качестве которого использованы слова, сказанные по преданию Понтием Пилатом Христу: «*Vicisti, Galilaeae.*» Однако это утверждение вызывает у поэта сомнения и стихотворение строится как его опровержение.

Для текста характерны слова с семой уничтожения, умирания, избавления: *dethroned, deceased, cast forth, wiped out, released, redeemed from your chains*, привносящие в гимн несвойственную жанру тему смерти, в том числе смерти прежних богов, что приводит к появлению в гимне элегических черт:

O Gods dethroned and deceased, cast forth, wiped out in a day!
 From your wrath is the world released, redeemed from your
 chains, men say

[Swinburne, 1882, с. 76].

Время и боги борются друг с другом (*Time and the Gods are at strife* [там же, с. 76]). Но жизнь человека и так горька, а христианство отвергает радости жизни. Оно не способно ничего дать взамен, кроме труда и нового горя. Христос (в тексте *Galilean – Галилеянин*) называется *бледным (pale)*, а мир становится серым от его дыхания. Больше того, если Прозерпина дает смерть-сон, то христианство приносит только смерть, что в тексте гимна подчеркивается при помощи соответствующей лексики: *barren breasts, bare, barren bosom, bitter milk, die, grievous thing, grief, to blacken, dead limbs of thy gibbeted Gods, deep death, thy dead* и др. Мир становится пустым, бесплодным и наполняется ожиданием смерти. Люди коронуют новых *молодых сострадательных (the young compassionate Gods)* богов, но дни с ними пусты (*the days are bare*), а сами они бесплодны. Прежние боги забыты, хотя именно они дают человеку ежедневное дыхание (*For the Gods we know not of, who give us our daily breath* [Swinburne 1882, с. 76]). О них ничего не знают, кроме того, что они *жестоки как любовь или жизнь и прекрасны как смерть (We know they are cruel as love or life, and lovely as death* [там же, с. 76]).

Когда речь идет о христианстве, господствует элегическое и одическое начало, во фрагментах, посвященных восхвалению Прозерпины и античных богов, выдерживается гимнический ассоциативный принцип построения. Волосы Прозерпины «нагружены» *ароматом и цветом цветóв (heavily laden with odour and colour of flowers)*, *белой розой розово-белой воды (White rose of the rose-white water)*, *серебряным блеском (a silver splendour)*, *пламенем (a flame)*. Земля от ее появления становится милой (*sweet*). И приходит она не как *раб среди рабов (a slave among slaves)*, как *Христос*, а вытекая из волны (*flushed from the full-flushed wave*). Обилие анафор с *And (u)*, с одной стороны, усиливает эмоциональное начало, присущее жанру гимну, с другой – отсылает к библейскому тексту, для которого характерно использование подобного приема.

В результате в творчестве Суинберна складывается одически-элегический гимн, особенностью которого является ярко выраженное рациональное начало.

К этой жанровой разновидности относятся также «A Hymn to Aphrodite» (1895) лорда де Тэбли, «Hymn to Proserpine»

В. С. Лэндора, «Hymn to Persephone» К. Фитцджеральд, из которых наиболее интересен первый.

Сохраняя ассоциативный принцип построения, лорд де Тэбли, подобно романтикам, соединяет христианские представления с языческими. Наиболее показателен в этом смысле образ самой богини. Афродита-Уrania мила (*sweet*), как морские цветы в ее волосах (в тексте *as the sea-blooms in thy hair*), розовые от румянца раннего дня (*Rosed with the blush of early day*). На ее лице – восторг (*rapture*), она дарит много радости (*The rich abundant joys*) и управляет временами (*seasons*). Но человек не достоин ее лицезреть, ибо она слишком прекрасна и высока для него (4-я строфа). Подобное отношение к божеству свойственно скорее христианству, чем язычеству.

В то же время Афродита, в отличие от других сил, близка человеку и не нуждается в кровавых жертвах (*Thy altar needs no victim slain* [de Tabley 1924, с. 82]), ибо ее королевство (*kingdom*) держится не на страдании (*no realm of pain*) и страхе (*no creature's fear*). Афродита мыслится и воспринимается поэтом в соответствии с античной традицией, за пределы которой лорд де Тэбли не выходит.

В отличие от предыдущих произведений, в «Hymn of Man» Суинберна происходит не просто слияние и синтез разных жанров, но их изменение. Поэт оставляет генетически связанную с элегией тему смерти, но при этом элегическое начало, характерное для предыдущих вариантов, исчезает. Причина этого в том, что соответствующие выражения входят в состав неэлегических образов. Так, ночь связывается в произведении Суинберна не со смертью, как в предшествующей поэзии, а с началом жизни: *Was Love that nestling indeed that under the plumes of the night / Was hatched...* [Swinburne 1882, с. 94]; *And bursting his shell as a bird, night shook through her sail-stretched vans, / And her heart as a water was stirred, and its heat was the firstborn man's* [там же, с. 95]. Ряд выражений со словом *dead* употребляется по отношению к христианскому Богу и является частью **публицистических** по своему характеру образов: *the dead gods reign, O fools, he was God, and is dead* [там же, с. 98]. В результате всего выше сказанного можно сделать вывод, что тема смерти в тексте остается, но теряет элегический характер.

Еще одна особенность этого гимна – появление публицистического начала, реализующегося через многочисленные риторические вопросы, обращенные к христианам и христианству

и отрицающие божественность Христа: *Shall God's breath dry up the sources that feed time full as it rolls?* [там же, с. 98]; *Hath he made not the nations to know him of old if indeed he be God?! Is no heat of him left in the ashes of thousands burnt up for his sake?* [там же, с. 99]. Высказывания Суинберна во многом предсказывают концепцию Ницше, которая будет сформулирована в «Антихристианине» 10 лет спустя после появления стихотворения. Для поэта характерно отрицательное отношение к христианству, а сам гимн приобретает черты направленного против него памфлета. Это начало настолько сильно выражено, что данное произведение является и одическим, и публицистическим гимном в равной степени, представляя собой синтез этих жанровых разновидностей.

Вместо Христа у поэта центром мира становится Человек, который обожествляется, что приводит к созданию собственной мифологии, ориентированной на язычество. Человек превращается в мифологический образ, воплощающий в себе всё человечество. Матерью Человека является земля. Но «высиживает» (в тексте о человеке *was hatched*) Человека под своими перьями ночь. Она скрывает его своими распростертыми по миру крыльями и разбивает скорлупу мироздания, помогая появиться на свет Человеку. Тем самым у Человека в мифологии Суинберна странным образом оказывается две матери – земля и ночь. Но в отличие от антропоморфного образа земли, ночь – зооморфный образ. Мотив происхождения первого человека из яйца восходит к китайскому мифу о Пань-гу¹. Но в отличие от китайского мифа, у Суинберна рождение Земли предшествует этому событию. Среди возможных источников также миф орфиков и древнегреческий миф о появлении Эроса. Но в обоих этих случаях из мирового яйца появляется божество, в то время как у Суинберна речь идет о человеке, поэтому вариант английского поэта ближе к китайскому. Но дальнейшая судьба Человека не имеет ничего общего с этим мифом. Человек является воплощением, ипостасью Времени, которое поэт называет отцом жизни. Время живет, мыслит и «имеет сущность» (*hath substance*) в Человеке.

Образ Земли приобретает антропоморфный характер. Она говорит с миром и своими сестрами-звездами: *The sound of her*

---

¹ См. об этом: Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : Сов. энцикл., 1992. Т. 2. С. 282.

speech in the ears of the starry and sisterly throng [Swinburne 1882, с. 94]. Покровы сияющего воздуха восхищают (*wrapt*) ее торжественную голову (*her jubilant head*). У нее – глаза, *новорожденные из ночи (new-born of the night)*, с *невинными веками (virginal lids)*, влажными от росы дня рождения. У Земли девичий рот (*maiden mouth*), освещенный пламенем музыкальной речи (*the flame of musical speech*), девичьи ступни, направленные на ужасный небесный путь. С появлением Земли связано представление Суинберна о своеобразном рае – идеальном гармоничном мире, существование которого предшествует появлению человека.

Суинберн творит свой собственный космос и свой собственный миф, а в одический гимн, наряду с публицистическим, приносится еще и сильное *мифологическое* начало. Вместе с тем поэт сохраняет характерную для жанра гимна величественность в описании божества. В результате оба начала тесно связаны.

Это приводит к появлению более сложной жанровой разновидности – *одический гимн с публицистическим и мифологическим началом*.

Своеобразным итогом развития одического гимна как в английской, так и в западноевропейской литературе в целом можно считать «Hymn to Colour» (1888) Дж. Мередита: в нем возникает синтез почти всех жанровых разновидностей одического гимна, в результате чего появляется сложное жанровое образование.

Как и другие гимны, «Hymn to Colour» построен по ассоциативному принципу и представляет собой ряд сложных образов-символов: *down smooth rapids whirls the helmless dream / To fall on daylight* [Meredith 1978, с. 449]; *the dark-winged planet, widening chambers of surprise* [там же, с. 99] и др. Отсюда и принцип недосказанности, ибо само познание иного мира и бытия фрагментарно и не может быть конечным. К романтизму и символизму, а также к традиции Бодлера восходит принцип создания цветовых образов-ассоциаций: *green grassblades, rosy memories, How saint-like grey took fervour: how the screen/ Of cloud grew violet* [там же, с. 450] и др. Преобладает выражение гимнического начала на содержательном, а не формальном уровне.

Традиционные для оды образы-персонификации (Love, Life, Death) трансформируются в антропоморфные божества: *With Life and Death I walked when Love appeared* [там же, с. 449]; *Love took*

my hand when hidden stood the sun/ To fling his robe on shoulder-heights of snow [там же, с. 451], *There lie they, Life and Death in one* [там же, с. 449] и др. Принцип трансформации, изменчивости характерен именно для гимна. В результате вновь происходит соединение двух начал – *гимнического* и *одического*. Оба начала тесно взаимосвязаны и одно невозможно без другого.

В то же время на уровне композиции воспроизводится жанровая схема *видения*, связанная с явлением божества или святого. В гимне Мередита таким божеством оказывается Любовь, показывающая герою картины необычного мира, но отсутствуют традиционные для жанра мотивы сомнения в произошедшем, в том, что герой достоин явления божества. Мередит просто констатирует факт начала и конца видения: *With Life and Death I walked when Love appeared* [Meredith 1978, с. 449] и *The song had ceased; my vision with the song* [там же, с. 451]. Всё видение строится как ряд картин, проходящих перед взором лирического героя. Это лесистые долины, земля рассвета, темно-крылатая планета, мягкий жемчужный свет и тому подобные образы. Любовь и лирический герой в сером покрывале минуют зеленые травяные клинки. Затем Богиня показывает ему дом великолепных небес и т. д. Тем самым на черты оды, гимна и видения наслаиваются черты *гимна-эпюда*.

Вместе с тем многие образы несут в себе *идиллическое* или *элегическое* начало. Так, к жанру идиллии восходят такие образы, как *o bloom of dawn, the space of dewdrops running over leaf, the sky was green, the grasses glimmered lightest blue* и др. При этом происходит изменение традиционных идиллических образов, в первую очередь связанное с изменением цвета. Так небо становится зеленым, а трава голубой. Еще один подобный пример: *wed thy soft bloom,/ Gold-quivering like sunrise in thistle-down,/ Earth under rolling brown* [там же 1978, с. 451], где соединяются золотой и коричневый. Цвета зеленый, голубой и золотой традиционно в христианстве связываются с божественным началом. Подобные образы создают в тексте идиллическое время и пространство, в котором некогда существовала Любовь, но которое она покидает, чтобы явиться человеку и рассказать ему об этом устами певца, что привносит черты пророчества.

Уже в самом начале гимна автор говорит о тесной связи жизни и смерти: *There lie they, Life and Death in one./ Whichever is, the*

other is... [Meredith 1978, с. 449]. Эта идея реализуется и в соединении идиллического начала, связанного с Жизнью, и элегического, на символическом уровне соотносимого со Смертью и реализующегося через соответствующие образы: *the secret of the shrouded death, the lid of a white eye, Who deem the wave of rapt desire must be/ Its wrecking and last issue of delight* [там же, с. 451–452]; *Dead seasons* и др. Тем самым на уже рассмотренные черты оды, гимна, видения и этюда накладываются идиллическое и элегическое начало, что приводит к появлению нового сложного жанрового образования – **одического гимна с чертами пророчества, видения, этюда, идиллии и элегии**.

В «A Hymn to Astarte» (1893) лорда де Тэбли черты пророчества и видения исчезают и происходит возвращение к варианту Шелли, когда в одическом гимне присутствуют идиллические и элегические черты. Однако в отличие от гимнов поэта-романтика, у лорда де Тэбли более ярко выражено элегическое, а не идиллическое начало, что сближает произведение с одически-элегическим гимном, характерным для Суинберна. Усиление элегического начала проявляется уже в характеристике самой богини, являющейся богиней любви и одновременно богиней-воительницей¹. Любовь у лорда де Тэбли связана со страданием, что во многом объясняется характерным для данного времени влиянием А. Шопенгауэра, а также тесной связью поэта с романтической традицией. Познание Астарты и ее влияние приводят человека к трагедии. Отсюда такие выражения, как: *We know thee and are sad* [de Tabley 1924, с. 260]; *We know thee, bitter-fair* [там же, с. 260]; *We partly seem to know/ A forehead calm as fate, / O'er eyelids wet with woe* [там же, с. 262] и др. Показательно, что большинство подобных образов связаны с темой смерти, умирания, преходящего характера всего земного и несет семы увядания, холода, гниения: *The nations pass as rain* [там же, с. 260]; *We go away to graves* [там же, с. 263]; *Shall they of Death have grace?* [там же, с. 264]; *When moth and mice, as moles, / Shall drill thy robe in holes* [там же, с. 265]; *In cloudy mantle cold, with icy wings*. Для текста также характерно использование часто встречающейся в мировой литературе метафоры «смерть – сон», что также приводит к усилению элегического начала: *Grey Sleep, the bed/ Of the*

¹ См. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Сов. энцикл., 1991. Т. 1. С. 115–116.

dry torrent head [там же, с. 261]; *We have leave one little hour/ In thy white house to doze...* [там же, с. 265]; *thy shrine of sleep*.

В отличие от предыдущего гимна, в гимне лорда де Тэбли происходит разрушение идиллического хронотопа и вытеснение его элегическим, что также сближает стихотворение с гимнами Шелли. Но в данном гимне идиллические образы чередуются с элегическими, что не свойственно произведениям поэта-романтика. Так, с *Limbs like the gleam of day, Breasts as the buds of May* соседствует такой образ, как *eyelids wet with woe*; с *The rolling river brink – plumy sedges grey*; с *The nightingale comes on/ Singing from rock to dell, every shaggy bee/ Draw hydromel of thee – the March day wan, new-born daffodils*. Подобное столкновение усиливает контраст и еще больше подчеркивает трагизм происходящего. В результате даже сама весна, с которой соотносится идиллический мир, оказывается горькой (*poignant spring*), а описание радостей любви заканчивается довольно грустным выводом: *The dead thy servants died* [там же, с. 266]. В то же время гимническое начало сохраняется и остается господствующим. Наиболее показательным в этом плане является окончание гимна, где исчезают признаки других жанров, а гимническое, связанное с восхвалением Астарты, достигает своего максимума. В результате возникает одически-элегический гимн с идиллическим началом, объединяющий варианты Шелли и Суинберна и завершающий развитие одического гимна в английской литературе.

Таким образом, на протяжении исследуемого периода возникают разные варианты одического гимна. Наряду с оригинальными произведениями существует также переводной одический гимн. При этом гимн взаимодействует не только с одой, но и с другими жанрами, религиозными и светскими. Ряд жанровых вариантов существует только у отдельных авторов, что объясняется особенностями их мировоззрения. Своего предела одический гимн достигает в творчестве Дж. Мередита и лорда де Тэбли, где исчерпываются все традиционные возможности развития этой жанровой разновидности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Arnold Edwin *The Secret of death (from Sanscrit): with some collected poems*. Toronto : Univ. Toronto, Robarts, cop. 2006. 280 p.
Coleridge S. T. *Verse and prose*. Moscow: Progress Publishers, 1981. – 456 p.

- The complete poetical works of Percy Bysshe Shelley, including materials never before printed in any editions of the poems / ed. by T. Hutchinson, Humphrey Milford. London–N. Y.–Toronto–Melbourne : Oxford univ. press, 1914. 912 p.
- Meredith George Poems of George Meredith / 2 vol., ed. by Philis B. Bartlett. New Haven and London : Yale univ. press, 1978. 567 p.
- Paton J. N.* Poems by a Painter. Cambridge : Chadwick-Healey, 1992. 159 p.
- Selected poems of lord de Tabley / Ed. by John Drinkwater. London : Humphrey Milford, 1924. 485 p.
- Swinburne A. C.* Poems and ballads by Algernon Charles Swinburne. London : Chatto & Windus, Piccadilly, 1882. 338 p.
- Wordsworth W.* The complete poetical works. Oxford, 1903. 986 p.

УКД 7.011.22

Е. А. Осьминина

доктор филологических наук; профессор кафедры мировой культуры факультета гуманитарных наук, МГЛУ; e-mail: eleosminina@mail.ru

АССИРО-ВАВИЛОНСКАЯ КУЛЬТУРА В ИЗОБРАЖЕНИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО

В статье выделены немецкие, французские и русские культурологические и ассириологические источники, которые использовал Д. С. Мережковский при создании образа ассиро-вавилонской культуры в трактате «Тайна Трех: Египет и Вавилон» и египетской дилогии. Историко-культурный материал трансформирован для доказательства религиозно-философской концепции писателя. Выделены наиболее яркие и образные характеристики культуры.

Ключевые слова: Д. С. Мережковской; Вавилон; Ассирия; Г. Винклер; Г. Масперо, Ф. Ленорман, Б. А. Тураев, В. К. Шилейко.

Osminina E. A.

Doctor of Philology (Dr.habil.), Professor, Department of World Culture Faculty of Humanities, MSLU; e-mail: eleosminina@mail.ru.

ASSYRO-BABYLONIAN CULTURE IN THE IMAGE OF D. S. MEREZHKOVSKY

The article highlights the German, French and Russian cultural and assyriological sources that were used by the D. S. Merezhkovsky when creating the image Ashiro-Babylonian culture in the treatise "The Secret of Three" and the Egyptian novels. Historical and cultural material transformed to prove religious-philosophical concept of the writer. The most vivid and imaginative characteristics of the culture are highlighted.

Key words: D. S. Merejkovsky; Babylon; Assyria; H. Winkler; G. Maspero, F. Lenormand; B. A. Turaev; V. K. Shileiko.

Ассиро-вавилонской культуре в русском изображении, осмыслении, интерпретации посчастливилось меньше, чем Древнему Египту или Античности, зато больше, чем Сиро-Финикии или Древнему Ирану. В XIX в. многое для популяризации Месопотамии сделал востоковед и журналист О. И. Сеньковский, в начале

XX в. образы Ассирии и Вавилона появляются в стихах символистов и акмеистов: К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, Н. С. Гумилева (последний вольно переложил «Эпос о Гильгамеше» по французскому переводу Э. П. Дорма). Параллельно развивалась русская профессиональная ассириология; ее основоположником считается М. В. Никольский, многое было сделано египтологами В. С. Голицыным, Б. А. Тураевым. Поэт, шумеролог и хеттолог В. К. Шилейко, написавший предисловие к переложению Н. С. Гумилева, переводил шумерские и аккадские тексты, в том числе аккадскую поэму «К стране неизбежной. Хождение Иштар в Преисподнюю», «Эпос о Гильгамеше».

Осмысляла Ассирию-Вавилонию и русская «культурфилософская» проза XX в. – это определение, принятое к трудам В. И. Иванова, можно распространить и на трактаты А. Белого, В. Я. Брюсова, В. В. Розанова, Д. С. Мережковского. Именно Серебряный век в изображении культур Древнего мира кажется наиболее интересным и ярким периодом, он явился завершением всей русской «петербургской культуры».

Трактат Д. С. Мережковского «Тайна Трех: Египет и Вавилон» был написан уже в эмиграции (вавилонская часть – в 1923 г.), отразив и все важнейшие ассириологические источники времени, и особенности русской культурфилософской прозы.

«Тайна Трех» состоит из трех частей: первой – вводной, второй – «Египет – Озирис», третьей – «Вавилон – Таммуз». Каждая из них делится на главы (и в названиях, и в содержании египетской и вавилонской частей отчетлив параллелизм), а главы – на отдельные фрагменты. Это своеобразное свободное философствование на тему религии и культуры, со стремлением понять «душу Египта», «душу Вавилона». Указанные эпитеты напоминают о «Закате Европы» (1918) О. Шпенглера, с его определением «аполлонической, фаустовской, арабской души» [Шпенглер 1993, с. 345] и их символов. Шпенглер был популярен в России, Мережковский его знал и процитировал в своем трактате шпенглеровскую характеристику египетской культуры. Таким образом, понимание культуры как организма, со своей «душой», идет у писателя от немецкой философии, конкретно – от Шпенглера.

Второй его учитель в трактате – русский философ В. В. Розанов. Мережковские вместе с последним принимали участие

в петербургских религиозно-философских собраниях, затем пути их разошлись, однако взаимный интерес остался. Не исключено, что именно египтологические штудии В.В. Розанова возбудили интерес Д. С. Мережковского к Египту. Не только его форма фрагмента в «Тайне Трех» может быть возведена к «Уединенному», «Опавшим листьям»; сами идеи философа вдохновляли писателя: неслучайно фамилия Розанова и цитаты из его работ встречаются в трактате 31 (!) раз.

Это, можно сказать, «общекультурологические» источники Мережковского. Есть и другие – философские, религиозные, литературные, антропологические. В рамках данной темы значимы ассириологические.

Несмотря на то что ко времени написания «Тайны Трех» были опубликованы книги русских ассириологов, названных выше, Мережковский ориентируется на труды западно-европейские, пользуется переводами клинописных текстов на французский и немецкий языки (также, впрочем, обстоит дело и с его «египтологией»). Но если для изображения Египта он обращается прежде всего к французам: Ф. Шампольону, Г. Масперо, А. Морэ (точнее сказать, к идеям Масперо в изложении Морэ), то первым источником его «вавилоники» следует назвать немецких ассириологов. Они преобладают и количественно, и качественно.

Это неудивительно. Именно немецкой науке принадлежит концепция «панвавилонизма», хорошо известная в России еще в начале XX в.: ее упоминает В. Я. Брюсов [Брюсов 1975, с. 376]. Автор этой концепции – основатель немецкого Переднеазиатского общества, археолог и ассириолог Гуго Винклер (1864–1913), изучивший и издавший многие клинописные тексты, сделавший ценные археологические открытия. Винклер считал, что именно культура Вавилона оказала влияние на развитие античной и современной цивилизации. Поскольку основой вавилонской мифологии Винклер полагал движение планет, закономерен его общий вывод: «встречающиеся у всех народов астральные представления, поскольку их дают мифы, заимствованы с родины сякой науки о звездах, Вавилонии» [Винклер 1913, с. 168].

Мережковский неоднократно ссылается на Винклера, берет из труда последнего многое – положения об удивительной законченности Вавилона: «В Вавилоне, так же как в Египте, всё уже

готово, дано сразу, с самого начала наших исторических сведений или даже до них. И с той поры уже нет движения вперед, а есть только движение назад, нисхождение (H. Winckler. *Die Babylon. Geisteskultur*, 10)» [Мережковский 2017, с. 139]; сведения из истории, поклонение звездам как основа религии, заключение о языке, акцент на важнейших достижениях (деление времени, календарь). Текст надписи царя Саргона и сопоставление истории царя и истории Моисея также возможно, винклеровского происхождения (текст этот приводят многие ассириологи).

Вместе с тем писатель не во всем согласен с ученым. Так, он противопоставляет (а не сопоставляет, как Винклер) Египет Вавилону, по-иному определяет трицу вавилонских богов.

Труды других немецких ассириологов послужили писателю источником для перевода шумеро-аккадских молитв. Миф о потопе излагается по «Литературе Вавилона и Ассирии» (1907) О. Вебера, антропогонический миф, скорее всего, пересказан по переводу А. Унгнада. Аккадская песнь о Таммузе дана по статье немецкого ассириолога Г. Циммерна «Шумера-вавилонская песнь о Таммузе» (1907), отдельные гимны и молитвы – по «Руководству по древневосточной культуре» (1913) А. Иеремии, текст о демонах – по «Религии Вавилона и Ассирии» А. Унгнада (1921), переписка вавилонских царей – по Г. Грессману.

Большинство этих источников указано самим Мережковским в тексте и расшифровано, уточнено, прокомментировано в последнем издании «Тайны Трех» (2017) О. А. Коростелевым и Е. А. Андрущенко.

Если предположить, что Мережковский сначала использовал труды, уже переведенные на русский язык (хотя он читал и по-французски), то обзор французских источников следует начать с книг Г. Масперо и Ф. Ленормана.

Сначала на русский язык (1892) была переведена «Древняя история. Ассирия. Египет» Г. Масперо. Она написана в форме увлекательных художественных рассказов для юношества. Мережковский часто обращался к ней в своей египетской дилогии («Тутанкамон на Крите», «Мессия»), целые египетские сцены писал по Масперо. Единственное «месопотамское» соответствие – наличие в дилогии героя – вавилонского купца Таммузадада: Масперо также изобразил ассирийского купца Идлину. Но в толковании культуры Месопотамии писатель разошелся с ученым.

Масперо сосредоточился на истории Ассирии (а не Вавилона) и описал ее культуру как воинственную и крайне жестокую. В религии он подчеркнул демонологию, пересказал некоторые эпизоды эпоса о Гильгамеше, историю нисхождения Иштар.

Мережковский на ассирийском периоде практически не останавливается, цитируя только надписи царей (по французскому ассириологу Ж.Опперту). Некоторые молитвы и описания злых духов (демонов) перекликаются, но Мережковский толкует их в ином духе – для изображения страдания, покаяния, свойственного Вавилону, в отличие от Египта: «Любовь к страданию, “страсть к страданию” – душа Вавилона» [Мережковский 2017, с. 149], «ни греха, ни покаяния не знает Египет; Вавилон познал грех и покался» [Мережковский 2017, с. 155].

Тот же текст о демонах приводится и в капитальном труде Г.Масперо «Древняя история народов Востока», переведенном на русский язык в 1895 г., со ссылками на древнейший ассириологический источник – историю Вавилонии Беросса (III в. до н. э.), вавилонского историка, астролога и жреца храма Мардука, известную через посредничество Александра Полигистера. По Бероссу, Масперо излагает миф об Оаннесе, миф о потопе. Также он приводит часть мифа о Гильгамеше (называя последнего Истубаром), надпись Саргона.

Мережковский мог воспользоваться сведениями из Беросса с помощью и Г. Масперо, и Ф. Ленормана, труда «Руководство к древней истории Востока до персидских войн», переведенного на русский язык в 1877 г. Именно Ленорман занимался изучением фрагментов Беросса. Так или иначе, но Мережковский излагает по Бероссу: вавилонскую теогонию, культурную деятельность Оаннеса, космогонические миф и антропогонический миф про Бела, миф о потопе, миф о Вавилонской башне, историю Саргона (для последней, как уже говорилось, мог быть использован и труд Винклера).

Ф. Ленорман рассказал о многих ассиро-вавилонских артефактах: зиккуратах, дворцах, барельефах, в том числе и дворца Ашурбанипала в Ниневии (хранящихся в Британском музее в Лондоне). Мережковский описал последние столь поэтично, что, вероятно, видел их изображения во французских альбомах по искусству (на которые и сослался).

Французский семиолог и ассириолог Э. Дорм перевел не только «Эпос о Гильгамеше», но и мифы об Адапе и Этане, отдельные

гимны и молитвы. На его книгу «Религия Ассиро-Вавилонии» (1910) Мережковский часто ссылается. «Исследования культа, символов, атрибутов и памятников фигур Венеры на Востоке и Западе» (1837) Ж. Лажара, по разысканиям О. А. Коростелева и Е. А. Андрущенко, служат источником шумерской молитвы, вавилонского пророчества, ассирийского гимна.

Из отечественных ассириологов Мережковский мог воспользоваться переводом поэмы «Нисхождение Иштар», сделанным В. К. Шилейко. Комментаторы указывают на книгу Б. А. Тураева «История Древнего Востока» (1913, переизд. 1917 и позже) как на источник «Эпоса о Гильгамеше», но отрывки, приведенные Тураевым и Мережковским, сильно различаются. Мережковский, цитируя эпос, указывает только первоисточник – таблички, хранящиеся в Британском музее. Представляется, что он мог воспользоваться или немецким переводом А. Унгнада – Г. Грессмана, или уже указанным французским, П. Дорма, к которому обращался Н. С. Гумилев.

Таким образом, писатель использовал известнейшие и важнейшие труды по современной ему ассириологии и создал свой образ Вавилона – для доказательства собственной религиозно-философской концепции, о богочеловеке и богочеловечестве («Третьем Завете»).

Как такой богочеловек в данном случае интерпретируется бог Таммуз, «умирающий-воскресающий бог», в череде других подобных богов Древнего мира: «Озирис египетский, Таммуз вавилонский, Аттис малоазийский, Адонис сиропфиникийский, Дионис эллинский, Митра персидский – всё тот же страдающий, растерзанный, распятый Бог» [Мережковский 2001, с. 190]. Поэтому именно миф о Таммузе находится в центре вавилонской части «Тайны Трех». В истолковании, сопоставлении вышеназванных богов Мережковский следует концепции английского антрополога Дж. Фрэнзера, изложенной в капитальном труде «Золотая ветвь», части которого публиковались с 1890 г. Работы Фрэнзера были известны в России, возможно, послужив источником и для других культурфилософских трудов (ивановская «Эллинская религия страдающего бога», 1904); Мережковский ссылается на Фрэнзера в примечаниях к продолжению «Тайны Трех» – «Тайне Запада».

Как возлюбленная Таммуза, воскрешающая его богиня, описывается Иштар (а не как богиня войны или гонительница Гильгамеша). Так иллюстрируется еще одна идея Мережковского –

о теогамии, богосупружестве. Интерес к проблеме пола был свойствен началу века, характерно, что в «Тайне Трех» Мережковский цитирует книги австрийского психолога О. Вейнингера «О последних вещах», «Пол и характер» (на последнюю еще в начале XX в. З.Н. Гиппиус писала рецензию). В вавилонской культуре Мережковский выделяет то, что к полу имеет отношение: обычай священной проституции (изложенный по «Истории» Геродота), богосупружества (действия жрицы на башне), двуполость.

Наконец, тема воскресения, связанная с идеей богочеловечества, иллюстрируется с помощью «Эпоса о Гильгамеше» и мифа об Адапе. Мережковский пересказывает эпос, нарушая последовательность глав: начинает с мифа о потопе (табл. XI) и разговора с тенью Энкиду, находящегося в преисподней (табл. XII), затем следует сам миф об Энкиду (табл. I, VII), путешествие за «Злаком жизни» (IX–XI) и, наконец, оскорбление Иштар (табл. VI).

Есть и еще одна культурологическая идея, к которой обращается писатель, – общей прародины человечества, Атлантиды. Определенное сходство в культурах Египта и Вавилона объясняется их общим происхождением из Атлантиды. В Брюсовском трактате «Учителя учителей» наличествует та же концепция, но Брюсов в качестве источника материалов называет труды немецкого этнолога Лео Фробениуса, Мережковский, в примечаниях уже к «Тайне Запада», – книгу американца И. Донелли «Атлантида: мир до потопа» (1882).

Атлантология существует и поныне, но не признана ученым сообществом. Религиозно-философские идеи Мережковского также не пережили своего времени: концепция «Третьего Завета» рассматривается историей литературы как пример христианского модернизма Серебряного века.

Но остались яркие и емкие характеристики Мережковского, созданные им образы культуры (в данной случае, Ассиро-вавилонской): сравнения, ассоциации, поэтические эпитеты.

Вот его описания рельефов из Куянджика:

В развалинах Ниневийских дворцов найдено стенное изваяние Раненой Львицы: хребет пронзен стрелою; задние лапы, уже омертвевшие, влчаться по земле; но, стоя на передних, издыхающий зверь вытянул шею, поднял морду и разинул пасть, как будто всё еще грозит врагу предсмертным рыканием.

Эта раненая львица – душа Вавилона [Мережковский 2017, с. 146].

Вот восприятие «Эпоса о Гильгамеше»:

От этих глиняных дощечек, густо усыпанных острыми гвоздями, клинописи, кажется, всё еще всем страшным запахом потопных вод [Мережковский 2017, с. 158].

Или плачей Таммуза:

Дики и скудны эти напевы: как будто слышится в них шелест ночного ветра в сухих камышах Ефрата, протяжное блеяние коз и овец, ночная переключка пастухов между степными отарами; как будто пахнет от них жарким ветром степей, горькою полынью, свежелою мятою, парным молоком и теплотою овечьего хлеба [Мережковский 2017, с. 191].

Мережковский – художник, Мережковский – публицист интереснее Мережковского религиозного учителя. И созданные им образы дополняют, заставляют пристальнее взглянуться в прекрасные произведения ассиро-вавилонского искусства, оставшиеся в сокровищнице мировой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брюсов В. Я.* Учителя учителей // Собр. соч.: в 7 т. Т. 7. М.: Худ. лит-ра, 1975. С. 277–441.
- Винклер Г.* Вавилон. Его история и культура. СПб.: Изд. П. П. Сойкина, 1913. 172 с.
- Донелли И.* Атлантида: мир до потопа. Самара: Агни, 2004. 441 с.
- Геродот. История. М.: АСТ : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 672 с.
- Коростелёв О. А., Андрущенко Е. А., Журбина А. В.* Комментарии // Собр. соч. : в 20 т. Т. 14. Тайна Трех: Египет и Вавилон. Тайна Запада: Атлантида – Европа. М.: Дмитрий Сечин, 2017. С. 609–770.
- Ленорман Ф.* Ассирияне и вавилоняне // Руководство к древней истории Востока до персидских войн. Т. 1. Вып. 2. Киев: Университетская типография, 1877. С. 210–417.
- Масперо Г.* Древняя история. Египет. Ассирия. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1892. 305 с.
- Масперо Г.* Древняя история народов Востока. М.: Изд-во К. Т. Солдатенкова, 1895. 715 с.
- Мережковский Д. С.* Крест и пентаграмма // Царство Антихриста. СПб.: РХГИ, 2001. С. 189–199.
- Мережковский Д. С.* Собр. соч. : в 20 т. Т. 14. Тайна Трех: Египет и Вавилон. Тайна Запада: Атлантида-Европа. М.: Дмитрий Сечин, 2017. 807 с.
- Тураев Б. А.* История Древнего Востока: в 2 т. Л.: ОГИЗ, 1936.

Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь. М. : АСТ : Ермак, 2003. 781 с.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М. : Мысль, 1993. 663 с.

Шилейко В. К. Хождение Иштар // Ассиро-вавилонский эпос. СПб.: Наука, 2007. С. 99–105.

Эпос о Гильгамеше. Сказание о всё видавшем. М. : Эксмо, 2005. 544 с.

УДК 008 + 17

Е. Ю. Перова

кандидат культурологии; доцент кафедры мировой культуры факультета гуманитарных наук МГЛУ; e-mail: eperova71@list.ru

ИДЕИ МИЛОСЕРДИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ XIX–XX ВЕКОВ

В статье рассматривается поэтапное становление общин сестер милосердия в европейской и отечественной истории. Затронутые проблемы предлагают задуматься о значении милосердия и сострадания в профессиональной деятельности в целом на современном этапе.

Ключевые слова: милосердие; христианство; служение; профессиональная медицинская деятельность; XIX–XX вв.

Perova E.

PhD (Culturology), Associate Professor, Department of World Culture, Faculty of the Humanities, MSLU; e-mail: eperova71@list.ru

IDEAS OF MERCY IN PROFESSIONAL ACTIVITY IN RUSSIA OF THE XIX–XX CENTURIES

In the article, step-by-step formation of the communities of nurses in the European and Russian history is considered. The affected problems make us think about the importance of mercy and compassion in professional activity in general at the present stage.

Key words: mercy, Christianity, service, professional medical activity, XIX–XX centuries.

Когда Общество Красного Креста обратилось с призывом к желающим ухаживать за ранеными и больными воинами, сотни русских женщин и девушек отозвались на этот призыв... Под пулями, под дождем и снегом, в шалашах и в бараках, в вагоне и на тряской телеге, в лазарете и в госпитале, страдавший русский воин везде видел у своего изголовья светлый облик сестры Красного Креста и звал ее «сестричкой».

Из уведомления Комитета о сестрах Красного Креста (1882)

Воплощение идей милосердия в профессиональной деятельности – тема, которая действительно важна для современного человека и не только врача. Поскольку дело сестер милосердия, их повседневный труд показывает пример для подражания;

заставляет задуматься о сострадании, жертвенности и смысле жизни в целом. Тех традициях, которые сохраняются в отечественном этнокультурном типе. Кроме того, с деятельностью таких общин связано развитие медицины в России и в мире; традиция милосердия в медицинской деятельности начинает широко распространяться вместе с христианскими идеями.

В самом начале возникновения христианства не было специального общества, которое занималось бы благотворительностью, этим занимались диаконисы. Упоминание о диаконисах на Востоке относится к XII в.. Диакониссой могла стать вдова или дева не моложе 40 лет. Они посещали заключенных христиан, больных и нуждающихся людей.

Впоследствии один из главных юридических источников, – «Постановления святых апостолов», – в свое время обосновывавший служение диаконис, утратил свое значение (однако деятельность диаконис возродилась в XIX в.). Изменился состав низшего клира: диаконис сместили иподиаконы, но церковное служение женщин не прекратилось. Во времена Крестовых походов стали создаваться женские общины. Одна из первых таких общин была основана около 1184 г. на территории современной Бельгии священником Ламбертом ле Бегом. «Бегинки» носили платья голубого и коричневого цветов, затем – из черного сукна, а на голове – белые покрывала, наподобие апостольников. Они посещали больных, нуждающихся, основывали богадельни, приюты и даже училища.

Другая попытка организовать общину принадлежит католическому священнику Винсенту де Полю. Его проповеди производили огромное впечатление, и люди стремились помогать бедным и больным. Винсент де Поль решает создать «братство милосердия для ухода и духовной помощи бедным и больным» (первоначально туда входили в основном женщины). Здесь не давали обетов, ухаживали за больными. Умерших хоронили за счет братства. Со временем создается женская община, члены которой посвящают себя уходу за бедными больными. Через некоторое время сюда решено было принять нескольких детей-подкидышей, и был устроен приют на двенадцать человек. За 20 последующих лет община ежегодно принимала около 300 детей. В 1645 г. близ монастыря Сен-Лазар, начали строить приют для подкидышей. В случае возникновения

заразной болезни больных детей отделяли от здоровых. С двенадцати лет мальчики отправлялись на обучение к ремесленникам, а девочки оставались в приюте на более долгий срок, помогая в хозяйстве. Иногда родители, если могли, брали на себя расходы по их содержанию. Некоторых детей усыновляли – приемные родители обязывались воспитать их в духе христианской веры, обучить ремеслу и оставить в наследство немного денег.

В конце XVIII в. в общину сестер милосердия входило около 300 благотворительных заведений во Франции, Силезии, Нидерландах и других странах. Во время революции 1789–1793 гг. сестры были выгнаны из французских госпиталей и богаделен, а принадлежавшие им учреждения были конфискованы или разорены. Общину восстановили в 1801 г. Все права и постройки были возвращены.

К началу 1960-х гг. количество сестер во Франции достигало пятнадцати тысяч. Они трудились в Северной Америке, Мексике, Бразилии, Алжире, Палестине и других местах. В городе Нейдорф (Австрия) был набран персонал из восьми сестер для обслуживания женской исправительной тюрьмы из 260 арестанток. В другую, мужскую, тюрьму (около тысячи человек) города Штейна под Венной направлено 25 сестер. Заключение ткали холсты, изготавливали мужскую одежду, производили столярные, сапожные, слесарные и токарные работы, несколько арестантов были поварами. Более образованные могли читать книги в особом зале; в тюрьме имелась своя школа по обучению письму и чтению, где в свободные часы репетировали арестантские хоры. Две сестры занимались тюремными финансами и вели переписку с различными конторами – бухгалтерскому делу их обучали сами заключенные, ранее бывшие счетоводами.

Возрождение диаконисс в XIX в. в Германии связано с именем Теодора Флиднера. «Бедные больные, – писал он, – с давних пор в моем сердце. Как часто я видел их, лишенных хорошего ухода, всеми оставленных, ютящихся в нездоровых каморках, поблекших, словно осенние листья, поскольку так много городов, даже с очень большим населением, где нет госпиталей! А там, где они были, – а я много повидал их во время своих путешествий по Голландии, Брабанту, Англии и Шотландии и по нашей Германии, – там подчас находил порталы с блестящим мрамором, но уход за

больными был ужасен». В 1833 г. пастор устроил в беседке своего дома приют для женщин, которые после тюрьмы не имели места жительства. Вскоре были построены новое здание, школа и приют для сирот. Так начала создаваться будущая община, которая сформировалась к 1836 г. как «Союз для ухода за больными в Рейнской провинции и Вестфалии». Члены Союза оказывали помощь бедным больным.

Диакониссой могла стать любая женщина не моложе двадцати пяти лет после особого обряда посвящения; она должна была трудиться в общине в течение пяти лет, но могла в любой момент покинуть общину. Если она выходила замуж, то вернуться в общину уже не имела права. Каждая обучалась ведению домашнего хозяйства. У диаконис была собственность, жалования они не получали, но имели бесплатное питание, деньги на мелкие расходы, одежду (обычно носили хлопчатое голубое платье, белый фартук, широкий воротник и покрывало из легкой и тонкой ткани, завязывавшееся под подбородком большим бантом).

В 1849 г. Флиднер снял с себя сан пастора, чтобы иметь возможность по всему миру основывать филиалы общины, которую не мыслил как церковную организацию. Именно он явился основателем дома диаконисс в Лондоне. К моменту смерти Флиднера в 1864 г. в мире уже насчитывалось около ста «домов»; к началу XX в. в Германии существовало более восьмидесяти общин с персоналом до двадцати тысяч человек.

Деятельность сестер Винсента де Поля и диаконисс пастора Флиднера лишь предварила возникновение профессионального сестринского ухода, начало которому положила Флоренс Найтингейл, осмыслившая и переработавшая ранний опыт женщин на данном поприще. Ее деятельность была столь известна и значительна, что и позднее ее методы ухода за больными продолжали применяться. Например, во время Войны за независимость в Соединенных Штатах Америки. В 1912 г. Лига международного Красного Креста учредила медаль имени Найтингейл как высшую награду сестрам милосердия. К 1995 г. этой медалью наградили около 46 русских сестер.

История воплощения идей милосердия и служения больным имеет свои особенности в русской истории. Благотворительная лечебная помощь появилась на Руси в XI в., когда при монастырях

начали создаваться богадельни. В 1070 г. в Киево-Печерском монастыре была открыта богадельня (убежище, дом) во имя св. Стефана для проживания нищих, слабых, хромых, слепых и прокаженных. За больными ухаживали монахи; при монастырях создавались больничные палаты. То место, где боль кладет человека ниц, стали называть больницами. Княгиня Ольга в X в. создала больницу, в которой уход за больными был поручен женщинам. И уже в XI в. внучка Владимира Мономаха Евпраксия Мстиславовна создала трактат «Мази» и описала в нем вопросы физиологии, гигиены, пропедевтики¹ и профилактики некоторых заболеваний. В источниках XIV в. упоминаются имена крестьянской девушки Февронии, Федосии Морозовой и других, занимавшихся уходом за больными. Также помощь больным проявлялась в виде пожертвований. Указ об организации мужских и женских богаделен с привлечением на работу женщин был издан Стоглавым собором в XVI в.

В Смутное время, в 1612 г. на территории Троице-Сергиевского монастыря был создан первый госпиталь, а вскоре возникла первая (в современном понимании) больница. В XVII в. многие русские монастыри богатели, что позволяло строить при них богадельни и небольшие дома для больных. Большую помощь в создании таких богаделен и домов оказал патриарх Никон. С его помощью были основаны богадельни в Московском Знаменском монастыре, Гранатном дворе у Никитских ворот, Ново-Иерусалимском монастыре. В своем «Слове о приютах» он предложил создать общество милосердия, члены которого будут посещать дома бедных и несчастных и заниматься благотворительностью.

Со вступлением на трон династии Романовых благотворительностью начали заниматься и представители знатных семей. Одним из таких людей был придворный дворянин Ф. М. Ртищев, который в 1650 г. на территории Андреевского монастыря открыл приют для бедных больных, где трудились лекари и даже доктор. (Доктором назывался специалист с университетским образованием, в то время это были иностранцы; лекари имели монастырское образование.) В Москве, около 1707 г. был создан первый гражданский госпиталь.

---

¹ Пропедевтика внутренних болезней – раздел медицины, включающий в себя основы диагностики и частной патологии.

Впервые женский уход за больными в госпиталях и лазаретах использовал Петр I. В 1715 г., по его Указу, были созданы воспитательные дома, в которых должны были служить женщины. Однако затем привлечение женщин для работы в больницах было отменено. Сиделками были отставные солдаты. Допетровская благотворительность, выражающаяся в случайной милостыне, способствовала появлению нищих-профессионалов. Поэтому Петр I активно боролся с нищими и полностью запретил частную благотворительность. Больше всего Петр I заботился о создании военных медицинских учреждений, которые в мирное время обслуживали больных. Результатом проведения реформ стало создание Медицинской коллегии (канцелярии), которая в 1728 г. ввела штатные единицы для женщин по уходу за больными. В 1735 г. в Генеральном регламенте о госпиталях была определена сфера деятельности женщин (уборка, стирка белья). Отсутствие прочной системы организации женского труда в госпиталях и заинтересованности командования в нем привело к тому, что в большинстве госпиталей со временем женский труд либо исчез совсем, либо носил временный характер. В результате больные и раненые, особенно в военное время, находились на полном самообеспечении. Женский труд в гражданских больницах снова начали использовать в середине XVIII в.

В Москве в 1763 г. была учреждена Павловская больница. За больными ухаживали бабы-сидельницы (жены или вдовы больничных солдат). В это же время в России появились фельдшеры. Тогда их называли рудометами или цирюльниками. В первых русских медицинских школах, было объединено фельдшерское и врачебное образование. Через 2–3 года после поступления успевающие ученики получали звание подлекарей (что может соответствовать званию фельдшера), затем еще через 1–2 года им присваивалось звание лекаря. Вместе с тем до конца XVIII в. специальных сестер для ухода за больными в светских больницах не было.

Первые попытки создать общину сестер милосердия относятся к началу XIX в., когда в 1803 г. при воспитательных домах Санкт-Петербурга и Москвы были основаны «вдовьи дома», а при них – отделения сердобольных вдов. Считается, что сестринское дело в России началось в 1803 г., когда началась подготовка женского сестринского персонала.

В 1812 г., во время Отечественной войны, помощь раненым на добровольно оказывали женщины. Это привело к созданию в ноябре 1812 г. в Санкт-Петербурге Патриотического женского общества, члены которого помогали населению, пострадавшему от войны. Идея организации систематического ухода за больными специально обученным для этих целей персоналом принадлежит императрице Марии Федоровне. Еще в 1804 г. она предложила привлечь вдов к уходу за больными в Московском вдовьем доме. Но только в 1813 г. в Санкт-Петербурге стали открываться вдовьи дома для призрения престарелых и не имеющих средств к пропитанию вдов. Например, в состав Санкт-Петербургского вдовьего дома, входили: отделение для малолетних детей, сиротское отделение для дворянских детей, дом призрения больных девиц благородного звания, приют для детей, родители которых умерли от эпидемии холеры, училище для детей-сирот военнослужащих. В 1814 г. женщины из Санкт-Петербургского вдовьего дома были направлены на работы в больницы. Они следили за порядком в палатах, раздавали больным еду, питье и лекарства, следили за чистотой. Доктора учили вдов уходу за больными и медицинским приемам, чтобы в случае необходимости они сами могли оказать помощь больным. После годичного испытания обучающиеся приводились к присяге и императрица каждую награждала особым знаком – «Золотым крестом», на одной из сторон которого написано «Сердолюбие». «Сердобольные вдовы» могли быть отпущены в частные дома для ухода за больными и имели право получать за свой труд денежное вознаграждение. В 1822 г. для медицинского персонала было написано «Руководство и правило, как ходить за больными, в пользу каждого, сим делом занимающегося, а наипаче для сердобольных вдов, званию сему особенно себя посвятивших». Это было первое руководство по уходу за больными на русском языке. В нем впервые давались основы деонтологии и требования к нравственным качествам ухаживающего персонала. Также подробно рассказывалось, как ставить горчичники, припарки, пиявки, шпанские мушки, готовить ванны и др. С этого времени в России начинается специальная подготовка женского медицинского персонала.

По желанию Марии Федоровны в 1842 г. был утвержден устав Санкт-Петербургского вдовьего дома и рекомендован для использования во всех аналогичных учреждениях Российской Империи.

Неизменными условиями устава общин были целомудрие и строгость поведения, любовь и милосердие к ближнему, трудолюбие и самоотверженность, дисциплинированность и беспрекословное подчинение начальству. Однако сестры имели право на собственное имущество, могли вернуться к родителям, требующим ухода, или вступить в брак. Среди сестер милосердия было много женщин и девушек знатного происхождения. Но все они находились в общине на равных правах, с одинаковой самоотверженностью переносили тяготы, лишения и опасности фронтовой жизни. Институт сердобольных вдов просуществовал до 1892 г., он явился прототипом общин сестер милосердия, которые стали создаваться в России с 1844 г.

Во второй половине XIX в. начинается расцвет сестрического дела в России. И стремительное распространение подобных общин было связано с частыми войнами и эпидемиями. Самыми известными были Свято-Троицкая, Крестовоздвиженская, Покровская и Община сестер милосердия Литейной части. Сестры обязывались заботиться о бедных больных, наставлять на путь истинный лиц, предававшихся порокам, воспитывать бесприютных детей и исправлять детей с дурными наклонностями. Община включала отделение сестер милосердия, женскую больницу, богадельню для неизлечимых больных, исправительную школу, пансион, приют для приходящих детей, аптеку. В общину принимались вдовы и девицы всех сословий в возрасте от 20 до 40 лет. Сестры не давали монашеских обетов, если сестра милосердия выходила замуж, то она исключалась из общины, не должны были иметь ни собственной одежды, ни мебели, ни собственных денег. Прежде чем получить звание сестры милосердия, женщины должны были пройти испытательный срок в течение года. По его истечении Комитет общины и сама женщина принимали решение. Посвящение в сестры милосердия проходило так же, как посвящение в «сердобольные вдовы». После литургии на каждую принимаемую в сестры возлагался золотой крест с изображением на одной стороне Пресвятой Богородицы с надписью «Всех скорбящих радость», а на другой – «Милосердие». Принимаемые сестры произносила присягу, в которой были слова о готовности быть нужным для восстановления здоровья вверенных болящих. Впоследствии сестры милосердия стали осуществлять уход за больными в малоимущих и бедных семьях.

Великий русский хирург Н. И. Пирогов часто посещал общины, присутствовал на совещаниях комитета общины, давал советы, проводил сложные операции. Деятельность Свято-Троицкой общины сестер милосердия с момента основания и до ликвидации в 1917 г. осуществлялась на благотворительные средства, в том числе средства царской семьи.

В 1846 г. в Санкт-Петербурге появилась еще одна община сестер милосердия Литейной части, основанная М. Ф. Барятинской. Цель общины – помощь нуждающимся больным, проживающим в Литейной части Петербурга. В небольшом деревянном доме помещались: приют для 24 старушек с платой, ясли-приют для грудных младенцев и детей до 3 лет на 12 колыбелей, где матери могли оставлять детей на всё время отлучек на работы (без ночевки); рукодельня для бедных девочек. После смерти княгини попечительство Общиной было передано дочери умершей учредительницы гр. О. И. Орловой-Давыдовой, которая пожертвовала Общине капитал в 97 379 руб. Во время заведования гр. Ольгой Ивановной были учреждены при Общине детская и женская больницы.

В 1854 г. при этой общине была открыта больница для раненых офицеров Балтийского флота, реорганизованная в 1856 г. во временный дом призрения для вдов и сирот офицеров, убитых в Севастополе. Позже добавилась детская больница и больница для призреваемых и прочих женщин и детей – за плату и без платы, при ней бесплатная лечебница для проходящих.

Расцвет христианской женской медицинской помощи связан с образованием Крестовоздвиженской общины.

В результате столкновения политических и экономических интересов России и коалиции Турции, Англии, Франции и Сардинии на Ближнем Востоке началась Крымская война (1853–1856). Боевые действия велись преимущественно в Крыму и на Черном море, а также на Кавказе, Балтике и даже Камчатке. Первыми оказывать помощь раненым на поле боя отправились сестры милосердия Крестовоздвиженской общины.

Эту общину создали великая княгиня Е. П. Романова и Н. И. Пирогов для попечения о раненых и больных. При назначении врачей следует «руководствоваться, – писала Елена Павловна, – не только продолжительностью их занятий при лечебнице, но в особенности научным образованием и опытом. Вообще желательно, чтобы

на службу при лечебнице были определены, по возможности, только врачи, занимавшиеся уже в больницах, как это положено правилом при Крестовоздвиженской общине» [Серебренников 1991, с. 118–119]. Сестры обязывались ухаживать за ранеными и больными не только на поле битвы, но и в госпиталях.

Н. И. Пирогову посвящено много статей и книг. Так, проф. Н. С. Епифанов опубликовал статью «Наставник первых русских медицинских сестер», где не только напоминает о значительных событиях из жизни знаменитого врача, но и обращает внимание на его участие в становлении сестринского дела в России. Сам Н. И. Пирогов в своих «Севастопольских письмах» и письмах, относящихся к Крымской войне, писал: «Поведение сестер было примерное и достойное уважения; обращение их со страждущими было самое задушевное... И замечательно, что самые простые и необразованные из них выделяли себя более всех своим самоотвержением и долготерпением в исполнении своих обязанностей. Многие из них пали жертвами прилипчивых госпитальных болезней» [Епифанов 1983, с. 49–50]. Н. И. Пирогов считал, что сестра милосердия должна быть благочестивой женщиной с практическим рассудком и «хорошим техническим образованием, но непременно должна сохранить чувствительное сердце». По мнению Пирогова, сестры милосердия должны были сохранять максимальную независимость от госпитальной администрации, а старшие сестры нравственно влиять на больничный персонал – в этом и состояло главное назначение сестер во время Крымской войны. Н. И. Пирогов для каждой категории сестер общины разработал подробную инструкцию деятельности и устав. Однако и от врачей, особенно от молодых, он требовал «исполнения опыта сестер», считая, что сестры не слепые исполнительницы. Членами общины были женщины разных сословий и уровня образования.

Н. И. Пирогов внес понятие о специализации в работе сестер общины: появились «хозяйки», «аптекарьши», перевязочные и операционные сестры, появилось понятие «старшая медсестра» вместо должности «главной начальницы». Также Пирогов отстоял идею введения женского труда в госпиталях (до этого уход осуществляли в большей степени мужчины) и высоко ценил способности сестер. Продуманная структура в последующее время легла в основу устройства большинства российских заведений подобного типа.

Примером героизма и самоотверженности во время Крымской войны стала Даша Севастопольская (Михайлова), безвозмездно помогавшая страдалцам, применявшая для перевязки ран обычный уксус как средство дезинфекции. Солдаты и матросы называли Дашу «сестричкой». Николай I приказал пожаловать ей золотую медаль на Владимирской ленте с подписью «За усердие» и 500 руб. серебром, а также велел объявить, что по выходу ее в замужество пожалует ей еще 1 тыс. руб. серебром на обзаведение.

После Крымской войны в Санкт-Петербурге в 1859 г. появилась Покровская община сестер милосердия. Члены общины заботились о больных и воспитывали бедных и бесприютных детей, была обязательной подготовка опытных сестер милосердия. Община включала отделение для сестер милосердия, больницу, лечебницу для амбулаторных больных, аптеку, отделение для грудных детей, отделение для детей младшего возраста (сюда принимались дети-сироты, калеки, слепые, дети из бедных семей), школу для мальчиков (которые оставались в общине до 12 лет), училище для подготовки фельдшерниц. Сестры милосердия и воспитанницы училища дежурили в больнице, лечебнице для амбулаторных больных, аптеке и обязаны были выполнять распоряжения врачей. Обучение фельдшерниц включало два этапа: подготовительный (гимназический) и специальный (медицинский). Учебная программа предусматривала изучение анатомии, физиологии, физики, фармакологии, клинических дисциплин, малой хирургии, десмургии, методов ухода за больными. Курс обучения составлял четыре года. Окончившие училище сестры милосердия получали аттестат, дающий право работать в качестве помощника лекаря.

В 1861 г. княгиня М. М. Дондукова-Корсакова создала в Псковской губернии общину сельских сестер милосердия. В Москве в 1863 г. княгиня А. В. Голицына организовала приют для иногородних монахинь, а при нем больницу и общину сестер милосердия. А в 1866 г. появилась община сестер милосердия под названием «Утоли моя печали» (по названию иконы Божьей Матери), в создании которой принимала активное участие княгиня Н. Б. Шаховская (община была создана при тюремной больнице, позднее при ней были открыты сиротский приют для девочек, больница и амбулатория). С течением времени община стала самой крупной в России.

Общины сестер милосердия в России возникли не только как специальные организации по уходу за больными, но и как религиозные учреждения, основанные на искреннем порыве женщин ухаживать за больными, ранеными и детьми. В этом смысле им более близкой была монашеская традиция. Сестрам, прослужившим в госпиталях не менее 25 лет, назначали из государственной казны пенсию в размере 100 р.

В 1897 г. Общество Красного Креста учредило в Санкт-Петербурге институт братьев милосердия. В военное время братья милосердия оказывали помощь раненым на поле боя, в перевязочных пунктах, находившихся на передовых позициях, осуществляли уход за больными в госпиталях и лазаретах, сопровождали транспорт с ранеными. Сестры милосердия принимали участие во всех событиях, связанных с военными действиями: в Крымской войне (1853–1856), в Русско-турецкой войне (миссия Красного Креста в Яссах 1877–1878), в Русско-японской войне (1904–1905), Первой мировой войне (1914–1918). Всего в военных действиях до революции работало 160 сестер, 17 из них погибли при исполнении долга.

В начале XX столетия руководство благотворительными учреждениями возглавила великая княгиня Елизавета Федоровна. В 1909 г. была открыта Марфо-Мариинская обитель, которая к 1911 г. становится «центром милосердия» в Москве. В 1914 г. община была превращена в госпиталь в связи с началом Первой мировой войны. Подготовка сестринского персонала осуществлялась при общинах. Важно отметить, что в наше время восстановлена деятельность этой московской общины.

До 1917 г. в России насчитывалось 10 тыс. сестер милосердия. 26 августа 1917 г. в Москве состоялся I Всероссийский съезд сестер милосердия, на котором было учреждено Всероссийское общество сестер милосердия. После революции в России существовало 109 общин и около 10 тыс. сестер милосердия. С началом Первой мировой войны все находившиеся в России женщины Дома Романовых принялись за организацию лазаретов, санитарных поездов, складов белья и медикаментов, приютов и мастерских для увечных воинов, помощи семьям солдат. Уже к декабрю 1914 г. в Москве было открыто 800 лазаретов, а также госпитали в Минске, Киеве и Тифлисе. Организовали лазареты и все великие княжны. Когда началась война, императрица Александра Федоровна вместе со

старшими дочерьми Ольгой и Татьяной прошла кратковременные курсы по уходу за ранеными. Они ежедневно трудились в Царскосельском лазарете простыми сестрами милосердия: подавали на операциях инструменты, делали перевязки, в том числе самые сложные, требовавшие большого профессионализма, ухаживали за ранеными, чистили инструменты, делали бинты, готовили к отправке на фронт одежду и медикаменты. В сохранившихся дневниках великой княгини Ольги Николаевны особенно чувствуется неподдельный интерес, любовь и сострадание к людям. Императрица Александра Федоровна писала о перевязках, которые делала, состоянии подопечных раненых и смерти тех, к кому успела привязаться и кого успела полюбить. В 1914 г. вышло распоряжение пригласить на добровольных началах вдов и направить их в Санкт-Петербургскую больницу для «прямого назначения как ходить и смотреть за больными». Женский труд в медицине стал заметным явлением и занял подобающее ему место в лечении и уходе за ранеными и больными. Высокие моральные качества, служение страдающим людям стали традицией русских сестер милосердия.

Эти традиции продолжились и в последующее время. Так, например, в среде русского зарубежья. Для эмигрантов, вынужденно оказавшихся вне России и в труднейших обстоятельствах, огромную помощь оказывало Российское общество Красного Креста (РКК), основанное еще в 1867 г. С момента основания сохранялись его основные принципы: оказание помощи раненым во время военных и стихийных бедствий, пострадавшим при пожарах, от эпидемий и т. п. Общество заслужило высокий международный авторитет. После 1917 г. для русских беженцев за рубежом были устроены инвалидные дома, осуществлялось бесплатное лечение, оказывалась социальная помощь, не только на территории России, но и в отдаленных точках мира. РКК к 1917 г. располагало квалифицированным медперсоналом (2,5 тыс. врачей, 20 тыс. сестер милосердия, 50 тыс. санитаров), собственным транспортом (в том числе, госпитальные суда и спецпоезда), лабораториями и амбулаториями, лечебными заведениями и перевязочными пунктами. Материальная база формировалась за счет благотворительных поступлений [Соловьев 2016]. Кроме того, в это трудное время XX в. появляются и другие благотворительные организации. Например, Всероссийский земский союз помощи больным и раненым

воинам, Всероссийский союз городов и др. В их задачи входили организация лазаретов, госпиталей, санитарных поездов, пунктов бесплатного питания, выдача одежды, предметов гигиены, закупка медикаментов [Соловьев 2016, с. 11–12].

Затронутые проблемы заставляют каждого из нас задуматься о значении милосердия и сострадания в профессиональной деятельности, тем более врачебной. Сестры милосердия часто подавали пример своей жертвенностью, бесстрашием, принимая участие в военных действиях и приходя на помощь больным и страждущим во время эпидемий. «Крестьянские женщины, видя старание сестры при уходе за больными в доме милосердия, – писал один из врачей, – выражали свое удивление, говоря, что редкая мать будет так ухаживать за своими собственными детьми» [Кохан 1983, с. 49].

Часто в труднейших обстоятельствах идеи милосердия помогали найти в себе мужество, бескорыстие и самоотверженность, показать пример человечности и тех качеств, без которых невозможно представить настоящего врача и медсестру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Епифанов Н. С.* Наставник первых русских медицинских сестер // Медицинская сестра. 1983. № 3. С. 48–50
- Кохан А. И., Милявский В. М.* Сестры милосердия в борьбе с эпидемией дифтерии // Медицинская сестра. 1983. С. 48–49.
- Серебренников А. Б.* Великая княгиня Елена Павловна и отечественная медицина // Клиническая медицина. 1991. № 10. С. 116–119.
- Соловьев В. М.* Три волны эмиграции. Хроника Русского зарубежья: Одиссея длиной в век. М. : ЛЕНАНД, 2016. 200 с.

УДК 179.9

И. Б. Смирнова

преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы МГЛУ;
e-mail: le21mars@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ МОТИВА «ПАРИ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ XIII СТОЛЕТИЯ

В статье анализируется сюжетообразующий мотив средневекового французского романного цикла «о пари» в социально-философском аспекте.

Ключевые слова: «пари»; «табу»; модус; бытие; обладание.

Smirnova I. B.

Lecturer, Department of Literature, MSLU; e-mail: le21mars@mail.ru

SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE “BETTING” ON THE MATERIAL OF THE FRENCH “COURTLY-REALISTIC” WORKS OF THE 13TH CENTURY

The article analyzes the plot-forming motif of the medieval French novel “about betting” in the social and philosophical aspects.

Key words: “betting”; “taboo”; modus; being; possession.

Социально-философский анализ мотива «пари» проводится на материале французских куртуазно-реалистических произведений XIII в.: «Роман о Фиалке» Ж. де Монтрей, «Роман о Розе» Ж. Ренара и анонимный «Роман о графе Пуатье». Проблема пари выражается в них мировоззренчески концентрированно: как в поэтическом слове, так и в сюжетообразующем символе. Исследование мотива «пари» дает срез средневековой французской культуры в социально-философском, нравственном, культурологическом, психологическом и историческом аспектах. Постановка вопроса о правомерности и целесообразности заключения пари на верность своему слову, нравственному долгу, продолжает быть актуальной и для современности, поскольку выявляет этическую и гражданственную позиции человека в острой жизненной ситуации.

Проблема пари подобна «Древу познания», которое своими корнями уходит к собственному выбору «духовное – бездуховное»/«нравственное – безнравственное» (этические измерения индивидуального эгрегора) и ответственности перед собой, а самыми верхними ветвями кроны касается оглядки на чужое мнение: «что подумает соперник, общество, она/он» и ответственности перед другими. Высвечивая социально-психологические контрасты между наивностью протагониста, принародно хвлящегося достоинствами любимой женщины, хитростью и прагматичностью злоумышленника, который пользуется его промахом с целью занять чужое место при дворе, и конечной мудростью «саморегулирующейся» фабулы, награждающей и наказывающей героев по заслугам, мотив «пари» в цикле произведений, на него нанизанных, возвращает человека к самому себе. Азартная игра в «пари» обесценивает рациональный элемент взаимоотношений – идею «проверки» крепости любви – перед лицом иррационального – взаимной веры друг в друга, – которая, осознавая себя, способна открыть в себе бесконечность душевно-духовных потенций и затем отразиться ею в другом, собою ее в другом взаимно раскрывая.

На первый взгляд, частично основанные на исторических событиях сюжеты этого ряда произведений преимущественно психологически исследуют семейную среду протагонистов. Однако главную пружину всякого сценария любви между мужчиной и женщиной в такого рода мотиве «пари на верность» позволяют выявить глубинная философская рефлексия и культурологическая ретроспекция. Основной анализируемой корреляцией сил, управляющих динамикой фабулы, в этих двух аспектах предстает корреляция «доверие – недоверие». С психологической точки зрения, анализ мотива пари на примере романских старофранцузских сюжетов XIII в., выходит на душевные состояния «комфорта – дискомфорта» в личной и общественной жизни. С философской точки зрения мы желаем поднять анализ мотива «пари» на вышеупомянутых примерах на уровень категорий «бытийности – небытийности», где модус бытия превзойдет своей абсолютной неотменной значимостью модус обладания и выявит бесспорные преимущества доверия. С культурологической же точки зрения анализ мотива «пари» во французских острых романских сюжетах восходит, в частности через символику цвета и цветка, к сфере

взаимодействия мужских и женских энергий, принявших в древности названия Ян и Инь.

Поскольку идея заклада и пари связана с необходимостью предъявления доказательств, анализ конфликтологии цикла «о пари» заставляет предположить, что заключение морального пари на верность предшествует в XIII в. юридическим требованиям неоспоримых аргументов. Здесь мы предполагаем ситуацию, когда социальные модели задаются моделью семейных отношений, которая восходит к Ян – Инь архетипу, предполагающему некоторую динамику в развитии. Последняя бывает обусловлена, в частности, изменением познавательных установок коррелятов, призванных сосуществовать в гармонии. Иррациональное (силы веры/доверия/любви), с одной стороны, и рациональное (требование представить доказательства верности) с другой – вступают между собой в конфликт, в той мере, в какой доверие – право и обязанность женщины и женской половины психики: Анимы, а требования рассудка – право и обязанность мужчины и мужской половины психики: Анимуса. Поиск баланса, согласия и гармонии начал является в фабуле художественного произведения, также как в жизненной практике, залогом удачи, успеха, блага, достижения намеченной цели, состоятельности совместного проекта, принципиальной завершенности жизненной задачи.

Подобно тому как в Западно-Франкском королевстве XIII в. борются за власть папа и император, а в философии противостоят реализм и номинализм, две формы художественной объективации конкурируют в литературном и художественном творчестве: мифологическая и историческая. Это соперничество проявляется, в частности, в структуре сюжета куртуазного романа первой половины XIII в. Гротескный момент его эволюции проявляется в том, что роман, уже не способный оставаться в сфере чистого вымысла, начинает постепенно обращаться познавательно к миру повседневности. Фантастические и чудесные образы отступают под напором исторической необходимости усматривать в совокупности социокультурных, экономических и юридических причин скрытые пружины, определяющие решения и поступки героев: таким образом средневековое художественное сознание переориентируется с «идеализации и абстрагирования» (Д. С. Лихачев) на документальность конкретно-исторического события. Внимание

современного исследователя средневековых источников, получающего через призму проблемы пари как картину нравов XIII в., так и актуальный жизненный урок привлекает целеполагание реального жизнестроительства.

Введение в ткань романа мотива «пари», связанного генетически с мотивом «табу», оказывается одним из признаков перехода к исторической объективации романских событий. Если любой миф: будь то кельтский миф о Мелюзине, древнегреческие мифы о Психее или о Фетиде, древнеяпонский миф о волшебнице Юки Онна и прочие подобные сюжеты древнего эпоса и фольклора в своей идее проверки верности (данному слову) останавливаются на идее табу, при нарушении которого разрушается целостность и единство влюбленной или супружеской пары, то полуисторические романы «о пари» в своей идее необходимости проверки на верность (данному слову) идут дальше, вводя мотив азартной игры на титулы и земли спорщиков, что трансформирует онтологическую проблематику верности – неверности (другу / супругу) в социально-экономическую проблематику соответствия гражданским нормам поведения и представлениям о семье как о взаимноответственном экономическом союзе. Мифологической объективации любовной интриги уже недостает для того, чтобы представить сюжет «о пари» во всей его остроте.

Полумифологические полуисторические способы объективации оправданы в романах о пари также тем фактом, что данные куртуазно-реалистические произведения выстроены частично на жизненном материале. Авторы этих как стихотворных, так и прозаических романов желают оставаться в рамках правдоподобия: география и герои предстают реалистичными, вымышленные персонажи взаимодействуют с историческими. Несмотря на рудименты восточновизантийских и сказочных эпизодов, логика развития фабулы становится более достоверной, что и делает возможным в процессе анализа текста произведений на мотив «пари» осуществить социально-философский анализ пари.

Нарастание реалистических тенденций, по мнению А. Д. Михайлова, выразилось в начале XIII в. «не в увеличении бытовых деталей и повысившемся интересе к сниженным темам, а в изображении острых конфликтов, подсказанных <...> феодальной действительностью» [Михайлов 2006, с. 258]. По выражению

Мишеля Зенка [Zink 1992, с. 162], «реалистические» романы XIII в. не являются таковыми в современном смысле слова, но их задача состоит в отражении объективной реальности в романическом средневековом искусстве. Неартуровский куртуазный роман является прародителем будущей новеллы. Чувства героев передаются в нем посредством внутренних монологов и диалогов, основную сюжетную линию сопровождает более или менее богатый приключенческий материал: похищения, совпадения, неожиданные столкновения и встречи. Но всё это совершается в современном автору мире, даже встречаются ссылки на известные исторические лица. Цикл историй «о пари» можно считать частью более общей категории произведений об оклеветанных добродетельных женщинах.

Главенствующая роль доверия героя героине в достижении намеченных автором и героями целей подтверждается счастливой развязкой, которая намечается с того момента, как протагонисту становится известна истина о несокрушимости возлюбленной и низости инициатора пари, добывшего ложные свидетельства якобы преступления. При анализе пари преимущество доверия героине, не совершавшей зла, предстает бесспорным. Спорным остается «порядок» и «статус» проверок и доказательств верности (слову) относительно друг друга, который выявляет парадоксально:

1) абсолютную и исключительную ценность первичного уговора между женихом и невестой или супругами (который автор данного исследования предлагает называть «первичным пари») и в котором фигурирует мотив табу, порождающий в куртуазном реализме соответствующую цветочную символику);

2) бессмысленность какой-либо проверки первичного пари вторичным (собственно пари как азартная игра);

3) избыток веры в женское обещание при заключении первичного уговора;

4) недостаток веры в женское самооправдание при заключении вторичного;

5) тайный духовный смысл отказа от прямого обладания ради повышения качества бытийности каждого героя и их союза, сублимации человеческого существа и интеграции его в высшее божественное Я.

Если первый вывод самоочевиден, то второй нуждается в пояснениях. «Вторичное пари», а именно, пари, на которое вынуждает

протагониста герой-злоумышленник, является преступным для протагониста в отношении самого себя (см. статью о легитимности – нелегитимности похвальбы [Смирнова 2016]), в отношении девушки, которую он «подставляет» недостойному испытанию, в отношении королевского придворного этикета, поскольку инцидент недоверия обнаружится. Хотя «вторичное пари», на первый взгляд, подтверждает веру героя в преданность и нравственность героини, оно бросает тень на протагониста тем, что он вступает в азартный спор как лицо, заинтересованное в обогащении. Защитить честь он мог бы скорее уклонившись от заключения пари и от испытаний женщины. Ведь мы не можем исключить такой исход, при котором невинную героиню клеветник мог бы взять силой, только ради выигрыша.

Таким образом, сюжеты на мотив «пари» обнаруживают полифологический полуисторический характер объективации, который выявляет, в свою очередь, в плоскости жизненной практики большую степень бытийности в абсолютном доверии и неразглашении тайны отношений, чем в проверке на верность (слову) и обнаружении результатов испытаний (независимо от того, каков результат). Речь идет о доверии не только по отношению к партнеру, но также по отношению к судьбе и Провидению, которое направляет человеческие пути к конечному благу и предполагает требовательность человека к себе самому скорее, чем к окружающим.

В качестве итога философского анализа, можно коротко сформулировать то восприятие проблемы пари, которое формирует у читателя/слушателя средневековый французский материал. Идея всякого пари обесценивается любовью. Так, мы вправе на данном этапе исследования сделать вывод: заключение пари, которое следует за невольной нелегитимной похвальбой достоинствами женщины, остается, с одной стороны, безнравственным (ставит женщину под удар), а с другой – бессмысленным (обнаруживает несостоятельность игры). Что подтверждается также древневосточными духовными писаниями, например: «Брахман не должен ... совершать безумные поступки, которые принесут в будущем страдания и беды (Текст 70). <...> Он не должен заключать с кем-либо пари, браниться, носить венок на голове ... ибо подобные действия достойны осуждения (Текст 72)» [Манусамхита, с. 102].

Основной же философско-нравственный вывод, лишенный амбивалентности в отличие от вышеприведенного, заключается в том, что пари как обоюдное испытание влюбленных либо супругов, осложняющееся во всех версиях сюжета длительной разлукой, обуславливает вынужденный отказ от прямого обладания ради последующего взаимного обретения на более высокой ступени качества бытия и интенсивности общения. Вспомним наставление, которое дал в сновидении Раме¹ его добрый гений Дэва Нахуша (Deva Nahousha)², относительно влюбленной в него Ситы³: «Если ты заключишь эту женщину в свои объятия, твое счастье убьет ее. Но если ты откажешься от обладания ею, она будет жить счастливая и свободная на земле и твой невидимый дух будет управлять ею». Почувствовав, что высочайшая любовь есть в то же время высочайшее отречение, он положил свою руку на лоб белой женщины, благословил ее и сказал «Прощай! Оставайся свободной и не забывай меня!» [Шюре 2017, с. 62].

Однако возможен также чисто исторический подход к вопросу об этических сторонах пари, обращенных к спорщикам, обществу и женщине. И этот подход здесь отменяет всё вышеприведенное обсуждение, подводя под мотив пари основу феодальной традиции почитания старшего. Если с философских позиций мы оценивали пари и соизмеряли его воспитывающее воздействие на всех участников придворного действия, то с исторической позиции мы вынуждены вовсе элиминировать онтологический и социальный аспекты проблемы пари. Как только мы исторически принимаем во внимание тот факт, что похвальба подругой или молодой женой выглядит не столько наивной и аморальной (что может быть дурного в непосредственном восхищении очевидными достоинствами?), сколько попросту неуместной в присутствии монарха, все действия испытателя-«клеветника» оправдываются тем, что он мстит невоспитанному протагонисту за личную обиду короля.

¹Первый создатель арийской религии, которого Зенд-Авеста называет Иима (Yima) и который выведен в древнеиндийском эпосе «Рамаяна» в двойной тиаре – завоевателя и посвященного.

²Божественный Преобразователь.

³Сита в сновидении Рамы предстает не только в земном человеческом, но и в аллегорическом образе: «Я – женщина, возвеличенная тобою, я – белая раса, я – твоя супруга».

Ведь как при древнерусском великокняжеском дворе, при княжеских дворах феодальной Европы – не говоря уже о королевских дворах – употребление превосходных степеней качеств подобало лишь в отношении высшего сюзерена и, соответственно, его супруги (если таковая у него имелась).

Таким образом, исторический подход к оценке пары растворяет одну в другой философскую и культурную проблематику, утверждая, что нехорошо похвально достоинствам подруги или супруги при сюзерене. Этот подход отсылает к идее строгой упорядоченности средневекового универсума: «Мир средневекового и ренессансного человека – космический, природный, животный, растительный, в той мере, в какой он противостоит хаосу, – упорядочен и иерархичен. В ряду небесных светил солнце главенствует над луной, в ряду металлов золото – над серебром, в ряду минералов драгоценные камни – над обыкновенными, в растительном царстве дуб господствует над лесными деревьями, роза – над цветами и т. п.» [Бондарев 2014, с. 50]. В то же время он учит благоговейному почитанию короля как образа и наместника христианского Бога на земле, что и вполне объяснимо в «золотой» век французского Средневековья – эпоху теоцентризма.

Анализ пары проливает свет на истоки сформулированной современной философской антропологией и герменевтикой «проблемы человека». В исследуемых романах также прослеживается взаимообусловленность провиденциальных сил и индивидуальных устремлений. Моральные усилия влюбленных, ориентированные на достижение социально-психологической гармонии между ними, совпадают в развязке с волей Провидения, требующего от героев совершения усилия, направленного на осознание своей роли в деле нравственного жизнестроительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарев А. П.* Мифология. История. Человек: Литература Великобритании и США: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: МГЛУ, 2014. 567 с.
- Ману-самхита*: Законы человечества / отв. ред. В. Осипенко (Парахамса д.). 3-е изд. М.: Философская книга, 2013. 384 с.
- Михайлов А. Д.* Французский рыцарский роман и вопросы типологии жан-

ра в средневековой литературе. М.: КомКнига, 2006. 352 с.

Смирнова И. Б. Бытование мотивов пари и похвальбы в параллельных французскому циклу «о пари» русских эпических произведениях о веке Владимира [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета; вып. 10 (749). М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2016. С. 111–140. Режим доступа: www.vestnik-mslu.ru/Vest-2016/10_749_СМУКnet.pdf).

Шюре Э. Великие посвященные: очерк эзотеризма религий / пер. с фр. Е. Писаревой. СПб.: Азбука : Азбука-Аттикус, 2017. 576 с. (Азбука-классика. Non-Fiction).

Zink M. Littérature française du Moyen Age. P.: Presses universitaires de France, 1992. 397 p.

УДК 30 +316.7

В. М. Соловьев

доктор исторических наук; профессор кафедры мировой культуры факультета гуманитарных наук, МГЛУ; e-mail: v-soloviev@mail.ru

НАУКОВЕДЕЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В. О. КЛЮЧЕВСКОГО

Статья пополняет научную биографию великого русского историка В. О. Ключевского новыми гранями его деятельности. Он не только жил и творил в период расцвета русской философии, но и сам был ее оригинальным носителем и ярким представителем русского духовного ренессанса. Как ученый он значительно опередил время и в своем понимании истории совмещал в себе философа, экономиста, филолога, географа, социолога, культуролога, эколога, психолога, религиоведа... Чувство исторической перспективы и науковедческая проницательность никогда не изменяли ему, и потому он, как никто другой, до сих пор будит мысль и раздвигает «зашоренные» стереотипами и «зашлакованные» общими местами и штампами горизонты мировоззрения. Основное внимание автора статьи сосредоточено на новациях Ключевского, качественно изменивших принципы и методы теоретического знания в сфере общественных наук.

Ключевые слова: культура; цивилизация; философия истории; историософский кругозор; интеграция гуманитарных наук; историческая и социокультурная динамика; интеграция наук; система ценностей; научный синтез; историческая целостность; взаимодействие и взаимовлияние материальной и духовной культуры; чувство исторической перспективы; науковедческая проницательность; футурология.

Soloviev V. M.

Doctor of Philology (Dr.habil), Professor, Department of World Culture, Faculty of the Humanities, MSLU; e-mail: v-soloviev@mail.ru

SCIENTIFIC INNOVATIONS OF V. O. KLYUCHEVSKY

The article replenishes the scientific biography of the great Russian historian V. O. Klyuchevsky with new aspects of his activity. He not only lived and worked during the heyday of Russian philosophy, but he was also its original bearer and a vivid representative of Russian spiritual renaissance. As a scientist, he was much ahead of time and in his understanding of history he was a combination of a philosopher, economist, philologist, geographer, sociologist, culture expert, ecologist, psychologist, religious scholar... The sense of historical perspective and scientific insight never betrayed him, and therefore, perhaps, he, like no one else, is still awakening the thought and extending the horizons of the world outlook, obscured by stereotypes and blinded with common places and stamps. The main attention of the author of the article is focused on Klyuchevsky's innovations, which have efficiently changed the principles and methods of theoretical knowledge in the field of social sciences.

Key words: culture; civilization; philosophy of history; historiosophical outlook; integration of human sciences; historical and sociocultural dynamics; integration of sciences; system of values; scientific synthesis; historical integrity; interaction and mutual influence of material and spiritual culture; sense of historical perspective; scientific insight; futurology.

Обращаясь к богатейшему наследию В. О. Ключевского, всякий раз находишь в сочинениях этого классика нашей исторической науки нечто такое, что представляешь его изобретателем машины времени, на которой он волшебным образом путешествовал в прошлое и, доплыв до нужной эпохи, выставлял как из подводной лодки перископ и получал не только картинку, но и всю сопутствующую информацию. Отсюда такая поразительная точность в передаче им духа и примет времени. Ну а умение по мелочам, деталям ухватить главное, сутевое – это у него уж от Бога.

Наследуя М. П. Погодину, С. М. Соловьеву, К. Д. Кавелину, Б. Н. Чичерину, В. О. Ключевский тем не менее везде первичен, ибо не вторит им, а всегда говорит собственным голосом, на всё имеет свое мнение.

Вопросов, которые возникают в связи с Ключевским, не меньше, чем загадок и тайн, которые он оставил. Но главная интрига, пожалуй, состоит в его вечной актуальности. Ведь, пожалуй, из всех перечисленных мэтров отечественной истории с добавлением к ним одного из самых сегодня популярных Н. И. Костомарова Ключевский единственный, кто ни в коей мере не устарел. Ключевский единственный, кто ни в коей мере не устарел. Достаточно привести для примера всего несколько из россыпи его знаменитых афоризмов:

Смутные времена только тем отличаются от спокойных, что в последние говорят ложь, надеясь, что она сойдет за правду, а в первые говорят правду, надеясь, что ее примут за ложь: разница только в объекте вменяемости.

Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога! Все это чувствуют и задают вопросы, что делать? Ответа нет.

В России центр на периферии.

Христы редко являются, как кометы, но Иуды не переводятся, как комары.

Наша беда в нас самих: мы не умеем стоять за закон [Тайны истории 1994, с. 14].

Не правда ли, впечатление такое, что всё это сказано будто здесь и сейчас и не мыслителем-острословом, жившим сто лет назад, а каким-то нашим мудрым современником? В этом весь Ключевский.

Сегодня интеграция гуманитарных наук – императив и норма, но Ключевский в этом отношении чувствовал себя абсолютно свободно и не стесненно и в свое время. Едва ли не всё, что им создано, междисциплинарно, и сам он служил не только любимой музе Клио, но и курировавшей философию Каллиопе, совмещал в себе экономиста, филолога, географа, социолога, культуролога, эколога, психолога, религиоведа...

Ключевский – мощный концептуалист, он демонстрирует в своих трудах как глубину мысли, так и широкий историософский кругозор. Его интересует: как, из каких зерен развивалась русская история; какие периоды, эпохи, цивилизации, культуры в ней прослеживаются; насколько укладывается она в общую схему и что собой эта схема представляет. В своих основополагающих работах Ключевский вопреки закрепившемуся в научной литературе мнению вовсе не ограничен детерминацией, экономикой. Этим ему «удружила» советская историография, пытаясь легализовать взгляды «буржуазного» историка, подведя их под марксово учение. Философский алгоритм истории Ключевского далеко выходит за эти узкие рамки и включает всеохватывающую систему ценностей, в основе которой лежит тесное взаимодействие материальной и духовной культуры. Как исследователь он, как бы мы сказали сегодня, выбирает опции, предоставленные разными историческими и гуманитарными дисциплинами и не только оперирует освоенными к тому времени приемами научной работы, но и опробует новые. В этом смысле В. О. Ключевский приобщает нас к не менее богатому и теоретически оригинальному достоянию мысли, чем, к примеру, социокультура П. А. Сорокина. Реконструкция В. О. Ключевским русского прошлого являет собой уникальную историческую целостность, выступающую как совокупность экономических, религиозных, политических, философских, социальных, идейных, научных, литературно-художественных (архитектура, скульптура, живопись, музыка и др.) и тому подобных накоплений и конструкторов, составляющих в сумме систему приоритетов и определяющих основной вектор

культуры и цивилизации и соотношения между ними. Именно этому новаторскому вкладу историка в науку и посвящена настоящая статья, основное внимание в которой сосредоточено на новациях Ключевского, качественно изменивших принципы и методы теоретического знания в сфере общественных наук.

Историческая и социокультурная динамика переданы Ключевским настолько во всеоружии самых горячих и теперь, по прошествии стольких лет, методов исследования и осмысления общественного бытия и при таком минимуме описательности и статики, что отрицать науковедческие достижения и активы автора знаменитого «Курса русской истории» не приходится, пусть даже они не всегда им обозначены и сформулированы. Кстати, любопытно было бы себе представить, как выглядел бы в его исполнении трафаретный УМКД (учебно-методический комплекс дисциплины) по отечественной истории, доведись ему, не дай Боже, его заполнять.

Историю культуры и цивилизации Ключевский обобщает в схему социально-исторического процесса, методологически понимаемого им как симбиоз исторического и социологического и именуемого исторической социологией. Только так, по его разумению, правомерно подступать с научной меркой к необозримо разнообразным явлениям человеческой жизни. «Все эти явления, – считает Ключевский, – складываются в великую жизненную борьбу, которую вело и ведет человечество, стремясь к целям, им себе поставленным. От этой борьбы, постоянно меняющей свои приемы и характер, отлагается нечто более твердое и устойчивое: это – известный житейский порядок, строй людских отношений, интересов, понятий, чувств, нравов. Сложившегося порядка люди держатся, пока непрерывное движение исторической драмы не заменит его другим» [Ключевский 1987, с. 34].

Культуру «в волнистом потоке исторической жизни» Ключевский рассматривал как целостность и во внутренней увязке с духовным миром человека: «Накопление опытов, знаний, потребностей, привычек, житейских удобств, улучшающих, с одной стороны, частную личную жизнь отдельного человека, а с другой – устанавливающих и совершенствующих общественные отношения между людьми, – словом выработка человека и человеческого общежития... Степень этой выработки, достигнутую тем или

другим народом, обыкновенно называют его культурой...; признаки, по которым историческое изучение определяет эту степень, составляют содержание особой отрасли исторического ведения, истории культуры...» [Ключевский 1987, с. 34–35].

В арсенале В. О. Ключевского множество опережающих время исследовательских приемов. Так, он свободно применяет «соединение научных сил», обобщение фактуальной информации об объектах, т. е., говоря современным языком, практикует не что иное, как научный синтез: «научная мысль, – утверждает он, – не может долго выдерживать спорадическое центробежное направление и в себе самой найдет искомый синтез, свой центр тяготения» [Ключевский 1903, с. 7–12].

«Успехи людского общежития, приобретения культуры или цивилизации, которыми пользуются в большей или меньшей степени отдельные народы, – отмечал Ключевский, – не суть плоды только их деятельности, а созданы совместными или преемственными усилиями всех культурных народов, и ход их накопления не может быть изображен в тесных рамках какой-либо местной истории, которая может только указать связь местной цивилизации с общечеловеческой, участие отдельного народа в общей культурной работе человечества или, по крайней мере, в плодах этой работы» [Ключевский 1987, с. 35–36].

«Мы, – считает он, – не привыкли обращать должного внимания на многие явления, из которых слагается внутренняя история человека, и – именно на те явления, которые возникают из обыкновенных, самых простых причин, производят в нас незаметную, неосознаваемую работу и уж только результат дают нашему сознанию. Удивительно ли, что в нас иногда обнаруживается так много непонятого для нас самих, неожиданного, чудесного. Каждая дума, ощущение, каждая сцена, пронесшаяся перед глазами, оставляет след в душе, не всегда сознаваемый; а из суммы таких следов слагается известное настроение, даже взгляд. Если для образования известного характера необходим выбор подходящих к нему впечатлений, то этот выбор невозможен без предварительного изучения свойств и причин впечатлений, наиболее обыкновенных и часто возникающих, а также и условий, при которых они действуют на человека известным образом» [Ключевский 1990, с. 280–281].

Ныне в научном мире Василию Осиповичу заслуженно отдается дань не только как великому историку, но и выдающемуся

философу, корифею литературы, мастеру словесности, остроумному афористу и парадоксалисту, неординарность оценок которого часто направляла науку в неожиданное русло – одним словом, человеку необъятного творческого потенциала. Как по-настоящему талантливая личность он был талантлив во всем.

Из XXI столетия Ключевский видится как человек Серебряного века. Он чутко воспринял лучшие и самые высокие гуманистические идеи и идеалы своего времени и создал художественно-интеллектуальную историю, органично вписывающуюся в сокровищницу русского религиозно-философского ренессанса.

Но, строго говоря, сам Василий Осипович считал своим не XX, а XIX столетие, и его принадлежность к людям 1960-х гг., или «шестидесятникам», конечно, безусловна. Больше того, он признавался, что в XX век попал по ошибке, недолюбливал его, потому что пророчески прозревал грядущие и уже близкие угрозы и потрясения, с которыми не мог примириться. Он принадлежит к числу тех оракулов России, которые пророчески предсказали новую смуту, крах царской власти и одновременно государственности. В частности, он совершенно точно прогнозировал, что Николай II – последний государь, а его сыну Алексею царствовать не суждено; что династия Романовых «вымрет раньше, чем перестанет быть нужной»; что бесцарствие обернется несчастьем для России и ее народа; что страну ждут трагические времена, под которыми, по видимому, историк подразумевал революцию и кровопролитную Гражданскую войну.

В. О. Ключевский из тех историков, у которых был редкий дар, изучая прошлое, заглядывать вперед. Его волновало будущее. Он тревожно всматривался в него, оценивал нравственные идеалы народа, глубоко задумывался о понятиях добра и зла, сострадания, любви к ближнему, чувства долга, ответственности потомков перед великими предками и, наоборот, старших поколений перед младшими, и всё это было для него не отвлеченной этикой, а живой историей [Соловьев 2015, с. 39].

Футурология Ключевского распространялась и на судьбы всего человечества. Так, он уверенно предвещал, что научно-технический прогресс неминуемо приведет не столько к благоденствию, сколько к свержению устоев общества, росту агрессии, милитаризации, и армии мира будут оснащены поражающими средствами, которые поставят им «учебники химии и лаборатории», т. е. ученый вполне

определенно предупреждает, что на смену пороховым снарядам заступит страшное оружие массового поражения.

В. О. Ключевского с полным правом можно назвать духовным пастырем русской нации и причислить к сонму писателей, поэтов, художников, композиторов, ученых, по которым страна и народ проверяют свое движение вперед. Причина, по которой он не забыт, универсальное объяснение им происходивших в минувшие эпохи и новейших событий и общественных процессов. Его интеллект не только постигал и извлекал истину из запутанного клубка отвлеченных споров, но и поражал широтой осмысления и глубокой познания. Холодный скепсис и трезвый взгляд на вещи оберегали его от романтических заблуждений, что мир может изменить добрая воля. В цепочке умозаключений и логических рассуждений Ключевского нет слабых звеньев. Главный критерий, который открывает ему природу общества, конкретная реальность. Он излагал то, что думал, в оптимальной форме, невольно следуя за девизом Томаса Карлейля «Язык есть тело мысли», но делал это совершенно независимо от своего именитого английского коллеги, ибо придерживался собственной шкалы ценностей и принципов научной верификации, на которые наводила дарованная ему боговдохновенность. Сами того не ведая, мы обозначаем словами Ключевского не только многое из того, что было и давно осталось позади, в архиве истории, но и немало из сегодняшней действительности. Ведь чувство исторической перспективы и науковедческая проницательность никогда не изменяли ему, и потому, пожалуй, он, как никто другой, до сих пор будит мысль и раздвигает зашоренные стереотипами и зашлакованные общими местами и штампами горизонты мировоззрения.

Ключевский с большой осторожностью коррелировал реальное историческое пространство и настоящее, не перенося сегодняшнюю линию исторического развития ни на прошлое, ни на будущее. Отказом создать некую универсальную теорию истории, воздержанием от произвольных построений в духе мутнящего рациональное и здравое в науке и обесмысливающего ее постмодернизма В. О. Ключевский подчеркнуто дистанцировался от присущего многим его современникам и потомкам претенциозно-утопического стремления найти ключ к абсолютному и конечному познанию человеческого бытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ключевский В. О.* Дневники и дневниковые записи // Соч.: в 9 т. Т. IX. М.: Мысль, 1990. 525 с.
- Ключевский В. О.* Задачи научной популяризации // Научное слово. 1903. № 1. С. 7–12.
- Ключевский В. О.* Лекция I. Курс русской истории // Соч.: в 9 т. Т. I. М.: Мысль, 1987. 430 с.
- Соловьев В. М.* В. О. Ключевский как историк и философ культуры // Вече. Журнал русской философии и культуры. Ч. II. 2015. Вып. 27 (2). С. 38–48.
- Тайны истории. М. П. Погодин, Н. И. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский о пользе исторических знаний: сб. / сост., вст. ст., коммент. В. М. Соловьева. М.: Высш. шк., 1994. 239 с.

Сетевое электронное научное издание

ВЕСТНИК	VESTNIK
Московского государственного	of Moscow
лингвистического университета.	State Linguistic University.
Языкознание	Humanitarian Sciences
Выпуск 7 (779)	Issue 7 (779)

Ответственные за выпуск 7 (779):
доктор филологических наук, профессор *Е. Е. Голубкова*
доктор филологических наук, профессор *А. П. Бондарев*
доктор филологических наук, профессор *Е. А. Осьминина*
доктор философских наук, профессор *В. А. Васильев*

Редактор Н. Г. Павлова
Компьютерная верстка Г. П. Лопатиной
Дизайн обложки А. Г. Проскуракова

ФГБОУ ВО МГЛУ

Подписано в печать 13.11.2017 г.
Усл. печ. л. 6.0 Формат 60x90/16
Заказ № 1552

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

В «Вестнике Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим отраслям науки и / или группам специальностей научных работников:

10.02.00 – Языкознание
10.01.00 – Литературоведение
24.00.00 – Культурология
09.00.00 – Философские науки

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Ссылка на издание обязательна